

Живительный эликсир или опиум прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России



Балагушкин Евгений Геннадьевич  
Живительный эликсир или опиум прокаженного? Нетрадиционные религии, секты и культы в современной России. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 256 с. (Рационалистический подход к явлению «религия».)

Вынесенный в заголовок книги вопрос вовлекает читателей в острую дискуссию последних десятилетий о природе новых религий, сект и культов, широко распространившихся в западном мире. Что привлекает людей в нетрадиционные религиозные объединения? Ответ вы услышите прямо из уст молодых богоискателей, а также узнаете об особенностях сект и культов, оказывающих сильнейшее психологическое воздействие на человека и даже трансформирующих его личность. В книге прослеживается история возникновения кришнаизма в западном мире и его проникновение в нашу страну. В приложении представлена типология религиозных объединений, весьма разнообразных по своему строению и функционированию.

Книга привлечет внимание как специалистов — религиоведов, культурологов и философов, так и широкого круга читателей, интересующихся новыми явлениями в духовной жизни России и всего мира.

Формат 60x90/16. Печ. л. 16. Зак. № ЗП-80.  
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».  
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.  
ISBN 978-5-9710-0684-8 © ЛЕНАНД, 2013

## Содержание

Вместо предисловия.

И здесь нам тоже нужна перестройка

Глава 1. Мои «друзья» кришнаиты

Глава 2. «Атомарные» церковные системы и «радиационные потоки» богоискателей

Глава 3. Что скрывается за религиозной экзотикой? ...

Глава 4. «Роза ветров» религиозных исканий

Глава 5. Квазирелигиозность в современном мире ...

Глава 6. По тропе мистицизма — к обществу всеобщего благополучия?

Глава 7. Что обретают, а что теряют искатели Бога? ...

Глава 8. Тайны мистического озарения

Глава 9\* Герметики и наркобизнес

Глава 10. Нужен ли «моржам» свой бог?

Глава 11. Каким я вижу диалог с богоискателями

Приложение 1. Современный кришнаизм западного мира

1. Чем индуизм привлек к себе западных богоискателей?

2. Как кришнаизм появился в западных странах

3. Древние истоки современного кришнаизма — бенгальские вайшнавизм и «господь» Чайтанья ...

4. Мировоззрение и идеология кришнаитской секты

5. Культовая практика кришнаитов

6. Авторитарность — главный организационный принцип секты кришнаитов

7. Мертвые при жизни: кришнаитская отстраненность от реального мира

8. Международная миссионерская деятельность кришнаитов

Приложение 2. Функциональные и смысловые типологии религий (применительно к исследованию новых религиозных движений)

Приложение 3. Специфика новых религиозных движений (НРД)

***Вместо предисловия***

**И здесь нам тоже нужна перестройка...**

В самом начале 1980-х годов по Москве поползли слухи о появлении какой-то необычной мистической секты, подобной тем, что действуют в Индии. Как пел в свое время Высоцкий, подсмеиваясь над такой формой проявления общественных настроений:

И словно мухи, тут и там Ходят слухи по домам,  
А беззубые старухи Их разносят по умам,  
Их разносят по умам.

В нашем случае слухи ходили о приверженцах новой веры — кришнаитах, и распространяли их вовсе не беззубые старухи. Им эта причудливая религия, окрашенная в яркие, экзотические тона средневекового Востока, была просто не по зубам. О кришнаитах поговаривали среди

молодых интеллектуалов, имеющих склонность к туманной и загадочной мистике, — иные с удовольствием, а кто чуть ли не с восторгом.

Обычные религии их мало интересовали. Церковные обряды и проповеди, считали они, — это действительно для «беззубых старух», тех, кто постепенно утрачивает активность сознания, живой и глубокий интерес к окружающему, все больше ощущает тоску одиночества и страх перед приближающейся кончиной. Подобные старухи, как полагали склонные к отвлеченным размышлениям бойкие молодые люди, в самом деле нуждаются в пастырских наставлениях и обещаниях загробного воздаяния. Надежда попасть после смерти в рай и наслаждаться там вечным блаженством, конечно же, должна привлекать прежде всего поколение престарелых к традиционной религии и церкви. Молодым же нужно что-то более актуальное и современное.

Кришнаиты и сами искали признания у молодежи. Поговаривали, что в Америке она к ним идет. Да какая! Авангард, хиппи и те, кто еще недавно прославились на весь мир как «бунтующее поколение»...

И не только кришнаиты были в чести у юных граждан США, да и стран Западной Европы. Не случайно распространившиеся там новые мистические секты и культы стали именовать молодежными. Молодые действительно составляли большинство среди богоискателей, а такие религиозные течения, как неохристианство, психоделия, или «наркотическая революция», кришнаизм и трансцендентальная медитация, распространились прежде всего в молодежной среде. Это объясняется тем, что молодежь Запада начиная с конца 1960-х годов особенно остро ощутила свое бессилие перед целым рядом острых социальных проблем и противоречий и стала тешить себя надеждой на возможность их разрешения (или по крайней мере ухода от них) с помощью «альтернативных религий», которые, как предполагалось, позволят порвать и с самой капиталистической системой, и с ее охранительницей — официальной церковью.

Специалисты-религиоведы не допускали и мысли о возможности появления в западных странах экзотических иноземных религий и поэтому не смогли предсказать разразившийся там бум нетрадиционных сект и культов восточного мистицизма. Религиозно-мистическая «волна», которую рьяно подталкивали многочисленные проповедники, прибывавшие из азиатских стран, охватила в итоге несколько десятков миллионов человек.

Когда же новые веяния, проникнув из-за рубежа, коснулись нашей молодой интеллигенции, особенно остро ощущавшей пороки общества застойного периода, религиозный мистицизм пустил корни и в эту благодатную для него почву. Таким образом, неблагоприятная ситуация в области социально-культурной жизни страны, сложившаяся в итоге деятельности начавшей разлагаться административной системы, определила своеобразие воспроизводства религиозности в нашем обществе, открыв возможность для распространения ее новых, нетрадиционных форм.

В 1981 году в журнале «Коммунист» появилась краткая информация: в

среде советской молодежи возникли новые, религиозно-мистические группы, наподобие общества «Сознания Кришны». Далее говорилось, что объединения подобного рода широко известны в капиталистических странах Запада и им свойственны изощренные методы воздействия на молодые умы.

Это официальное сообщение намного запоздало: кришнаиты появились у нас ровно на десять лет раньше и очень долгое время были настоящим «белым пятном» для исследователей и пропагандистов, для тех, кто направлял и вел атеистическую работу среди молодежи.

Еще в конце 1970-х годов мне нехотя было дозволено заняться изучением нетрадиционных религий. Я собрал и отчасти опубликовал интересный фактический материал о распространении религиозно-мистических воззрений древней секты дзэн-буддизма в среде американской «бунтующей» молодежи, о проникновении в США религиозно-философских идей ведантизма, о популярности там учения и обрядов кришнаитской секты. Мое начальство, ведавшее воспитанием студентов, считало эти веяния не только бесконечно далекими от нас, но и совершенно неспособными к распространению среди советской молодежи. Даже несколько лет спустя, когда многие уже знали о появлении групп кришнаитов в ряде учебных заведений Москвы, когда научный сотрудник МГУ Владимир Крицкий уже стал известен в качестве лидера быстро растущей кришнаитской общины, активной в нескольких городах страны и поддерживающей интенсивную связь со своим зарубежным гуру — американцем Вишнупадом, — даже тогда, в годы начавшихся открытых миссионерских выступлений кришнаитов, они все еще оставались «terra incognita» для многих теоретиков «коммунистического воспитания» подрастающего поколения. Одна амбициозная дама, ведавшая этим престижным направлением, как-то ничтоже сумняшея воскликнула: «Я ни разу не встречала студента-мистика!»

Теперь настали новые времена, и многим пришлось сбросить с глаз розовые очки и убедиться в своей полной некомпетентности в сложных и болезненных проблемах, которые игнорировались десятилетиями.

Мне вспоминается беседа с маститым профессором, занимавшимся исследованием проблем воспитания молодежи и мнившим себя специалистом по формированию «человека коммунистического будущего». Он стремился быть в курсе настроений, проявлявшихся в студенческой среде, и поэтому заинтересовался слухами о кришнаитах. Осторожно, чтобы не навредить своей научной репутации, с некоторыми колебаниями профессор решил высказать свое понимание этой сектантской новации. Мой собеседник начал развивать трафаретное сузвение, которое обычно высказывается у нас применительно к традиционному вероучению христианства:

— Разумеется, они твердят о религиозном спасении, которое обещает им их кришнаитская вера, о загробном воздаянии...

Мне пришлось возразить и ответ на такую трактовку кришнаизма в духе упрощенной христианской ортодоксии:

— Конечно, при желании можно обнаружить кое в чем поверхностное сходство с догматами христианской веры. Например, их ритуальная пища — прасад — считается наделенной энергией индуистского божества Кришны, поэтому, «принимая прасад», кришнаиты совершают обряд, в известной мере схожий с христианским причастием. Последнее, как известно, означает «вкушение тела и крови христовой». Но проповедники новых религий считают идею загробного воздаяния слишком банальной, чтобы с пафосом распространяться на сей счет перед современными богоискателями. Они даже высмеивают церковное обещание вознаградить праведников «пирогам на том свете». Сами же предлагают спасение незамедлительно, по принципу «здесь и сейчас».

— Несомненно, эти новые религиозно-мистические иллюзии — все тот же духовный наркотик. Но только благодаря такой актуализации религиозных упований они, наверное, приобретают особую наркотическую силу, большую притягательность и влияние. Если религия, как говорил Маркс, — это опиум народа, и учитывая, что в наше время традиционные религии оказались в кризисном положении и нуждаются в более сильном подкреплении со стороны новых религиозных культов, то тогда есть все основания считать, что старые религии несколько ослабли в своем наркотическом воздействии, зато новые предлагают верующим религиозный опиум особой крепости и силы.

— Сами они это как-то осознают? Я имею в виду проповедников нетрадиционных религий и неомистицизма, — любопытно спросил профессор.

— Вполне осознают. Лучше, чем некоторые наши специалисты по научному атеизму, которые первоначально пришли к мысли, что нетрадиционные религии — это некая прогрессивная тенденция, идущая навстречу свободомыслию и материализму. Они не поняли, что идеологи новых религий критикуют официальную церковь и призывают к отходу от нее только ради укрепления религиозных убеждений верующих на более глубокой мистической основе.

— Значит, представители неомистицизма сознательно и откровенно выставляют на обозрение свои религиозные миражи?

— Да, они не стесняются рекламировать свои религиозные новации, называют их религиями «Нового века», «Божественным знанием», выступают как пророки «Новой истины». При этом акценты у них смещены, если так можно выразиться, с теории на практику. В самих нетрадиционных верованиях нет ничего нового, если не считать их модернизации — приспособления к современности, к условиям западного мира. В целом же они архаичны. Поэтому пафос новых религий не в божественном откровении, а в чудедействии. Короче говоря, новые религии подаются как *живительный эликсир*, способный оздоровить и вдохнуть новую жизнь в современное человечество, находящееся, по убеждению приверженцев новой веры, в состоянии губельного самоуничтожения, при смерти.

— О всем человечестве так говорить не приходится. Это они зря. Хотя мы тоже не скрываем своей озабоченности судьбой людей земли и самой жизни на планете в наш термоядерный век.

Я с ним согласился. В религиозном сознании объективные противоречия обычно гипертрофируются как по масштабам, поскольку возводятся во всеземные и даже во вселенские, так и по глубине, поскольку трактуются как неизбежные трагические катаклизмы — Апокалипсис, всеобщая гибель и уничтожение. В действительности речь идет всего лишь о трагическом мироощущении определенных слоев общества, побуждаемых в мистике искать утешение и надежду на избавление от всех бед. С учетом сказанного новые религии предстают перед нами в своей второй ипостаси, как *опиум прокаженного*, в роли которого выступает человек — жертва социальной «проказы», то есть острых и глубоких противоречий, конфликтов современного западного общества, несмотря на присущий ему высокий уровень жизни.

Вот такой разговор о новых религиях состоялся несколько лет назад, когда возросшая активность кришнаитов стала вызывать у многих серьезную тревогу и заставила впервые призадуматься о новых религиозных феноменах. В мире возникли две оценочные трактовки данного явления, которые, казалось бы, исключали друг друга, но фактически представляли собой лишь различные углы зрения — либо «изнутри», либо «снаружи» — на одну и ту же реальность. Такова суть условной и относительной, как нам кажется, дилеммы: «живительный эликсир» или «опиум прокаженного»?

Связанное с перестройкой изменение наших представлений о мире и самих себе позволяет освободиться от многих иллюзий прошлых лет, прояснить в значительной мере природу интересующего нас явления, причины его возникновения в нашем обществе.

Выяснилось, что трагически звучащая метафора «опиум прокаженного», которую мы использовали не без определенного самодовольства для характеристики явлений «заживо гниющего капитализма», применима, к великому сожалению, и к нашей действительности. И если говорить о получившем у нас распространение новом «опиуме», то не было ли это вызвано «проказой», которая десятилетия терзала нашу страну, — системой казарменного социализма, деяниями репрессивного аппарата сталинщины и брежневщины, казенным пайком ждановско-сусловской духовной культуры?

Сложнее обстоит дело с другой оценкой, когда к новым религиям относятся в высшей степени позитивно, как к благостному, живительному эликсиру. Оказалось, что не одни сектанты в порыве самовосхваления поют осанну своим кумирам. Наиболее известные у нас панегирики в адрес благотворного влияния религиозной философии Востока, восточных сект и культов

прозвучали из уст вовсе не сектантов, а ряда советских литераторов. Они составляют не такую уж малочисленную группу и в своих произведениях в более или менее открытой форме выступают с апологией неомистицизма.

Как расценивать данное явление?

Это, конечно, не сектантство и не религиозный культ, а специфическое общественное религиозно-мистическое течение, давно получившее название *богостроительства*.

Его глашатаи ратуют якобы за социализм и коммунизм, за достижение высокой духовности и возвышенных нравственно-эстетических ценностей, но при этом обращаются прежде всего к религиозным идеям и представлениям в той или иной форме. Позитивное отношение к названной разновидности религиозного мистицизма встречается у нас не так уж редко — пожалуй, даже чаще, чем сами фактические приверженцы экзотических сект и культов. Следовательно, сакраментальный живительный эликсир — это не только сектантские благоглупости, но и религиозно окрашенные романтические иллюзии, которые значительно шире распространены в нашем обществе, чем подлинные новые религии.

Сегодня мы начинаем переосмысливать проблемы, связанные с появлением у нас новых религий, приступаем к исправлению ошибок. Причем аналогичный процесс происходит в среде самих последователей мистицизма. Религиозно-мистические группы и общество отходят от взаимной конфронтации. Былая отчужденность уступает место диалогу, начинает ощущаться необходимость совместных действий и солидарности в рамках задач, имеющих общенародный характер.

Новое мышление приносит свои благодатные плоды. Сейчас в стране нет заключенных, осужденных за нарушение законодательства о деятельности религиозных организаций. Помилован и досрочно освобожден от отбывания пятилетнего тюремного заключения А. Гринблат — руководитель крупного оккультного объединения, несмотря на совершенные им правонарушения отнюдь не религиозного характера. Официально зарегистрированы кришнаитские объединения в Москве и Прибалтике.

Все это говорит о качественных сдвигах во взаимоотношениях приверженцев новых религий и общества, государства.

Но от этого проблема сама по себе не стала проще, мы лишь стали глубже ее понимать, отказались от попыток отвернуться от нее либо «закрыть» ее чисто силовыми методами и нащупываем сейчас более тонкие механизмы регулирования.

Феномен новых религий очень непрост. Мы еще весьма недостаточно знаем их и продолжаем больше удивляться их своеобразию, чем понимать и объяснять его. И это несмотря на то, что за последние годы в нашей стране вышли в свет несколько серьезных книг на эту тему, не говоря уже о настоящем издательском буме, разразившемся на Западе в связи с модой на мистицизм и сенсационной информацией о новых сектах и культах.

Но имеющаяся литература в основном описывает внешние стороны этого непривычного для нас явления и пока еще мало внимания уделяет его историческому смыслу, месту в эволюционном процессе социально-культурных форм человеческого общежития.

Очевидно, что разговор о новых религиях необходим, он весьма актуален, ибо затрагивает интересы целых групп населения, многих семей, людей различных профессий — ученых-обществоведов, юристов, врачей, педагогов и т.д. И разговор этот не может не быть дискуссионным.

Не вдаваясь в содержание дискуссий по данному вопросу, отметим лишь, что необходим конкретный анализ проблемы. Нельзя давать общие оценки существующим у нас весьма различным религиозным явлениям, поскольку они будут слишком поверхностными и сплошь и рядом ошибочными без учета конкретной ситуации и действий вполне конкретных лиц, без всестороннего рассмотрения не только чисто религиозных аспектов их деятельности, но также их «идеологического лица», социально-политической ориентации (прежде всего — лояльны ли они к нашему общественному строю), отношения к общественно полезному труду, воспитанию детей и т. д.

При этом необходимо выявлять и глубоко анализировать взаимосвязи социально-политического и религиозного аспектов сознания и деятельности идеологов и рядовых представителей мистически ориентированных групп. Ведь свои общественные позиции эти люди осмысливают в форме религиозных идей и представлений, а социальную активность облачают в религиозную оболочку, редко выходя за рамки сектантских связей и межличностного общения.

Наблюдаемое у нас разнообразие мнений в оценке новых религий и их приверженцев объясняется тремя обстоятельствами: во-первых, различием в подходах к самому этому явлению; во-вторых, недостаточным знанием его содержания, тенденций развития и результатов воздействия на общество; в-третьих, неустойчивостью самой богоискательской стихии, которая переживает сейчас глубокие сдвиги и изменения в своих установках и ориентациях в условиях динамичного развития нашего общества.

Автору данной книги пришлось стоять у истоков научного исследования нетрадиционных религий, развернувшегося в нашей стране несколько лет назад. Как уже упоминалось, в то время речь шла об анализе закономерностей их распространения лишь в западных странах и влиянии на молодежь Запада. В 1980 году мною на эту тему была опубликована книга, которая явилась, насколько мне известно, первой такой публикацией в Советском Союзе. Со временем круг моих интересов расширился, и я занялся изучением деятельности религиозномистических организаций в нашей стране. Данной проблеме в основном и посвящена предлагаемая работа, которая выдержана в полемическом ключе. Впрочем, автор не навязывает своих оценок и выводов, а лишь стремится возможно объективнее показать специфические особенности новых религий и проследить тенденции их развития.

## **Глава 1**

### **Мои «друзья» кришнаиты**

Я вовсе не стремился встретиться и познакомиться с кришнаитами. Мой интерес к этой восточной секте, сначала обосновавшейся на новой для нее почве в США, затем в других зарубежных странах, а потом и у нас, вполне удовлетворялся библиотечными материалами. К тому же была уверенность, что «отечественные» кришнаиты — лишь бледная копия их единомышленников в других странах, где кришнаитский культ рекламируется во всей своей экзотичности. Тем не менее наша встреча состоялась.

Сегодня беседы и диспуты с представителями различных религиозных организаций считаются обычным делом, благодаря развитию демократизации и гласности диалог между приверженцами различных мировоззрений становится закономерным явлением. А тогда, в самом начале перестройки, к этому относились еще очень настороженно. Установка на взаимную конфронтацию с самого начала доминировала в отношениях кришнаитов и властей, а также тех, кто с позиций воинствующего атеизма исключал саму возможность существования новых религий в нашей стране.

Вот в такой очень напряженной обстановке был сделан первый шаг к знакомству с новыми сектантами. Инициаторами выступили кришнаиты: они передали мне свое приглашение и сами устроили нашу встречу в Москве. Поводом послужило мое выступление в телевизионной программе «Религия и политика», в которой я рассказывал о зарубежных сектах и демонстрировал некоторые документальные материалы о характере их пропагандистско-миссионерской деятельности.

И наши доморощенные мистики захотели «объясниться» — рассказать о том, что они во многом иные и не заслуживают тех критических оценок, которые звучали в адрес их американских единомышленников.

Встреча состоялась в Центральном доме научного атеизма — в синем зале старинного особняка князя Голицына. Кришнаиты пришли не все сразу, а собирались постепенно, по одному-два человека. За их внешней сдержанностью, какой-то отрешенной успокоенностью, вежливыми улыбками и приветливостью чувствовалась деловитость и целеустремленность.

Они сразу же удивили меня своей непохожестью на традиционных сектантов. Видимо, сыграл свою роль давний стереотип догматического атеизма, и поэтому я ожидал увидеть каких-то ущербных людей или, во всяком случае, малообразованных и культурно отсталых. Обычные с виду молодые люди. Только тихие и внутренне напряженные — лишь это отличало их от привычной нам суетной и шумливой молодежи. На них была характерная для молодого возраста полуспортивная одежда, сумки через плечо, с которыми ходят студенты.

Мы — несколько лекторов Дома научного атеизма — немного оторопели. У меня даже мелькнула шальная мысль: а не посланные ли это к

нам американские морские пехотинцы? Вспомнились широковещательные рассуждения наших пропагандистов о деятельности подрывных центров империалистических держав, об их ставке на религиозных экстремистов при организации идеологических и политических диверсий, в памяти всплыло газетное сообщение об обнаруженных в индуистском центре одной из дальних азиатских стран двух бывших солдат морской пехоты США, затесавшихся туда под видом сектантов.

Наша настороженность, способная принимать почти что патологические формы какой-то политической шизофрении, была порождена не столько «происками» враждебных сил из-за рубежа, сколько доморожденным синдромом идейно-психологической нетерпимости. В нас десятилетиями настойчиво внедряли бациллу духовной изоляции, воспитывали неприятие и непонимание любого инакомыслия. Всякий инакомыслящий преподносился нам в стереотипном образе «врага», и этот ярлык, небезопасный для дальнейшей судьбы человека, навешивался на любого, кто не разделял энтузиазма вождей командно-административной системы по поводу их волюнтаристских утопий. Подобный идеологический остракизм, перераставший в политические обвинения, выпадал также на долю тех, кто вместо светских утопий сталинизма, трещавших по всем швам, обращался к религиозным, освященным тысячелетней христианской традицией либо заимствованным из чужих культур. Религиозное мироощущение расценивалось не только как противоположное научно-материалистическому, но и как враждебное в социально-политическом плане. Тем более подозрительными казались мистики-сектанты, к тому же охваченные странным поветрием, пришедшим из-за рубежа.

И все же, несмотря на взаимную предубежденность, встреча оказалась успешной. Так завязалось наше знакомство, которое продолжается и поныне. Что же они собой представляют — мои новые «друзья»?

Известие о появлении у нас кришнаитов долгое время воспринималось с недоверием по причине незначительности события, послужившего отправной точкой этого сектантско-мистического движения. Таким событием был приезд в 1971 году семидесятипятилетнего лидера западных кришнаитов вишнуитского монаха Бхактиведанты. Он посетил Ленинград и Москву, мало с кем общался и на протяжении двух недель пребывания в стране почти все время находился в гостиницах. Ничто не напоминало его прежнюю активность в среде американской молодежи, когда к нему стекались сотни и тысячи людей. Прямым результатом проповеднической деятельности Бхактиведанты в США стал рост сети кришнаитских организаций — десятков пропагандистских центров, монастырей, сельскохозяйственных ферм. Вслед за тем множество сектантских центров, монашеских обителей, даже ресторанов кришнаитской пищи появилось в различных странах мира, даже на Африканском континенте.

Туристский вояж в нашу страну прбшел предельно скромно. Шрила Прабхупад, как интимно называют кришнаиты своего лидера, встретился всего с несколькими людьми. Тем не менее опытный миссионер достиг

немало. Вскоре секта выпустила на русском языке его интервью с советским востоковедом профессором Котовским, где настойчиво проводилась мысль о необходимости распространения в нашей стране учения Кришны. Аргумент был выдвинут очень изобретательно: советским людям для успешного осуществления их общественных идеалов следует познакомиться с представлением о «духовном коммунизме», которое якобы содержится в древнеиндийских священных книгах — Ведах. Иначе говоря, кришнаитский лидер предложил в качестве альтернативы марксистско-ленинской стратегии коммунистического строительства концепцию «ведического коммунизма».

Эта религиозная утопия предполагала создание вовсе не высокоразвитого общества будущего, базирующегося на могучей материально-технической базе и избавленного от ручного труда благодаря автоматизации производства. Как раз наоборот, Прабхупада считал необходимым отказаться от научно-технического прогресса и вернуться к натуральному хозяйству крестьянина-единоличника. «Пусть каждый будет иметь молочную корову и небольшой участок земли, где мог бы выращивать овощи для собственного потребления, этого вполне достаточно, чтобы на земле существовали мир и спокойствие», — заявлял, обращаясь к нашим современникам, проповедник архаических патриархальных идиллий.

Вместе с тем он особо заострял внимание на необходимости максимального ограничения материальных благ человека, что принципиально несовместимо с курсом на наиболее полное удовлетворение разумных человеческих потребностей. Всестороннее развитие личности не может основываться на аскетическом образе жизни, на отчуждении человека от материальных благ.

«Ведический коммунизм» Прабхупада сохраняет во всей полноте сословное разделение общества, утверждая, что в нем на вечные времена должны остаться четыре варны (касты) архаической религиозно-сословной структуры древнеиндийского общества, за изживание которой упорно борются демократические силы Индии. Вот такую патриархальную утопию хотели навязать нам кришнаиты, якобы озабоченные реализацией перспективы коммунистического строительства в нашей стране.

Однако сколько-нибудь ощутимых результатов эта пропагандистская акция Прабхупада не принесла.

Совсем иные последствия, весьма серьезные, как выяснилось несколько лет спустя, имела другая его встреча, оставшаяся тогда совершенно незамеченной, — с ничем не примечательным молодым человеком по фамилии Пеняев, подвернувшимся, что называется, ему под руку на проходившей у нас международной книжной ярмарке. В нем была заметна активность, правда, связанная не с интересом к общественно полезному труду, а, скорее, с тягой к иностранцам на предмет небезвыгодного для себя обмена. Прабхупад подарил ему несколько ярко раскрашенных сектантских брошюр, атрибуты кришнаитского культа. Затем познакомил с нехитрым

ритуалом декламации мантры «Харе Кришна», посвятил в вайшnavы — кришнаитские монахи.

По рассказам людей, знавших историю с А. Пеняевым, он присвоил себе титул махараджа и изготовил в качестве символа этого высшего религиозного и светского статуса трехметровый ритуальный жезл. Однако вскоре он его потерял, когда, будучи в подпитии (хотя это строгойше запрещено у вайшnavов), убегал от милиции по вагонам пассажирского поезда.

Так появился у нас первый приверженец зарубежной сектантской организации. Казалось бы, случайное, но заслуживающее внимания событие — неизвестному Пеняеву суждено было стать своего рода центром кристаллизации первых небольших групп общества «Сознания Кришны».

Ну почему, почему восточные мистические секты и культы получили у нас распространение? Этот вопрос обязательно задают на лекциях, которые мне часто приходится читать. Слушатели недоумевают: отчего у нас, где и христианская-то вера, согласно традиционному мнению, держится преимущественно лишь в затуманенном сознании людей глубоко преклонного возраста, вдруг появились неведомые ранее экстравагантные религиозные культы, да еще среди молодежи, студенчества, интеллигенции. Обычно ставят вопрос ребром: «Нам понятно, чем объясняется увлечение мистикой в странах капиталистического Запада: „бунтующая“<sup>44</sup> молодежь, не видя реальных средств преобразования антагонистического строя, прибегает к средствам религиозного утешения. А как дело обстоит у нас? Наверное, есть какие-то особые причины для появления новых религий в нашей стране?»

В этих суждениях сквозят старые стереотипы. Вспомним: ведь еще не так давно считалось не просто хорошим тоном, а непреложным правилом говорить, что там, «за бугром», все плохо, а у нас если и не все так хорошо, как хотелось бы, то во всяком случае не так уж и плохо. В общем, по принципу: «У нас катастрофы самые удачные, покойники самые спокойные».

Думается, что в данном случае принципиально неправомерно противопоставлять нашу страну развитым капиталистическим странам Запада. Теперь уже не скрывается и не замалчивается тот факт, что у нас в обществе накопилась масса острейших социальных проблем и противоречий, которые мы только начинаем во всей глубине осознавать и тем самым изживать всевозможные иллюзии и мифологические представления, иначе говоря, собственный социальный мистицизм прошедших десятилетий.

Негативные явления, парализовавшие в недавнем прошлом поступательное развитие нашего общества, как раз и были питательной почвой для распространения религиозно-утопических настроений. Часть людей стала утрачивать веру в возможность Советского государства и социалистического строя реализовать их надежды и чаяния. Затронувшая общество идейная дезорганизация, пессимистические настроения, духовный упадок побуждали многих обращаться к религии как средству нравственно-психологического утешения и иллюзорно-утопической альтернативе

неразрешимым, казалось, проблемам реальной жизни.

Влияние последователей культа Кришны в нашей стране по своим масштабам и глубине намного превосходит все другие разновидности новых религий и мистицизма, вместе взятые. Сколько же у нас кришнаитов? Ответить трудно, поскольку никакого учета верующих не ведется. Вопрос о численности кришнаитов вдвойне сложен, поскольку в целях получения разрешения на регистрацию новых сектантских групп количество приверженцев этого вероучения значительно преувеличивается как по отдельным городам, так и в целом по стране. К тому же и считают по-разному. Более или менее ясное представление о числе сектантов можно получить, если учитывать лишь тех, кто был посвящен в члены секты, пройдя особый обряд наречения новым монашеским именем, или считается пока что кандидатом на роль настоящих сектантов-вайшнавов. По данным

Минюста РФ, на 1 января 2002 года в стране было зарегистрировано более ста региональных организаций Международного общества сознания Кришны, общая численность его приверженцев — 80 тыс. человек.

Для инициаторов движения вопрос его масштабов стал первоочередным. Ссылаясь на многократно завышенную численность сектантов, они требуют предоставить им соразмерно широкие возможности для обустройства культовыми помещениями и распространения сектантской литературы.

Изучение кришнаитской среды позволило выявить некоторые ее важные социологические характеристики: возрастной и половой состав сект, особенности семейно-брачных отношений, национальную принадлежность кришнаитов, уровень религиозности и участие в общественно полезном труде.

*Возраст кришнаитов* — преимущественно от 21 года до 35 лет. Но среди них встречаются и люди пожилые, пенсионеры, хотя таких единицы — видимо, на склоне лет трудно увлечься экстравагантным религиозным культом. Тем не менее они весьма активны и прочно придерживаются своих убеждений. «Зеленой» молодежи, недавних школьников почти нет в составе кришнаитских групп. Как видим, ряды кришнаитов пополняют в основном люди того возраста, на который приходится пик интеллектуальной, физической и творческой активности человека. Образно говоря, на алтарь религиозно-мистической экзотики богоискатели кладут весь арсенал своих созидательных потенций и способностей. А каковы плоды этих бесценных жертвоприношений? Иллюзия обретения счастья?

*Половой состав* кришнаитских групп характеризуется преобладанием мужчин. Доля женщин очень незначительна и едва достигает десятой части от общего числа членов сектантских групп. Правда, следует учитывать нивелирующий фактор — состоящий в браке кришнаит, как правило, стремится обратить в новую веру свою жену, не останавливаясь перед разводом в случае ее несогласия. Однако это не оказывает заметного влияния на изменение указанного соотношения.

В своем большинстве женщины относительно пассивны, за

исключением всего нескольких, ведущих активную миссионерскую работу. Изучению сложного и запутанного вероучения отдают все свои силы лишь мужчины, а женщины, по-видимому, ограничиваются ритуально-психологической стороной кришнаизма. Это не значит, что одна часть сектантов более фанатична, чем другая. Вероятно, есть различия в направленности интересов: мужчин больше привлекает миссионерско-организационная деятельность и схоластические тонкости кришнаитской доктрины, а женщин — религиозно-обрядная экзальтация и практика мистической созерцательности. Впрочем, культовый элемент кришнаизма, густо окрашенный в причудливые цвета сектантской мифологии и насыщенный магическими ритуалами, играет первостепенную роль и в жизни мужской части кришнаитских групп. Нравственно-психологические мотивы принадлежности к секте доминируют как у женщин, так и у мужчин.

Несколько слов о *семейно-брачных отношениях*. Как известно, любая религиозная организация ограничивает в той или иной мере «земную» активность человека, характерно это и для кришнаитской общины. В данном случае речь идет о жесткой регламентации отношений между полами.

Молодые кришнаиты, так называемые брахмачарии, должны жить, по сектантским установлениям, в строгом безбрачии, для них под запретом естественные в обычных условиях взаимоотношения в среде молодежи: ухаживания, влюбленность, сердечная близость. Лишь в статусе «домохозяина» кришнаитам дозволяется иметь семью и детей. Однако супружество, родительские чувства сектантов ограничены строгими рамками аскетических предписаний, которые оставляют мало возможностей для личного счастья. Супружеская близость регулируется особыми правилами общежития, поэтому интимное общение супругов разрешается лишь раз в месяц, а после рождения одного-двух детей совершенно запрещается, как бы молоды ни были родители.

Это объясняется тем, что в соответствии с сектантскими канонами супружеская близость считается лишь средством воспроизведения нового кришнаитского поколения и поэтому всецело отвергается как условие личного и семейного счастья. Согласно монашеской традиции, супружество расценивается как таящее в себе пагубную увлеченность земным существованием, греховную радость материального бытия и, следовательно, должно искупляться интенсивным молением. Кришнаитам полагается 5400 раз повторить для очищения от греха супружеской близости спасительную мантру. Унизительное бремя аскетизма, конечно же, не может не отягощать семейные отношения сектантов. Видеть в этом духовное возвышение личности просто лицемерно.

На высшей ступени монашеского посвящения, будучи монахом-отшельником — так называемым саньяси, кришнаит вновь становится одиноким, расставаясь с женою, детьми, престарелыми родителями; он обязан прекратить всякое общение со своими родственниками. Например, Бхактиведанта, которого чуть ли не боготворят современные кришнаиты, оставил жену и пятерых детей, когда решил всецело посвятить себя

монашескому служению. Да и сам основатель кришнаизма в средневековой Индии — объявленный воплощением бога Чайтанья — бросил без средств к существованию мать и сестру и стал жить наполненной переживаниями религиозного экстаза жизнью сектантского лидера.

Ну, а наши богоискатели? Они не были бы фанатично настроенными сектантами, если бы не следовали догмам своего вероучения и примеру священных для них лиц. У нас обычны случаи, когда распадаются семьи из-за того, что один из супругов уходит к кришнаитам. Часто приходится слышать о горе родителей, бессильных уберечь своих взрослых детей от «увлечения» кришнаизмом. К примеру, в Москве у многих на памяти драма, произошедшая в семье престарелого профессора, который на протяжении нескольких лет тщетно пытался оградить своего сына от влияния секты, обращался за помощью даже в пропагандистские и научные организации. В ответ ему в одном месте заявили, что пропагандисты выступают лишь в массовой аудитории и только в учреждениях, а в академическом институте отказали в поддержке, сославшись на еще более крупный масштаб своей идеологической работы: «Книги пишем для миллионов! А вы к нам по поводу своего единственного сына, пропадающего у сектантов...»

Кончилась эта история печально: родители потеряли сына, который оставил их и сделался одним из главных инициаторов распространения кришнаизма в стране. Позже он оказался под следствием за нарушение законодательства о деятельности религиозных организаций, был осужден и провел несколько лет в заключении.

Такова плата многих кришнаитов за пренебрежение к своим земным судьбам, которые всегда имеют, по существу, трагический характер, сколько бы ни обманывались сами сектанты на этот счет, декларируя с пафосом свое неземное блаженство.

О *национальной принадлежности* кришнаитов можно судить по такому факту: сектантская литература распространяется не только на русском языке, но и на украинском, армянском, на языках народов Прибалтики. В московских ашрамах (так называют квартиры, ставшие местом сектантских встреч и проведения культовых церемоний) наряду с русскими, украинцами, армянами я встречал евреев, а также представителей некоторых малочисленных народов нашей страны. В своем кругу независимо от этнической принадлежности сектанты называют друг друга «преданными Кришны», тем самым нивелируя национальные различия.

Этого следовало ожидать, учитывая зарубежный опыт распространения этой секты среди народов разных государств и континентов и чрезвычайно смешанный национальный состав кришнаитских общин (например, в США, где в них много темнокожих). Да и сами лидеры современного кришнаизма, хотя в большинстве своем являются американцами, часто принадлежат к этническим меньшинствам. Так, бывший секретарь Бхактиведанты, автор многотомной его биографии Сатсварупа — родившийся в Нью-Йорке индус, который одно время служил в истребительной авиации США. Духовный

наставник советских кришнаитов Вишнупад — по национальности еврей, выходец из Италии, имеет гражданство США, а проживает в Швеции. Он поистине деятель транснационального масштаба.

Современный кришнаизм — учение космополитическое, адресуемое всему человечеству, не признающее национальных различий и государственных границ. Кстати, сам Кришна — «черный». Это одно из этимологических значений его имени и обычный, наряду с фиолетовым, цвет его кожи на ритуальных изображениях. Поэтому кришнаитский бог, в противоположность христианскому, открыто апеллирует к сердцам темнокожего населения, создавая впечатление отсутствия, по крайней мере в религиозной жизни, расовой сегрегации (в этом, между прочим, одна из причин того, что американский кришнаизм играет роль альтернативной религии).

Для сектантов, с точки зрения догматики, национальность — иллюзорная форма материального, земного существования людей. Не желая считаться с этнической принадлежностью человека, кришнаиты отвергают и понятие «мой народ», не приемлют саму идею национальной гордости и патриотизма. Называя себя «слугами Кришны», они придают данному выражению значение «граждане Вселенной». Для них вопрос об их национальности — праздный вопрос в религиозно-догматическом смысле, так как, веря в свое неоднократное перерождение, они могут вам сказать, что в «прошлой жизни» принадлежали к другой нации. Так, создатель западного кришнаизма Бхактиведанта, чтобы заручиться поддержкой ансамбля «Битлз», публично уверял, что Джон Леннон в своей «прошлой жизни» был индусом.

У кришнаитов помимо доминирующей космополитической стала появляться и националистическая тенденция. По крайней мере в Литве вот уже несколько лет в местном кришнаитском издании обсуждается вопрос об историческом единстве языка и культуры литовцев и индоариев — индоевропейских племен, во II тысячелетии до н.э. пришедших, как полагают, из причерноморских и прикаспийских степей на территорию современной Индии. Делается вывод, что кришнаитская секта якобы может дать ключ к пониманию истоков литовской культуры, выводя ее из санскритских напластований кришнаитского культа. В миссионерских целях ревнители новой веры играют на национальных чувствах, которые у литовцев и без того обострены.

Действительно, древний балтийский язык, предок литовского, состоит в родстве с санскритом, языком Вед — священных книг периода ранней истории Индии. Однако утверждение об исторических связях литовской национальной культуры с культом Кришны несостоятельно. Архаический культ этого пастушеского бога был известен темнокожим аборигенам Бенгалии задолго до прихода на Индостан племен белокожих ариев. Потому-то Кришна и темнокожий, что не принадлежал к арийскому этносу. Таким образом, рассуждения литовских кришнаитов об их особой близости культу древнеиндуистского божества построены на натяжках и искажениях

исторических фактов.

В дискуссиях с московскими кришнаитами я как-то затронул вопрос об их отказе от русских национальных традиций: молитвенные декламации у них на санскрите, обряд жертвоприношений выдержан в духе средневекового индуистского ритуала, а украшенный цветами алтарь, иконографические изображения на нем — все это имитация индийской культовой атрибутики. Да и ритуальные ожерелья, непрменные четки, музыкальные инструменты при исполнении главного религиозного обряда кришнаитов — санкиртаны — все того же характера. Короче, я упрекнул кришнаитов в логической непоследовательности: «Вы утверждаете приоритет своего космополитизма, говорите, что цените русскую национальную культуру, как и обычаи других народов страны, а фактически во всем стремитесь уподобиться индусам, притом средневековым, эпохи возникновения кришнаизма». Я даже опасался обидеть своих собеседников, полагая, что мое высказывание своей категоричностью могло поставить кришнаитов в неловкое положение.

Их ответ поразил меня. Оказалось, что они серьезно «проработали» эту проблему и, как я догадался, с позиций собственного интереса. Мне было сообщено, что в сектантскую религиозно-культовую практику вносятся некоторые элементы русских национально-бытовых традиций. Если первоначально кришнаитская жертвенная пища — прасад — состояла исключительно из индийских блюд, то теперь к ней стараются присоединить блюда традиционной русской кухни. Поклонники Кришны собираются распевать на мотивы известных советских песен индуистские мантры и религиозные гимны и даже использовать чуть ли не гармошку в своем ритуальном оркестре. Очевидно, что за всей этой модернизацией стоят миссионерские цели — подвести под иноземный религиозный культ собственную национальную почву и тем облегчить его восприятие и распространение...

Кришнаиты различаются по *уровню религиозности* и, соответственно, своему месту в сектантской организации. Помимо людей, случайно или из любопытства попавших на непродолжительное время в поле влияния кришнаитской общины, всю сектантскую массу можно подразделить на три группы: основную, примыкающую к ней группу умеренных кришнаитов и, наконец, различного рода попутчиков-экстремистов.

Основной слой составляют глубоко убежденные верующие, активно вовлеченные во все виды сектантской деятельности, включая миссионерство и добывание материальных средств для своей организации. Фактически это рядовые члены, хотя среди них есть и лидеры — скорее неформальные, чем наделенные определенными полномочиями. Лица высших рангов, обладающие правом руководить и носящие соответствующие божественные титулы, находились в первые десятилетия деятельности Международного общества сознания Кришны в нашей стране за рубежом — в США, Швеции, Индии и других странах. Позднее в их число вошли несколько наших соотечественников.

К этому основному слою примыкает своего рода прослойка менее активных поклонников культа, которые стоят в стороне от миссионерской деятельности и заинтересованы в кришнаизме лишь как в средстве самоуспокоения и самоутешения. Они не являются ревностными поборниками аскетизма и интенсивных, продолжительных распеваний священных мантр. Это умеренные в своем религиозно-мистическом настроении кришнаиты, занимающие промежуточное положение между ревностными сектантами и неорганизованной массой людей случайных и празднотлюбивопытствующих.

Наряду с названными двумя группами существует среди кришнаитов и третья, особняком стоящая малочисленная категория лиц совершенно одиозных, экстремистски настроенных, к которым даже их единоверцы относятся настороженно, а то и откровенно презрительно. К ним причисляют тех, кто подвизается в общине с целью удовлетворения личных амбиций и интересов, лежащих за рамками религиозной деятельности. Они не считают обязательным для себя соблюдать предписания сектантской организации, хотя часто претендуют на роль лидеров и даже неординарных религиозных наставников. Сами кришнаиты подразделяют их на психических больных, корыстолюбивых религиозных авантюристов (были случаи, когда некоторые из них представлялись теми или иными кришнаитскими святыми, а то РИ воплощением самого бога Кришны или же Майтрейи — будды последнего пришествия) и диссидентов, пытающихся облачить свои политические устремления в одежды кришнаизма. Благодаря развитию в стране демократизации и гласности категория кришнаитов-диссидентов фактически исчезла, поскольку им предоставили возможность открыто, без религиозной маскировки высказывать свои убеждения и взгляды.

*Отношение к общественно полезному труду* у кришнаитов обусловлено принадлежностью к той или иной из перечисленных выше групп. У религиозных экстремистов и ревностных сектантов оно во многом иное, чем у умеренных членов общины. Экстремистски настроенные лица фактически не работают. Глубоко верующим работать добросовестно и по специальности просто некогда да и нет интереса. Всю свою энергию, время и средства они отдают сектантской деятельности: не только рьяному исполнению сектантского вероучения, но и продаже книг, распространению предметов культа, многочасовым публичным выступлениям с распеванием мантр, многочисленным поездкам в различные города страны для укрепления связей с единоверцами. В результате им приходится максимально сокращать свое участие в общественно полезном труде, оставлять работу на производстве или в учреждениях.

Этим объясняется странное положение кришнаитов в трудовой производственной сфере: инженеры, программисты, электронщики устраиваются сторожами, дежурными электриками при жилищных конторах, оформителями стендов. Работают лишь для того, чтобы избежать обвинения в тунеядстве. Впрочем, в том не признаются, а ссылаются на якобы объективные трудности, которые мешают им в полной мере участвовать в

общественно полезном труде. Они вадят препятствия во всем: и в непонимании их трудовым коллективом, и во враждебном к ним отношении, и даже в преследованиях и невозможности противостоять злоупотреблениям, с которыми приходится сталкиваться на службе.

Можно согласиться с тем, что сектант оказывается мало коммуникативным в условиях светского, атеистического окружения, что в силу иллюзорности своих представлений он мало пригоден для борьбы с недостатками и трудностями на производстве. Однако главной причиной слабого участия ревностных кришнаитов в общественно полезном труде является его недооценка с их стороны.

Умеренные кришнаиты и лица, менее глубоко затронутые религиозным мистицизмом, не склонны, как правило, с пренебрежением относиться к трудовой деятельности. Тем не менее у них по религиозным мотивам ослаблено или вовсе отсутствует творческое отношение к труду. Часто наблюдается и обратная зависимость: малоинтересная работа побуждает людей искать суррогат творческой увлеченности в иллюзиях религиозных исканий.

Теперь несколько слов об организации управления деятельностью кришнаитских общин, разбросанных по всему миру. Общее руководство находится в руках иностранцев, в основном американцев, составлявших в прошлом ближайшее окружение Бхактиведанты и после его смерти унаследовавших власть. Каждый из них курирует определенный регион планеты и руководит действующими там кришнаитскими общинами от имени ИСККОН (Международного общества сознания Кришны) и его административного совета Джи-Би-Си. Российские кришнаиты в подчинении двух высокочтитованных гуру — Свами Вишнупада и Свами Киртираджа. Это граждане США — Роберт Компа- ньола и Дэвид Якубка, получивших от прежнего кришнаитского лидера не только ритуальные индуистские имена, но и высшее звание «Их божественная милость». Они и есть те кумиры, которым молятся и которых славят наши кришнаиты, оставаясь в своей массе рядовыми послушниками этих всевластных сектантских распорядителей и духовных наставников, облеченных мистическим, божественным авторитетом.

Социологический анализ кришнаитской среды был бы неполон без знакомства с отдельными человеческими судьбами. Это поможет нам составить представление о том, что за люди приходят в секту и какими путями они туда попадают. Вот несколько коротких зарисовок, явившихся результатом моего обстоятельного знакомства с членами московской сектантской организации.

Начнем с самого молодого — Валерия, которого кришнаитские лидеры демонстративно приблизили к себе еще в его школьные года. Ему очень льстило внимание и доверие этих испытанных борцов, стоявших в лихие годы застоя у истоков «отечественного» кришнаизма. Валерий, как и все знакомые мне кришнаиты, принадлежал к семье атеистов, более того, его

мать по месту работы в одном из культурно-просветительных учреждений отвечала за ведение атеистической пропаганды. Несмотря на это, еще в старших классах школы у него пробудился интерес к религиозным исканиям, когда при изучении произведений Толстого и Достоевского перед ним встали вопросы религиозно-философского содержания, а учителя не смогли дать на них удовлетворительного ответа. В среде неформалов он сблизился с кришнаитами, стал регулярно посещать их культовые собрания.

Здесь ему не только объяснили мучившие его мировоззренческие вопросы, но и показали религиозные обряды во всей их загадочно-мистической красе, приобщили к ритуалам и миссионерским уличным выступлениям сектантов. До этого Валерий собирался поступать на исторический факультет МГУ, теперь же он решил стать «преданным слугою Кришны» и оставил мечту об университете.

Несколько особняком в среде московских кришнаитов стоит Саша. Его недолюбливают — он не стесняется спорить и даже критиковать лидеров общины, что вообще-то не принято. У него вторая группа инвалидности по «психзаболеваемости», однако Саша сам не скрывает, что это в большей мере предлог не работать. В прошлом он квалифицированный врач, шел одно время на повышение, поступил в ординатуру, предлагал новые врачебные разработки, но только нажил из-за этого неприятности на работе. Добиться своего не сумел, «сломался», бросил все и сделался христианским мистиком — исихастом. Повторял до 20 тысяч раз в день Иисусову молитву, ревностно постился.

Церковь не поддерживает таких исступленных мистиков, поэтому от одиночества и скуки он подался к кришнаитам. Ему приглянулась шумная и красочная экзотика ритуальной санкиртаны, возможность вволю порассуждать с единомышленниками о сложных вопросах мистического вероучения. Теперь у него появились собственные ученики, которых он привлекает своим более строгим соблюдением кришнаитских канонов: Саша — единственный, кто бреет голову по образцу зарубежных сектантов, хотя обычно все же скрывает это свидетельство явного религиозного радикализма под скромной шапочкой врача-хирурга.

Меньше всех похож на кришнаита Сергей — высокий, плечистый, симпатичный парень. Когда-то увлекался спортивным плаванием, боксом. В сектантах обычно оказываются люди переменчивых судеб, но у Сергея жизненный путь особенно извилист. Он долго не находил себе места в жизни, пока наконец не сделался одним из активистов московской сектантской группы. За несколько лет до этого Сергей успешно закончил технический вуз, отслужил в армии, некоторое время работал программистом. Потом вдруг круто изменил свой жизненный путь — поступил в институт физкультуры, но, недоучившись, вновь решил начать все сначала. На сей раз поступил в пчеловодческий техникум, окончил его и с большим прилежанием стал разводить пчел... Но вновь крутой поворот — оставляет со скандалом полюбившееся ему дело, становится активным сектантом, а для заработка устраивается в артель по изготовлению

музыкальных инструментов.

Не спешите прийти к выводу, что это какой-то вертопрах, летун, человек с неустойчивыми жизненными позициями. На сектантском поприще он обнаружил недюжинную энергию и настойчивость, был одним из главных инициаторов официальной регистрации кришнаитского объединения в Москве.

Что же заставляло его в прошлом неоднократно менять профессию, трудовой коллектив? Сергей подробно и с горечью рассказывал мне об этом. Вовсе не легкомысленное стремление к перемене мест, а драматические столкновения с несправедливостью, в которых он потерпел поражение, были причиной его метаний.

Первое жестокое разочарование побудило парня расстаться с интересной и перспективной работой программиста. Выяснилось, что ему приходится обсчитывать на ЭВМ материалы для докторской диссертации шефа, который незаконно присваивал себе его труд, использовал дорогое «машинное время» и в итоге за государственный счет делал свою карьеру. И вот этот человек, которому он свято верил, предстал в его глазах рядовым мошенником, жившим за счет труда своих подчиненных. Сергей пытался протестовать, но всемогущий шеф, обладавший не только регалиями ученого, но и мундиром полковника, принудил его уйти. Под воздействием первого поражения у Сергея постепенно стало складываться убеждение, приведшее его в конце концов к кришнаитам: собственными усилиями ничего не добьешься, человек нуждается в поддержке и заступничестве сверхординарных сил.

Но прежде чем это убеждение в нем окрепло, ему пришлось пережить еще ряд драматических столкновений с «земной несправедливостью». В институте физкультуры он узнал, что удачное распределение выпускников во многом зависит от протекции, и, не желая вступать в нечестную игру, ушел из вуза, не дотянув до выпускного курса.

У него появилось почти мистическое стремление искать спасения у природы, уклонившись от столкновений с людским злом. Сергей вспомнил непоколебимую тишину деревенской пасеки, где бывал в далеком детстве, и решил стать пчеловодом. После успешной непродолжительной учебы он начинает делать свои первые шаги на новом поприще, с волнением ощущая себя творцом и охранителем природных живых существ. Все еще наивный и мечтательный, несмотря на не первую уже молодость, Сергей всем сердцем полюбил маленьких крылатых тружеников. Тем более жесток и непоправим оказался нанесенный ему в самое сердце удар, который настиг его к этому пчелином царстве, далеко, казалось, от людских треволнений.

Пчелок предательски отравили, причем вовсе не грабители, а непосредственный начальник — сама бригадирша, решившая так подло отомстить ему за разоблачение ее воровства. Даже годы спустя боль от того «злодейского преступления» не утихла, и кришнаит рассказывал мне о нем как о самом большом пережитом им потрясении. «Пчелки — живые, их

нельзя убивать, — твердил он, прибавляя к этому и свои кришнаитские доводы. — В древних Ведах говорится об ахимсе — непричинении боли и зла живым существам — как о главной, священной заповеди».

Теперь без веры в бога и непрременную помощь с его стороны он уже не мог жить спокойно. Залогом заступничества Кришны стало участие Сергея в активной миссионерской работе, отстаивание права на официальное признание секты. А изготовление музыкальных инструментов, в чем он вскоре преуспел, — дело тоже вроде богоугодное (недаром древнего бога Кришну часто изображают играющим на пастушеской свирели), к тому же это занятие сугубо индивидуальное, позволяющее избегать контактов с иноверцами и неверующими. Так, не выдержав испытаний на прочность своих личностных позиций, наш атлет оказался в строю вайшнавов. Здесь он обрел поддержку не только всемогущего, хотя и призрачного Бога, но и вполне реальной международной организации ИСККОН, известной своим опытом, размахом деятельности и богатством.

Давно мне знаком и другой мятущийся человек — Коля, который сам называет себя «ищущим». У него также было много в жизни крутых поворотов, но вызванных не поражениями, а, скорее, вызовами, которые он смело, порой с безрассудством бросал судьбе. Своей увлекающейся натуре Николай приписывает и знакомство с кришнаитами, среди которых он вскоре выделился инициативностью и неутомимой энергией.

Однако его пример примечателен в другом отношении. Коля — небольшого роста, юркий, неприметный с виду человек — оказался очень настойчивым и удачливым миссионером в кругу своей семьи, что случается нечасто. Обычно кришнаит как бы вырывается из прежней социальной среды, семейного окружения, порой не без драматических конфликтов с близкими ему людьми. Коля же сумел подчинить своему влиянию всех родственников — мать, сестру, ее мужа, приучить их к декламации мантр, ввести в красочный мир религиозной мифологии, приобщить к мистическому мироощущению. В результате занимаемая ими трехкомнатная квартира стала фактически выполнять функции кришнаитского ашрама.

Есть среди московских кришнаитов сектант, много лет с усердием изучающий затейливую индуистскую мифологию и премудрости вероучения. Он явно стремится стать тем, кого в Индии верующие называют пандитом — искушенным в богословии, авторитетным, уважаемым человеком. Его миссионерство носит преимущественно богословский характер, тогда как большинство кришнаитов пропагандируют свою веру на уровне обрядности. Вместе с тем этот человек (назовем его Михаилом) — рьяный поборник сектантского образа жизни в своей семье. У него жена и трое маленьких детей. Всех он строго держит на кришнаитской диете, позволяя употреблять в пищу только освященные у алтаря вегетарианские блюда.

На данном примере можно лишний раз убедиться, что кришнаиты — люди волевые, упорные и очень настойчивые в своем фанатизме. Михаилу пришлось выдержать сопротивление тещи и тестя, которые первоначально не допускали и мысли о превращении своих внуков в малолетних сектантов. Он

сумел в этой долгой внутрисемейной борьбе перетянуть на свою сторону жену — видимо, не без угрозы разводом.

В прошлом Михаил окончил престижный вуз, получил квалификацию радиоинженера, прекрасно владеет английским языком, в знании которого специально усовершенствовался для более успешного изучения сектантской литературы. Таким образом, способности, профессиональная подготовка, трудолюбие и настойчивость — все при нем, однако нет полноценного участия в общественно полезном труде. Михаил работает сторожем и подстригает газоны, что, как он объясняет, дает ему возможность быть ближе к природе. Работа эта, конечно же, нужная, но она далеко не адекватна его способностям и уровню профессиональной подготовки, на которую государство затратило десятки тысяч рублей, но так и не увидело высококвалифицированного специалиста на производстве.

А с какими общественными ориентациями вырастут его дети? Пойдут ли они за отцом и будут жить по сектантским законам или же попытаются вернуться к полнокровной жизни? Пока здесь одни вопросы...

В кришнаитских общинах, как мы уже говорили, есть и женщины, в своем большинстве пассивные участницы ритуалов, обрядов и праздников, наполняющих повседневную жизнь сектантов. Однако есть и активистки, двух из которых я хорошо знаю. Расскажу об одной.

Впрочем, многим знакома внешность высокой и стройной, несмотря на ее пенсионный возраст, Изабеллы В. Я имею в виду тех, кто вглядывался в лица кришнаитов, выступающих с ритуальным распеванием мантр и занимающихся продажей литературы на Старом Арбате. Изабелла — не только непременная участница уличного миссионерства, но и хозяйка самого активного в Москве ашрама. Ее квартира, вся разукрашенная индуистской символикой и всегда полная местных и приезжих кришнаитов, находилась всего в ста метрах от райкома партии.

Прежние власти реагировали на это очень остро, усматривая в территориальной близости чуть ли не идейно-политический вызов и провокацию. Соответственно и сектантов такое соседство не приводило в восторг. Теперь, благодаря демократизации нашей жизни, взаимная подозрительность исчезает.

Изабелла очень убедительно рассказывает о том тягостном ощущении безысходности, которое заставило ее обратиться к вере в спасительную роль Кришны и благодатную силу заклинаний его именем.

Она жила на одной из окраин Москвы, здесь же работала не одно десятилетие в заводском детском саду. Любила детей, переживала за их будущее, ибо было из-за чего беспокоиться. В обществе все больше распространялись пьянство, преступность, распущенность. Ее воспитанники — такие славные человечки — уходили от нее в жизнь, а потом спустя несколько лет она видела их совсем другими — грубыми, бездушными, циничными. Позднее они начинали водить к ней в детский сад уже собственных детей, невинных созданий, которым угрожала опасность стать

такими же, как их родители.

Пьянство, хамство, хулиганство — зло воспроизводилось из поколения в поколение, и казалось, конца всему этому не будет. Изабелла не могла найти объяснения поразившей общество социальной болезни, а тем более — средств избавления от нее. Да и что можно было сделать в те застойные годы? С высоких три бун ничего не замечали и призывали других не замечать. Непрерывный поток деклараций парадного благополучия питала псевдооптимистическая социальная мифология, без которой не могла существовать насквозь пропитанная волонтаризмом и все больше дававшая сбои командно-административная система.

И вдруг Изабелле открылся мир совсем иных, кришнаитских мифов, тоже иллюзорных, но в них, по крайней мере, не содержалось лицемерия и лжи в отношении земного неблагополучия. Кришнаиты воспринимали мир таким, каков он есть, в многообразии человеческих трагедий, не врали, что их нет и быть не может. Сектанты объясняли, казалось бы, необъяснимое очень просто: живем в век «Кали юга», в «железный век», когда ничего хорошего ждать не приходится. И уже одно это как-то успокаивало: значит, не наша вина в том, что все плохо. Тут же предлагалась как средство спасения и чудодейственная махамантра «Харе Кришна» — простая и очевидная в своем божественном всемогуществе, поскольку воплощала в себе энергию самого Бога-избавителя...

Конечно же, я не в восторге от кришнаитов, не собираюсь ими восхищаться. Они вовсе не герои сопротивления застою, а, скорее, одна из его жертв, использующая восточную религию как своеобразный духовный опиум, который в мистическом упоении они принимают за живительный эликсир, способный вернуть к нормальной жизни деформированную социальную среду и ее безрадостных обитателей.

Кришнаиты призывают к спасению души. Атеисты вовсе не будут возражать против такого призыва, если под ним подразумевать духовно-нравственное возвышение личности, неотделимое от ее служения Отечеству и возможное лишь благодаря ее участию в осуществлении нашего «общего дела» — гуманизации человека. В кришнаитской же трактовке спасение души, эта богатейшая по своему содержанию форма приобщения личности к высшим ценностям человеческой цивилизации, сводится к архаическому ритуалу повторения богохвалебной мантры «Харе Кришна».

Кришнаиты выступили с этими призывами почти 500 лет тому назад в условиях кризиса средневекового феодализма в Индии. А наши сектанты упорно закрывают свои глаза на тот факт, что вокруг них совершенно другой мир, другая эпоха, иные пути и средства достижения социально-исторического прогресса. В тупиковой исторической ситуации, когда ни отдельная личность, ни общество в целом не видят реальных путей решения накопившихся проблем, позиция религиозного мистицизма объяснима и в известной мере оправдана. Но сегодня дело обстоит совсем иначе. Реальные возможности революционного обновления общества. Залог успеха — активное участие каждого в решении реальных, земных задач нашего

продвижения вперед, а вовсе не устранение от них и поиск «душеспасительного» успокоения в мистической эйфории. Впрочем, сегодня уже многие сектанты отказываются видеть свое предназначение только в проповеди тысячекратных повторений божественной мантры.

Подводя итог, приходится констатировать, что мои «друзья» кришнаиты — скучные друзья, устранившиеся от земных радостей. И это несмотря на почти непрерывное ритуальное празднество, которое они старательно разыгрывают, погружаясь в состояние экзальтации и мистического вдохновения. Мне жалко этих, религиозных романтиков, забавляющихся экзотикой восточного мистицизма и утрачивающих в погоне за призрачными ценностями реальный смысл жизни. Не слишком ли высокая цена за возможность получить утешение?

Разумеется, было бы лучше, если бы они стали действительно активными борцами со злом и успешно бы его сокрушали. Но, видимо, далеко не всем это дано, в том числе по объективным причинам.

Так что же, будем считать справедливой печально известную сентенцию: «Каждому свое!»? Нет и еще раз нет! Не надо отворачиваться с кислой миной от этих людей. Они вовсе не мертвые цветы на похоронном венке умершей для них земной жизни. Социально-утопические устремления религиозных романтиков и светлые идеалы передовых общественных сил не являются взаимоисключающими, ибо выражают, хотя и в разных формах, общечеловеческие представления о создании справедливого общества. Следовательно, романтики и реалисты не абсолютно далеки друг от друга. При условии взаимопонимания они могут и должны быть солидарными в стремлении к возвышенной цели. Эта цель — благо всего человечества — должна объединить тех и других. Сегодня люди все глубже осознают значение общечеловеческих ценностей, и общество в своем движении начинает ориентироваться на них. Так пусть различие путей, ведущих к общей цели, не отделяет нас друг от друга и не препятствует нашему сближению и объединению усилий в решении задач обновления общества.

В связи с этим полемику в адрес нетрадиционных религий необходимо полностью очистить от необъективных негативных характеристик и оценок в тех случаях, когда их приверженцы лояльно относятся к существующему обществу и разделяют его целевые установки.

Далее нам целесообразно расширить рамки темы, перейти к вопросам более общим, а именно — попытаться понять, как возникают мистические секты, подобные кришнаитской, что приводит к их появлению, прослеживается ли здесь какая-то закономерность, или все зависит от его величества случая?

## **Глава 2**

### **«Атомарные» церковные системы и «радиационные потоки» богоискателей**

Крупнейшим открытием в области физики стало обнаружение в начале XX века явления радиоактивности. Было опровергнуто незыблемое до того времени представление о неделимости атома. Выяснилось, что этот считавшийся первичным элемент вещества — весьма сложная система. В определенных условиях атомарная система распадается на более простые составляющие, испуская при этом радиационные потоки элементарных частиц.

Думается, с известными оговорками допустимо провести аналогию между указанным физическим процессом и таким явлением общественной жизни, как возникновение богоискательства, сектантских групп и культов. Уподобляя атомному распаду процесс внутрицерковных потрясений, сопровождающийся разведением более простых сектантских объединений, еретических течений и богоискательских движений, мы используем данный прием лишь для создания иллюстративно-образной модели. Такое уподобление существенно отличающихся друг от друга феноменов методологически оправдано с точки зрения системного подхода к их рассмотрению.

Религиозные явления представляют собой, как правило, весьма сложные по своему строению системы. Прежде всего это относится к церковным организациям. Например, любая христианская церковь имеет громоздкое, веками разрабатывавшееся вероучение, обширную ритуальную обрядность. Ей свойственна многозвенная организационная сеть и иерархическая структура, основание которой

образуют рядовые миряне, а вершину — всесильные «князья» церкви в лице епископата, возглавляемого в православии патриархом, в католичестве — римским папой. Образно говоря, каждая такая церковь — это своего рода «атомарная система».

Иначе выглядят новые культы и секты. Отвергая традиционное вероучение, обрядность и церковную структуру, они первоначально предлагают довольно краткое «божественное откровение», их ритуалы немногочисленны, организация предельно проста, а нередко отсутствует вовсе. Невольно напрашивается сравнение с элементарными частицами субатомной физики.

Конечно, наша аналогия не может охватить всего многообразия проявлений новых религиозных движений. Достаточно указать на возможность превращения «элементарных частиц» — сект и культов — в самостоятельные церкви. Такова была история многих протестантских сектантских групп, которые возникли в результате конфронтации с католической церковью, а со временем сделались крупнейшими религиозными объединениями (деноминациями), — баптистов,

пятидесятников, адвентистов и т.д.

В данной иллюстративно-образной модели сходство двух явлений прослеживается в нескольких ключевых моментах, что в конечном счете позволяет расширить рамки сравнения. Во-первых, это момент кризисного состояния исходной системы. Радиоактивному распаду атома предшествует его «перевозбуждение» — нарушение энергетического баланса внутриатомных связей. Аналогично возникновение новых религий и культов — результат кризиса официально признанных в обществе религиозных систем. История дает тому массу примеров. Кризис официальной религии Римской империи, обожествлявшей личность императора, породил массу всевозможных сектантских групп, среди которых постепенно стало доминировать первоначальное христианство. Последующая история самого христианства, превратившегося в официальную религию феодального общества Европы, также знает множество кризисных ситуаций, сопровождавшихся выступлением против него всевозможных ересей и сект, особенно в период вызревания новых, капиталистических отношений. Религиозные движения, предшествовавшие Реформации и составившие ее идейно-политическое содержание, были направлены против католической церкви — оплота сдававшего свои позиции феодализма. Эти протестантские движения представляли собой как бы «радиационные потоки» богоискателей, которые родились из кризиса «атомарной» церковной системы католицизма.

Современные нетрадиционные религии западного мира также появились на фоне глубоких противоречий, охвативших традиционные для него религиозные системы — католицизм, протестантизм, иудаизм. Это стало настолько общепризнанным фактом, что с ним соглашаются представители обеих сторон — как церковные иерархи, так и идеологи новых религий. К примеру, проповедники неохристианства из так называемого Движения Иисуса, из секты «Дети бога», из организации Муна постоянно подчеркивают в своих программных заявлениях неудовлетворенность официальным христианством, его устарелость и малую эффективность в воздействии на современников. Негативную оценку официальным религиям дал в свое время и один из лидеров религиозного мистицизма Бхагван Раджниш. Аргументируя преимущество своего новомодного мистического культа, он заявлял, что традиционные исповедания — буддизм, христианство, ислам — это «мертвые религии», и считал новые культы, мистицизм единственно подлинной религией нашего времени.

Возвращаясь к аналогии в структурных изменениях атомарных и религиозных систем, мы увидим второй момент сходства — возникновение новых элементов. При радиоактивном распаде атома это поток элементарных частиц; в случае кризиса церковной системы — порождение ею различных сект и культов. На протяжении всей продолжительной истории религии сектантские группы образовывали выходцы из официальных церквей. Неслучайно их называли «вероотступниками», а само слово «секта» понимается как результат раскола, секционного расчленения целостного

религиозного объединения — церкви, а точнее, церковного института, обладающего единым вероучением и культовой практикой, общей организацией, консолидировавшейся массой единоверцев.

По данным социологических исследований, проведенных в США и Западной Европе, многие современные богоискатели в прошлом были иудаистами и католиками. Это молодые «бунтари», порвавшие с традиционной религией своих родителей.

С другой стороны, секта «Дети бога», возглавляемая бывшим протестантским священником из США Д. Бергом, или сектантское объединение Муна, воспитанного в семье корейского баптистского проповедника, ведут свое происхождение от официально признанных протестантских церквей, тогда как Бхагван Раджниш, отвергнувший традиционные религии Востока и Запада, был воспитан в рамках вполне традиционного для Индии джайнизма.

Радиационные потоки в физике — это рой элементарных частиц, мчащихся по разным траекториям в различных направлениях. Как это похоже на суетную активность богоискателей! Недаром на Западе говорят о «религиозных метаниях», «религиозном брожении» и даже о «религиозном калейдоскопе». Американский социолог Теодор Роззак наблюдал в штате Калифорния в 1970-е годы беспрецедентный случай «метаний» молодых богоискателей, когда они еженедельно обновляли свои религиозно-мистические увлечения, отправляясь каждый уик-энд в новое «спиритуальное путешествие».

Неоднократно меняли религиозные пристрастия всемирно известные «битлы», прежде всего Леннон и Харрисон. Они перепробовали йогу, трансцендентальную медитацию, кришнаизм. Были восторженными почитателями главы «медитаторов» Махариши Махеш Йоги, у которого жили в Индии, в священном центре его международной организации «Мировой проект», а потом скандально рассорились с ним. Принимали у себя в Лондоне лидера кришнаитов Бхактиведанту и являлись его неофициальными спонсорами в пропагандистской экспансии кришнаизма на Западе.

В «радиационных потоках» современных богоискателей порой встречаются удивительные фигуры — нечто аналогичное «странным» частицам в ядерной физике. Это мистически настроенные лица, которые хотят заручиться поддержкой одновременно нескольких сверхъестественных начал. Среди них есть лидеры новых религиозных объединений, которые считают недостаточным объявить себя воплощением одного какого-либо божества и поэтому провозглашают свою особу вместилищем сразу трех божественных персонажей, как глава секты «Ананда Марг» Саркар, а то и пяти, как Мехер Баба. Им стремятся подражать, исходя из своих скромных возможностей, рядовые богоискатели. Английский ученый-религиовед Р. Элвуд как-то признался, что с юношеских лет увлекался теософией, в зрелом возрасте серьезно занялся практикой дзэн-буддизма, хотя при всем этом он официально является епископом англиканской церкви. Эта своеобразная

«многоканальность» религиозных воззрений современных богоискателей дала повод для меткого выражения в их адрес: при рождении они получают католическое крещение, венчают их по-протестантски, а похороны устраивают буддийские. А иных уже не может удовлетворить ни одно, ни даже одновременно несколько богоискательских направлений, и страждущие в таком случае находят прибежище в лоне особых универсальных культов, как, например, американский ведантизм, основанный в США в самом начале XX века индусом Вивеканандой и превратившийся в религию «всех богов». В ней ведущее место занимает религиозная философия универсалистского характера, которая признает правомерность отдельных религий, в частности буддизма, христианства, ислама, но лишь в качестве более низкого уровня религиозных воззрений. При этом обрядность носит смешанный характер. В западном мире известны и другие «универсальные религии», например, вера бахай (бехаизм).

Третий момент сходства наиболее интересен и важен для понимания существа нетрадиционных религий. Физики рассматривают элементарные частицы, покидающие атом вследствие его радиоактивного распада, как части его внутренней структуры. Аналогично этому нетрадиционные религии и культы представляют собой такие новообразования, которые вовсе не следует считать чем-то посторонним и чуждым господствующей религиозной традиции, хотя подчас их проповедники склонны абсолютизировать исключительность и неповторимость пропагандируемых ими догматов и ритуалов. При всем радикализме и непримиримости к традиционному вероучению «новая религиозность» является скрытым содержанием господствующей религиозной традиции. Иначе говоря, откровенный мистицизм и магия, составляющие пафос богоискательских настроений, — это как бы ядро больших и сложных «атомарных» церковных систем, занимающих официально доминирующее положение в обществе.

В этом легко убедиться не только аналитическим путем, но и прислушавшись к голосу самих богоискателей. К примеру, проповедники неохристианства постоянно подчеркивают, что они возрождают «истинную» христианскую веру, которая либо скрывается, либо искажается представителями официальной церкви. И в подтверждение своей правоты обращаются к первоначальному христианству, которое еще не знало церковной организации, а существовало на положении гонимой и преследуемой властями секты. Ей были свойственны сугубо мистические представления о скором конце света, несложная, но вызывающая экзальтацию обрядность и простое, по-своему демократичное устройство общины. В развитой церковной организации эти сектантско-мистические установки первоначального христианства оказались втуне, стали предметом не только замалчивания, но и запрета.

Элементы мистицизма, питающие различные секты, есть и в других традиционных религиях — буддизме, исламе. Достаточно назвать развившееся на основе индуизма и буддизма мистическое направление —

тантризм, в котором на первый план вышли магические ритуалы и экстатические обрядовые действия. Или же можно указать на секту дзэн-буддизма с ее культом экстатического транса — внезапного спонтанного «просветления» (саторй) и магическими приемами его достижения (медитация дза-дзэна — «простого сидения» или же «размышление» над алогичными формулами особого рода высказываний — коанов). В исламе подобная тенденция представлена суфизмом, в котором используется аскетизм и различные другие изощренные средства воздействия на организм и психику верующего. На базе древнего иудаизма возникло мистическое направление хассидизма, связанное с поклонением прорицателям-цадикам.

Богоискатели, выступающие под лозунгом конфронтации с официальными религиями, обращаются к этим скрытым в них мистическим тенденциям и объявляют их «тайным», эзотерическим учением, воплощающим подлинную истину религиозной веры. Такова была установка основоположницы теософии Е. П. Блаватской в ее религиозных исканиях, в соответствии с чем одно из главных ее произведений получило название «Тайная доктрина». В конце XX века нечто похожее предпринимал индиец Раджниш (он же Ошо), стремясь объединить и пропагандировать мистику различных эпох и народов.

Таким образом, выявляется весьма существенная особенность: в мистицизме как бы нивелируются религиозные различия, и поэтому он как тенденция универсален, несмотря на то что формируется в русле таких несхожих между собой и даже противоположных по главным догматам религий, как, например, буддизм и христианство. Данное обстоятельство интенсивно используется в попытках сближения и даже слияния на основе конфессионально нейтрального мистицизма религий Востока и Запада в целях оживления и упрочения религиозных настроений.

В числе первых эту реформистскую установку выразил писатель Герман Гессе, который ярко и вдохновенно отобразил в ряде своих произведений основные устремления современного богоискательства, благодаря чему в среде «бунтующей» молодежи Запада 1960-х годов почитался как один из главных идеологов ее религиозных исканий. В характерной для него полемической форме он так сформулировал эту религиозно-реформистскую задачу: «Речь в наше время идет уже не о том, чтобы обратить японцев в христианство, а европейцев — в буддизм или даосизм. Наш долг и желание — не обращать и не обращаться в какую бы то ни было веру, но достичь как можно большей открытости и широты; в мудрости Востока и Запада мы видим уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь»

Профессиональные теологи и религиоведы подходят к данной теме более конкретно. Лидер японского необуддизма Ике-да, председатель многомиллионной организации Сока-Гаккай, и английский философ Тойнби опубликовали целый том, где в форме диалога обсуждают вопросы взаимопонимания и взаимного сближения буддийской и христианской веры.

Со временем усилия сторонников религиозного реформизма

значительно интенсифицировались, в дело включились целые организации, действующие в международном масштабе. Пример тому — организация Муна, которая стала системати-

**Восток — Запад. М., 1982. С. 217.**

чески проводить семинары по проблемам «унификации» религиозной веры с участием представителей самых различных вероучений.

Единообразие мистических доктрин и культовой практики у многих народов подтолкнуло идеологов современного богоискательства к созданию специальных мифов. Суть их сводится к тому, что в далеком прошлом жрецы знали некое «тайное учение», полученное от божественных посланцев, но со временем оно было почти полностью утрачено, и лишь отдельные его фрагменты сохранились в древних религиозных представлениях разных народов. Эта причудливая мифологическая идея служит поводом для своеобразных религиоведческих изысканий, в которых содержатся интересные описания мистических воззрений и магической обрядности, встречающихся в разных исторических культурах. Наиболее громкие имена этого далеко не единообразного направления — Е. П. Блаватская, создательница влиятельного теософского учения, и Рене Генон — основатель так называемого традиционализма, чьим горячим сторонником в нашей стране стал известный философ Александр Дугин.

Оставим в стороне миф о некоей единой доктрине мистицизма, якобы имеющей божественное происхождение, и попытаемся найти научное объяснение такому факту, как единообразие мистического мироощущения и психологической позиции верующих независимо от их религиозной принадлежности. Суть проблемы заключается, видимо, в том, что мистика — это как бы ядро религии, лишенное напластований громоздкого догматического вероучения и обширного арсенала канонических ритуалов и обрядов.

Если религиозная вера ограничивается только определенной иллюзорной идеей (наличие сверхъестественного начала) и соответствующими чувствами, эмоциями, то перед нами — феномен мистики. Он весьма узок по своему идейному содержанию, однообразен и поэтому, в сущности, единообразен. Если феномен мистики — эта простая установка сознания и поведения экзальтированного верующего — обрамляется специфической идейной системой и своеобразным учением, возникает куда более сложное явление — мистицизм. Когда же последний обрастает догматикой и канонической обрядностью, он трансформируется в собственно религию. Поставленная на прочную организационную основу, она превращается в действенный религиозный институт — секту, церковь и т.д.

Таким образом, религия как система имеет сложное строение. В ней мы различаем несколько структурных уровней, начиная с внешнего и заканчивая глубоко внутренним — своеобразным ядром.

Почему же это скрытое, находящееся в глубине ядро религии порой

обнажается, освобождаясь от «обруча» других структурных элементов, и заявляет о своей самостоятельности, не считаясь с разработанной и официально признанной религиозной догматикой, каноном богослужения, строгим уставом подчинения церковной власти? Какая энергия взрывает устоявшуюся, складывавшуюся веками церковную рутину и питает силы сторонников религиозного обновления, которых не останавливают угрозы самых страшных кар (достаточно вспомнить, сколько еретиков и сектантов уничтожила христианская церковь)?

Физики, кажется, еще не вполне уяснили себе непосредственные причины атомного распада. Что же касается богоискательства, то порождающие его факторы известны очень давно. Собственно говоря, сами лозунги, под которыми воинствующая религиозная ересь ополчается против светских и церковных князей, достаточно красноречиво о том свидетельствуют. Они требуют установления «царства небесного» на земле. За этой религиозной иллюзией легко угадывается протест против земных порядков, конкретно-исторических форм эксплуатации, угнетения и неполноправия.

Некоторые социологи называют подобные движения «альтернативными религиями» и видят в них способ выражения социальной альтернативы существующему несправедливому строю. Конечно же, эта альтернатива иллюзорная — скорее, псевдоальтернатива, а не реальное средство преобразования исторической действительности.

Религиозные новации, распространившиеся в США и западноевропейских странах, в первую очередь в среде молодежного движения протеста, мелкобуржуазных националистических и феминистских движений, быстро утратили свой «бунтарский» дух и стали ассимилироваться в условиях современных неоконсервативных ориентаций на Западе. Поэтому в последние десятилетия нетрадиционные религии уже не являются «альтернативными» в отношении религиозных организаций и социального строя Запада, как они ранее громгласно заявляли о том, спекулируя в рекламных целях на своей якобы непримиримой конфронтации с религиозным и социально-политическим истеблишментом. Теперь в своем подавляющем большинстве это лишь новая составная часть религиозной надстройки современного западного общества. Новые религии мирно соседствуют со старыми. Социологи называют это закономерное явление современности «религиозным плюрализмом».

Нетрадиционные религиозно-мистические настроения могут также выражать тягу людей к новым, более привлекательным иллюзиям, питаемым авторитарными отношениями в сектантских коммунах, к более эффективным средствам религиозного утешения и манипуляции сознанием. Что же это за притягательные цветы мистицизма, что так сильно дурманят головы романтически настроенным богоискателям? Об этом пойдет речь далее.

### *Глава 3*

#### **Что скрывается за религиозной экзотикой?**

Мы уже говорили, что современные религиозно-мистические искания в некоторых капиталистических странах Запада достигают порой такой массовости и пестроты, что их называют причудливым «религиозным калейдоскопом». Погоня за религиозной экзотикой «тайных учений» и магической обрядности может показаться самоцелью, но исследования убеждают, что это лишь форма для выражения более глубоких и серьезных социальных устремлений разноликой массы богоискателей. Что же является подлинной движущей пружиной их религиозных исканий?

Как мы уже отметили в предыдущей главе, главный побудительный мотив религиозных новаций, часто не вполне осознанный — конфронтация с господствующими общественно-политическими институтами и поддерживающей их традиционной церковной системой. Богоискательские новации выражают скрывающиеся под религиозной оболочкой общественные настроения неудовлетворенности и протеста. Известно высказывание В. И. Ленина на этот счет: «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития...»

Это — основополагающее положение, дающее возможность раскрывать внутреннюю специфику того или иного религиозного феномена и понимать закономерности его исторической эволюции. Ленинское суждение относится не только к прошлым историческим эпохам, оно позво-

***Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т.4. С. 228.***

ляет многое понять в современных нетрадиционных религиях. Причем применительно к современности было бы неверно ограничивать правомерность данного вывода лишь индустриально развитыми странами Запада. Важно подчеркнуть, что он справедлив при анализе социальной направленности религиозномистических настроений и в нашем обществе. Новые секты и культы, возникшие у нас, в той или иной мере, безусловно, есть выражение протеста против социальной несправедливости, беззакония, подавления личности и других негативных явлений, имевших место в период застоя. Поскольку этот протест выражается в формах религиозно-мифологического и мистического сознания, его реальный смысл состоит в утешении, связанного с появлением у человека чувства самодовольства от достигнутого духовно-нравственного совершенства и превосходства над мирским сообществом людей. Однако было бы неправильным, как полагали советские идеологи, сводить социально-идеологические функции религии только к утешению страждущих и угнетенных. Религиозно настроенных людей всегда отличает стремление к духовной и социальной активности (конечно же в рамках вероучительской догматики, культа и организационных форм). Разумеется, поборники современных нетрадиционных религий считают себя избранной частью человечества, которым уготовано спастись

от всеобщей гибели. Однако вместе с тем они считают себя провозвестниками грядущей космической эпохи, освобождения от несправедливости, тягот и страданий, которыми чревата ныне существующая, уже утратившая свой жизненный потенциал устаревшая цивилизация.

Следует подчеркнуть, что эти богоискательские настроения выражают позицию не принципиальных противников социализма, а, как правило, сторонников религиозно-романтических идей духовно-нравственного очищения и освобождения от уз и бремени материального существования. Последние получают у них ненаучную, утопическую трактовку, которая усугубляется их религиозно-мистическими установками. Если говорить конкретно, то богоискатели выражают мечту о полной социальной справедливости, в связи с чем говорят о приходе «спасителя» и установлении «царства божьего на земле» либо о некоем мистическом совершенствовании общества и личности на пути их постепенной «спиритуальной трансформации». В этом религиозно-утопический смысл их «исканий». Пути реализации своей мечты они представляют себе с позиций того или иного вероучения — христианства, индуизма, буддизма, теософии и т.д.

Но вернемся к вопросу об особенностях религиозных движений. Как известно, религиозная оболочка не тождественна религиозному сознанию в целом, а является лишь формой выражения его содержания. Идеи и представления, образующие ткань вероучения и включенные в ритуальную практику и образ жизни верующих, несут в себе социальные установки и предписания: мировоззренческие, морально-психологические, общественно-политические, вплоть до бытовых и даже хозяйственных. Короче говоря, социокультурная сторона — главная в религии, именно с ней связаны место и роль религии в обществе и в жизни действительности ее приверженцев.

В зависимости от социального значения религии можно разделить на апологетические и альтернативные. Первые занимают господствующее положение в обществе и существуют в качестве официально признанных религиозных институтов. Вторые стоят на позициях конфронтации с официальной системой, ее светскими и церковными институтами и представлены многообразной массой еретических настроений, движений религиозного протеста, различных мистических культов, сект и оккультных групп.

Указанное морфологическое различие не всегда вполне отчетливо, тем более что оно преодолевается в процессе исторической эволюции однажды возникшей новой религиозной традиции. Но это различие определяет основное направление морфогенеза — превращение альтернативных религий в апологетические по мере ослабления их противостояния социальной системе и угасания нонконформистского потенциала.

Из-за своеобразного внешнего оформления альтернативных религий, «одежд», в которые облачена их социальная «бунтарская плоть», явление в целом было названо религиозным радикализмом, или радикальным религиозным обновлением. По существу, его характеризуют не масштабы и

глубина отхода от официального вероучения, а то принципиальное значение, которое придается этому «обновлению». Само по себе оно может казаться маловажным, даже ничтожным, но, будучи ориентированным на социальную конфронтацию, малозначительное нововведение приобретает принципиальное звучание, становится средством радикального отрицания официальных установлений.

Эта специфика религиозного радикализма очень отчетливо проявилась в парадоксе русского старообрядчества XVII века. Оно возникло вследствие нововведений патриарха Никона, которые состояли, казалось бы, в третьестепенных изменениях церковного ритуала. Раскол в русской православной церкви вызвал принятие новых правил обрядовой практики, таких как трехперстное крестное знамение вместо двухперстного, поясные поклоны вместо земных и ряд других. Еще за сто лет до Никона подобные новшества не встретили никакого протеста, но в середине XVII века, когда обнаружился заключенный в них широкомасштабный социально-политический смысл — реформация церкви с целью ее централизации, что отвечало историческим потребностям укрепления дворянского государства, — незначительный вроде бы вопрос обновления церковного ритуала приобрел принципиальный характер.

Подобная чрезмерно преувеличенная оценка ритуальнообрядовых новаций довольно часто бывает присуща религиозному радикализму.

В принципе любая религия консервативна и поэтому, насколько возможно, сохраняет неизблемыми догматы своего вероучения, каноны обрядности, устав внутрицерковной жизни и т. д. Так, священники современной Русской православной церкви при богослужении облачаются в ритуальные одеяния, которые были введены полторы тысячи лет тому назад. Можно назвать множество других столь же древних церковных установлений, сохраняющихся и поныне.

Консерватизм играет существенную роль в жизни религиозных организаций. Он не только охраняет неизблемость церковного института. Хотя иногда приходится, наоборот, отступать от архаики в пользу модернизма, обновления всех сторон древней религиозной традиции, приспособлявая ее к изменившимся социально-историческим условиям. Религиозный консерватизм — это прежде всего средство подтверждения божественного характера церковных установлений, их происхождения «свыше» в противоположность текучести и шаткости результатов человеческой деятельности.

Однако каждое новое религиозное течение начинается с радикального изменения господствующей традиции — иначе оно не может возникнуть. Новаторы и реформаторы, осуществляя свои преобразования, выступают не против консерватизма как такового, старых религиозных институтов, а за новый смысл и значение религии, которым они придают также консервативный характер, даже еще больше его подчеркивают.

Так, например, лютеранский и кальвинистский протестантизм выступил

с самым резким осуждением пышности католического богослужения, отказался от целого ряда догматов («таинств»), существенно упростил церковную иерархию. Тем не менее своему религиозному радикализму протестанты с самого начала придали консервативный смысл, поскольку объявили свои новации возвращением к принципам первоначального христианства.

С еще большим пафосом провозглашает свою верность древней традиции кришнаизм, который относят к современной фундаменталистской разновидности индуизма. Как самостоятельное течение он возник на рубеже XV-XVI веков в русле альтернативного религиозного движения бхакти, имевшего антифеодальную направленность. Однако свой религиозный радикализм, непосредственно связанный с оппозицией брахманизму, освящавшему феодально-кастовый строй Индии, кришнаитские идеологи объявили «вечной религией» (санатаной дхармой), отождествив свое сектантское вероучение с якобы извечно существующим индуизмом.

И еще об одной особенности религиозного обновленчества. Становясь в оппозицию к официальной общественной системе, религиозный радикализм придает значение не столько форме, сколько самому факту протеста. В зависимости от конкретной ситуации он прибегает к тем или иным способам демонстрации неприятия традиционных институтов и их установлений. Соблюдается только одно требование: любое действие или провозглашенный принцип должны быть прямо противоположны тому, что делает или провозглашает противник. Соответственно в одних случаях наблюдается строгое следование определенным нормам, в других — неограниченное отступление от них. В этом смысле радикальное религиозное обновление как бы «привязано» к апологетической религии, есть ее противоположность. Оттого религиозный радикализм часто проявляет себя в виде комплекса противоречивых, по сути, предписаний, идейно-нравственных установок, поступков своих приверженцев, что на первый взгляд не поддается разумному толкованию.

Так, известный советский востоковед В. В. Бартольд, исследуя среднеазиатский суфизм, нашел вполне очевидное объяснение кажущейся непоследовательности этого мистического направления в исламе. Суфийские проповедники в одних условиях призывали проявить верность строгим правилам повседневной жизни по шариату, в других — отказаться от них. Оказалось, что все зависит от изменения позиций их противников — представителей официального ислама. В обоих случаях в соответствии с альтернативной направленностью суфизма его последователи выдвигали установки, противоположные тем, которых придерживалась мусульманская верхушка. «В Туркестане, — писал академик Бартольд, — иначе, чем в западной Азии, развивались взаимоотношения дервишей и официального духовенства. Там представители книжного богословия требовали строгого соблюдения шариата, дервиши и суфии отстаивали более свободное толкование правил веры (в Персии слово „суфизм<sup>М</sup> постепенно сделалось синонимом религиозного свободомыслия); здесь (западная Азия) именно

дервиши отстаивали шариат и обличали в нарушении его правил как представителей верховной власти (Улугбека), так и официального главу мусульманского духовенства. Все это делалось во имя интересов народных масс»<sup>1</sup>.

Нередко в рамках одного и того же религиозного течения встречаются вещи взаимоисключающие: аскетизм и гедонизм; нравственная чистота, воздержание и откровенный аморализм, распутство; возвеличивание религиозного знания и восхваление незнания, невежества; проповедническая активность и восхваление молчаливости, вплоть до обета полного молчания на многолетний срок, и т.д. и т.п.

Примером последнего может служить культ Мехер Баба — известного в 1960-е годы в США мусульманского мистика, имевшего влияние на молодежь, скептически настроенную в отношении официальных учреждений этой страны. Однажды Мехер Баба дал обет молчания и в течение 27 лет вплоть до своей смерти не нарушил его. Тем не менее он вел активную пропагандистскую деятельность и издал многотомное собрание своих «высказываний», которые фиксировал якобы с помощью телепатической связи его доверенный секретарь.

Популярный на Западе мистик Бхагван Раджниш, рассказывая о средневековых суфиях — исламских мистиках и монахах, высоко оценивал практиковавшуюся в их среде ритуальную молчаливость. Он с пафосом повествовал, например, о знаменитом суфии Баязиде, который якобы провел 12 лет в полном молчании у ног своего духовного наставника и тем достиг «спиритуального совершенства». Восхищаясь этим фанатичным молчальником, сам Раджниш тем не менее поступил наоборот — произнес огромное количество проповедей, которые были изданы в виде 600 отдельных произведений.

Главную задачу своей массированной пропаганды Раджниш видел в раскрытии «тайного знания» — религиозного эзотеризма древности, расценивая его как «живую струю» религиозного мистицизма, таящуюся в окостенелом теле старых религий, которые он считал уже мертвыми. В то же время этот проповедник превозносил невежество, отстаивал антиинтеллектуализм, порицал просвещенность и образованность. «Весь мой труд, — похвалялся Раджниш, — состоит в разрушении разума, в освобождении вас от его тисков. Я враг разума. Разум не может схватить ускользающее, мистическое».

Его интригующие обещания поведать о мудрости древних, о сокровенных истинах оборачивались проповедью духовной девальвации человечества. «Я разрушаю знание! — витийствует новомодный мистик. — Я не могу позволить вам стать знающими, я помогу вам стать более невежественными». Он выказывал высокомерное презрение к духовному богатству человечества, к великому наследию многовекового научного и культурного прогресса и ставил задачу освободить людей от

---

<sup>1</sup> Бартольд В. В. Улугбек и его время. Пг., 1918. С. 95.

«интеллектуального хлама, накопившегося за века».

Кажущаяся непоследовательность и противоречивость подобных высказываний в действительности характеризует как раз целостность позиции их авторов, принципиально последовательных в своих альтернативных ориентациях. Они считают, что обращение к разуму слушателей — лишь начальный этап передачи мистического учения. Суть же его непостижима в рациональных формах и открывается лишь с помощью иррациональных средств в процессе мистического созерцания. Отсюда эти, казалось бы, странные призывы к молчанию, к отказу от знания, от разума.

Поборники мистицизма предлагают и специфические методы распространения учения, о чем свидетельствует притча о Махакашьяпе, рассказанная Раджнишем. В ней он указывал на неречевой путь передачи мистической «истины», характерный для многих религиозных направлений, использующих метод медитации либо экстатического транса, таких как раджа-йога, дзэн-буддизм, суфизм, тантризм.

Как и все притчи, легенда о Махакашьяпе выглядит упрощенной до наивности, но тем не менее в образной форме передает суть интуитивного постижения божественной истины в молчаливом общении учителя и ученика — адептов эзотерического мистицизма. Итак, послушаем древнюю притчу.

Ученики собрались на одну из последних проповедей Будды. Их учитель предстал в молчании перед большой толпой собравшихся. Им пришлось долго и терпеливо ждать, что скажет Будда, а он все не начинал говорить. Вдруг, не прерывая своего затянувшегося молчания, учитель поднял руку, и все увидели в ней красный цветок. Все в недоумении переглянулись. Никто не смог разгадать тайну этого загадочного жеста, кроме одного, никому до того не известного ученика. Он понимающе улыбнулся. Ему в ответ улыбнулся и Будда, а затем проговорил: «Подойди, Махакашьяп». И когда тот приблизился, Будда, по-прежнему молча, передал ему красный цветок.

Вот, собственно, и все. Вавное здесь то, что внешняя предельно простая канва повествования служит основой для изоциренной символики религиозного мистицизма. Так, колоритный цветок символизирует эзотерическую истину, скрытую тайну мистического учения; молчаливая улыбка — интуитивное постижение этой «тайны»; молчание Будды — отказ от рационалистических рассуждений, не способных открыть тайну священной истины; обращение Будды к Махакашьяпу — приоритетное значение межличностного общения учителя и ученика на пути приобщения последнего к эзотерическому учению.

Любопытно, что эту притчу обыгрывают в своих пропагандистских материалах и кришнаиты. Они броско подают фотографию Бхактиведанты, стоящего в окружении своих молодых приверженцев и испытующе смотрящего на престарелого американца с розой в руке — отставного американского профессора Стильтона Юду, которому кришнаитский лидер только что вручил символ приобщения к религиозной истине. Профессор стал первым представителем академической науки, опубликовавшим в сборнике работ американских социологов статью, благожелательную к

кришнаитам. И вот теперь сектанты разыгрывают сценку, символизирующую его приобщение к мистическому учению.

Впрочем, для кришнаитской секты характерна вовсе не молчаливая буддийская медитация, а прямо противоположное средство достижения религиозного транса — громогласное распевание мантр во время шумной и продолжительной санкиртаны. Тем не менее и у кришнаитов практикуется амбивалентный — внутренне противоречивый способ приобщения к религиозномистическим настроениям. С одной стороны, это краткая мистическая формула, выраженная в великой священной мантре «Харе Кришна», с другой — пространные проповеди Бхактиведанты и других сектантских наставников, чтение составленных ими комментариев к средневековым религиозно-философским текстам и обширных сборников мифов о чудесах и подвигах Кришны.

О проявлении амбивалентности религиозного радикализма свидетельствует также специфическое для некоторых его разновидностей отношение к авторитету: он вроде бы отрицается и взамен провозглашается антиавторитарная установка, но одновременно настойчиво подчеркивается незыблемый авторитет духовного наставника (индуистского гуру, мастера дзэна, мусульманского пира и т. д.).

В этом отношении характерен призыв наиболее известного патриарха дзэн-буддизма Х. Нёнга: «Если ты встретишь Будду — убей его! Если ты найдешь его изваяние — разбей его! Если ты обнаружишь сутры (священные буддийские книги. — *Е. Я*) — сожги!» И в то же время вопреки такому антиавторитарному пафосу Будда считается основателем секты дзэн-буддизма, а мастер дзэна — единственно компетентным лицом, способным направлять и контролировать путь совершенствования молодого монаха.

Часто мистиков представляют обязательно строгими аскетами и при этом забывают о многозначности проявлений религиозного радикализма. Посмотрим, как обстоит у них дело с ритуальной чистотой пищи. Действительно, из аскетических соображений они часто придерживаются определенных ритуальных запретов на употребление отдельных продуктов питания и особых правил приготовления и приема пищи. Однако известны и прямо противоположные ритуалы: поедание отбросов, мертвечины и даже обряды каннибализма. Кстати сказать, эти реликты первобытной магии используются в одном из самых крайних проявлений современной нетрадиционной религиозности — в так называемой дьяволомании, или сатанизме.

Было бы неправильно упрощенно объяснять антисоциальные проявления религиозного радикализма — прямо и непосредственно сводить их к антиобщественным мотивам и преступным намерениям. Хотя в современных условиях нередко изуверства, совершаемые под прикрытием ореола магии и мистицизма, носят характер тяжких уголовных преступлений патологической окраски. Такова была деятельность в США банды Мейсона, которая садистски истязала своих жертв под предлогом ритуальных

человеческих жертвоприношений. По сообщениям западной печати, и ныне встречаются факты сатанинских оргий с чудовищными ритуалами, вплоть до каннибализма. И, конечно же, никто не собирается оправдывать их какими-либо религиозными мотивами, но эти мотивы нельзя отбрасывать.

Негативные элементы религиозного радикализма номинально связаны с социальным нонконформизмом его носителей. Так было у битников, хиппи — классических представителей современной контркультуры. Характерно замечание социолога, исследовавшего молодежное движение протеста в США 1950- 1960-х годов. По его словам, официальную идеологию и буржуазную добропорядочность «битники били своим дзэн-буддизмом по голове». Благодаря этому «битнический дзэн» стал классическим проявлением социального протеста (в его леворадикальной разновидности), окрашенного в религиозно-мистические тона древнего восточного сектантства. Причем богоискательские настроения американской «бунтующей» молодежи радикально отличались не только от официального христианства Запада, но и от монастырского дзэн-буддизма средневековой Японии. «Битнический дзэн» был подлинной альтернативной религией для леворадикальной молодежи Америки.

Закономерный характер подобных явлений подтверждается существованием их в различные культурно-исторические эпохи у разных народов мира. Так, например, в переломный момент истории Китая, на стыке древности и Средневековья, в III веке, нонконформизм даосов противопоставил себя официальному конфуцианству. Этот социальный протест в оболочке религиозного радикализма нашел свое выражение в настроениях знаменитого кружка «семи мудрецов из бамбуковой рощи» во главе с выдающимся поэтом и мыслителем Жуань Цзы. Молодые приверженцы идеи освобождения от «мира пыли и грязи» были представителями китайской контркультуры того времени. Они резко свернули с торной дороги конфуцианского ритуализма, открыто бросили вызов авторитаризму и показной добропорядочности феодальных кругов. В результате, как пишет советский исследователь В. В. Малявин, «была создана легенда о „ничем не стеснявших себя, веселившихся от души“<sup>44</sup> мудрецах, в образе которых, казалось, воплотилась давняя мечта даосов о вольном содружестве свободных людей, „непригодных“<sup>44</sup> для бездушного мира людских забот, но наделенных тайной мудростью... Теснее всяких „принципов“<sup>44</sup> сплотила мудрецов все та же чаша вина, ставшая теперь символом приобщения к самозабвенному „созерцанию множества чудес“<sup>44</sup>, о котором говорили даосы»<sup>2</sup>.

Как видим, эти давние настроения альтернативной религиозности и установки современных богоискателей во многом схожи — в частности, противопоставлением рационалистическому религиозному морализаторству своей социальнокультурной раскрепощенности и упования на неотложное «спасение» в мистически окрашенном экстазе.

Тем не менее религиозный радикализм чрезвычайно разнообразен в своих проявлениях, особенно в среде нынешних его приверженцев, благодаря множеству форм и способов «обновления» господствующей религиозной традиции.

Здесь мы подходим к достаточно сложному, емкому по содержанию вопросу: как же образуется религиозная оболочка, в которую облечен социальный нонконформизм, а то и подлинный политический протест? Каковы морфологические особенности религиозного радикализма? В поисках ответа нам придется проследить основные направления богоискательских поветрий.

#### **Глава 4**

##### **«Роза ветров» религиозных исканий**

Есть старое выражение: «Жить на семи ветрах». Если не понимать его дословно, в бытовом значении, а вкладывать в него более емкий смысл, имея в виду социально-психологический дискомфорт человеческого существования, оно как нельзя более кстати подходит для характеристики положения, в котором пребывают современные богоискатели. «На семи ветрах» оказались те, кто утратил или еще не нашел смысла и цели в своей жизни и поэтому подвергает себя ее испытаниям, на кого обрушились все тяготы, связанные с отсутствием определенных и устойчивых жизненных ориентаций, осознанной направленности своих устремлений. Человека, попавшего в богоискательскую среду, искушают и манят к себе неисчислимы религиозномистические поветрия — их не семь, а многие десятки, сотни.

Поднявшийся в западных странах вихрь богоискательства сразу заставил социологов и религиоведов попытаться определить основные направления его порывов, их силу и устойчивость. Выяснилось, что религиозные искания весьма различны по своей ориентации и в совокупности образуют нечто, напоминающее розу ветров.

Розой ветров издавна пользовались навигаторы парусного флота для прокладывания безопасных и наиболее удобных маршрутов. Не следует ли и нам для правильной ориентации в лабиринтах проблемы обзавестись чем-то подобным — точной раскладкой богоискательских течений по научно выверенным координатам?

Речь идет о систематизации религиозных новаций, где бы учитывались их происхождение, степень распространенности, уровень организованности и другие особенности.

Из западных социологов, насколько нам известно, лишь американец Теодор Роззак предпринял серьезную попытку классификации почти 150 перечисленных им направлений современных религиозных исканий. Отечественные исследователи выделяют несколько основных разновидностей современного богоискательства, представленного более или менее многочисленными группами различных религиозных движений,

культов и сект. В основу классификации положены два признака: форма религиозного обновления и воплощенный в ней социальный смысл. Рассмотрим поочередно основные классификационные формы религиозного радикализма. Начнем с неохристианства.

Наиболее известный путь отхода от ортодоксального христианства, ведущий к противоборству с его официальными представителями — господствующими церквами, путь, проложенный уже при становлении христианской религиозной традиции, заключается в провозглашении определенной, как ее называют правоверные церковники, «ереси», которая почти не отличается своим вероучением и обрядностью от исходной религиозной традиции, но образует новое, самостоятельное религиозное направление и основывает собственную организацию. Такой компромиссный вариант освобождения от пут христианской ортодоксии и называют неохристианством, а сохраняющуюся при этом связь (хотя бы номинально) с исходной религиозной традицией — неотрадиционализмом.

При ближайшем рассмотрении современное неохристианство оказывается весьма разнообразным, поскольку при обновлении ортодоксальной традиции на передний план выдвигаются различные мифологические сюжеты. Наибольшее распространение получило то его направление, которое акцентирует внимание на учении о грядущем конце света и культе Христа- спасителя. Это течение, получившее название «христомания», или «мессианское неохристианство», представлено Движением Иисуса, сектой «Дети бога» и «Церковью унификации» Муна.

Наиболее отчетливо мессианизм — упование на пришествие божественного спасителя — выражен в Движении Иисуса. В нем возродился известный на протяжении длительной

истории христианства антиконформистский тип милленаристского, то есть ориентированного на установление царства божьего на земле, движения. Милленаризм — характерное проявление альтернативной религиозности, открыто провозглашающей мистически окрашенные социально-политические утопии. Неслучайно эта религиозная разновидность молодежной контркультуры как наиболее популярная форма религиозного протеста была названа «революцией Иисуса». В оценке ортодоксального богословия Движение Иисуса ничем не отличалось от ординарной ереси во всех отношениях.

Учение о троичности Бога было сведено к более простой и наглядной формуле: Иисус силой святого духа активно вмешивается в современную историю, незримо присутствует в среде молодых антиконформистов и ведет их по пути глобальной перестройки существующих общественных условий, к социальному освобождению, то есть к грядущему спасению в царстве божьем. В оправдание своего радикального разрыва с официальной церковной апологетикой существующего общественного строя последователи движения заявляют, что они возрождают евангельское христианство, имевшее, как отмечал Энгельс в своих работах о первоначальной истории этой религии, революционно-демократическую

окраску.

Движение Иисуса отказалось от канонической обрядности, его проповедники выступали прямо на улицах, за что их стали называть «стрит-христианами» (от англ. *street* — улица). У них была упразднена и церковная иерархия: активисты-проповедники внешне не отличались от прочих неохристиан, больше напоминали хиппи своей неряшливой одеждой, обычно ходили с гитарой в руках, наигрывая мелодии на слова молитвенных декламаций. Центром их деятельности стали «дома Христа», «катакомбы», что более напоминало коммуны радикально настроенной молодежи, чем костелы или молитвенные дома официальных религиозных организаций.

Первоначально аморфные религиозные движения эволюционируют, как правило, в сторону организационного сплочения и обретения институционального статуса. Так и в неохристианстве неорганизованное Движение Иисуса уступило место двум крупным, международного масштаба, объединениям, подчиненным почти неограниченной власти своих сектантских лидеров. Секту «Дети бога» возглавил бывший американский пастор Дэвид Берг, назвавшийся библейским пророком Моисеем, а трехмиллионную «Церковь унификации» — кореец Мун.

Оба религиозных реформатора уже ушли из жизни, но созданные ими организации продолжают свою активность, в том числе и на территории России, подчас сменив первоначальные названия на иные. Не остались втуне и провозглашавшиеся ими в свое время декларации, увещевания и вероучительские построения.

«Моисей» резко отрицательно отзывался об официальных религиозных организациях. И не только из-за того, что его карьера протестантского пастора не состоялась, а в основном потому, что он «нашел себя» в качестве выразителя настроений контркультуры. В одном из своих пасторских посланий Берг провозгласил необходимость создания «подпольной церкви бородатых и нагих хиппи» как альтернативы церковному истеблишменту. Эти пожелания, или, как их именуют, «письма Мо» (то есть «Моисея»), ставятся на один уровень с апостольскими посланиями Библии. Фактически же они являются идеологическим и директивным средством управления множеством сектантских коммун «Детей бога», разбросанных по всему миру.

Альтернативная позиция секты, испытавшей влияние нигилистических настроений контркультуры, приобрела черты морального негативизма. В посланиях «Моисея» пропагандировались сексуальная фривольность и даже порнография. Наставляя молодых сектанток в вопросах материального обеспечения своей религиозной организации, «библейский пророк» откровенно советовал им обратиться к проституции. Сам же он скрывался от глаз общественности, его местожительство не было доподлинно известно.

Несмотря на свое явное пренебрежение ко многим общечеловеческим ценностям и элементарной нравственности, нежелание считаться с законом и связанное с этим вынужденное нелегальное положение сектантских коммун, «Дети бога» вели повсеместно активное миссионерство, призывали каждого

незамедлительно встать под защиту Христа и тем гарантировать себе загробную райскую жизнь.

Еще более настойчиво провозглашается мессианистский характер «Церкви унификации» ее создателем Муном. Этот бывший электрик, фанатично уверовавший в свое неземное предназначение, именовался и божественным посланцем, и самим Богом. Точности здесь Мун не придерживался и объявлял себя то Иоанном Крестителем, то новым Иисусом Христом, а то и самим «отцом мироздания». Причем делал Мун подобные заявления не только перед падкими на мистификации сектантами, но и перед вполне здравомыслящей публикой. Так, на перекрестном допросе в федеральном суде США, где слушалось дело о его правонарушениях, он сказал, что имеет «возможность стать реальным мессией».

Созданный Муном своеобразный вариант неохристианства содержит много элементов восточного мистицизма, реликтов первобытной магии. Это не останавливает Муна в стремлении представить себя выразителем главных идей и целей христианства. Он заявляет, что добивается объединения и унификации всех разновидностей христианства, о чем говорит и официальное название созданной им организации — Ассоциация Святого Духа по объединению всемирного христианства.

Начало миссионерской деятельности Муна подтверждает, что его настроения были очень далеки от традиционного церковного христианства. Основатель «Церкви унификации» с ранних лет увлекался спиритизмом и мистицизмом и, еще будучи гимназистом, якобы получил «указание свыше» о своем божественном предназначении. Богоискательская активность Муна первоначально была направлена против официальной христианской церкви и светских властей, поскольку он принадлежал к числу многочисленных «пророков», практиковавших магию и оккультизм. Мун сплотил вокруг себя крохотную группу богоискателей, в основном женщин, для которых он был не только «пророком», но, видимо, и исполнителем древних оккультных церемоний, связанных с обожествлением секса, воплощающего в себе сакральную энергию плодородия и исцеления. Оккультисты встречались тайно, в горах, но все же были раскрыты, а Мун осужден.

Изданная много лет спустя официальная биография «мессии» интерпретирует тот период его деятельности в духе евангельских рассказов о годах трудностей и скитаний Иисуса Христа. Но это уже обычная апологетика канонизированного религиозного лидера.

Неохристианство Муна, скончавшегося в 2012 г., и поныне отдает дань оккультизму и восточной религиозно-мистической философии. В его учении чувствуется сильное влияние даосизма и спиритизма, немалое значение придается ясновидению, чудесному исцелению. На этой основе с Муном солидаризировалась в свое время известная в США прорицательница Джейн Диксон, в восхищении от него был и популярный американский спирит Артур Форд. Южнокорейский «мессия» называл себя «экспертом спиритуалистического мира» и постоянно рассказывал о получаемых им «откровениях свыше». Так, в показаниях перед апелляционным судом США

в 1982 году Мун заявил, что часто беседует с Иисусом, Моисеем, Буддой.

Возвеличивая свой религиозный культ, он дискредитировал традиционные христианские церкви. При этом обходил вниманием реальные причины их кризисного состояния в современных условиях, объясняя все результатом действия божественного промысла, изменением позиции творца, который-де «лишил существующие церкви своего прямого руководства».

Учение «Церкви унификации» изложено в объемистом сочинении Муна «Божественный принцип», явившемся, как утверждают сектанты, результатом откровения свыше. Подобные произведения характерны для новых сект и культов, которые столь значительно отступают от традиционного вероучения, что нуждаются в собственных «священных писаниях». Приверженцы Муна заявляют, что его труд по своему значению превосходит Библию, поскольку раскрывает новейшие планы Творца.

Мун мало церемонился с христианской богословской традицией, пытаясь превратить ее в средство обоснования своего личного культа. Он дискредитировал образ библейского Христа, отвергал постулат об искуплении им человеческих грехов через свою гибель на кресте и называл Иисуса неудачником в осуществлении божественного предначертания. Главным событием в мировой истории был объявлен день рождения Муна, а кульминацией современного исторического периода — «свадьба агнцев», то есть последний брак «мессии», который следует рассматривать как важнейшее средство обновления человечества и установления Царства божьего на земле. В 1977 году в день рождения Муна и его жены было объявлено «открытие Царства Небесного» для приверженцев «Церкви унификации».

Все эти претензии на обновление христианства не нашли поддержки у профессиональных теологов и религиоведов, которые сомневаются в возможности отнести учение «Церкви унификации» к христианству. Некоторые теологи из ФРГ видят в нем лишь третьесортный культ, навязываемый молодежи по политическим мотивам. Квалифицируя Муна как «менеджера в религиозных делах», они пишут: «Если и нельзя отрицать, что речь идет о религии, то она стоит на очень зыбкой почве: нет ни особой оригинальности, ни убедительной манеры в изложении основной идеи. Мун просто отбирал самое броское и самое простое в различных религиозных традициях, чтобы еще раз, но в упрощенной форме возвести это в принцип».

Рассмотренная разновидность мессианского неохристианства далеко не единственная. Известно также иное «обновление» христианской традиции, когда на передний план выдвигается другой библейский сюжет, связанный с сатаной и абсолютизацией его всемогущества. Поклонение антиподу Бога становится частью молодежной контркультуры, формой снобизма и протеста против господствующего социального строя, его идеологии и культуры.

Сегодня на Западе сложилось настоящее сатанинское движение. Около половины студентов крупнейших австралийских городов принимают участие в черных мессах. В США более 3 миллионов человек увлечены культом

дьявола. По сообщениям печати, около 10 миллионов американцев хотя бы раз в жизни участвовали в мистических церемониях, колдовстве, черных мессах и даже «оргиях кровопийц». Почти все «сатанинские организации» состоят из молодежи, некоторые из них являются международными. Только в штате Калифорния получили известность такие секты, как «Рабы сатаны», «Жокеи ада», «Дух дьявола», «Огонь сатаны». Эти секты практикуют варварские, зачастую даже каббалистические обряды и ритуальные убийства.

Зарубежные социологи выделяют около десяти разновидностей дьяволопоклонников. На сегодняшний день главным сатанинским культом считается международная организация «Церковь сатаны», созданная А. Ш. Да Веем. Ее штаб-квартира находится в Сан-Франциско, откуда расходятся ежемесячные послания членам церкви. Глава секты свободно выступает в местных газетах по проблемам сатанизма, открыто появляется на радио и телевидении.

Изложенное в «Сатанинской библии» вероучение церкви представляет собой вывернутое наизнанку христианство, призывает к крайнему индивидуализму и эгоизму, отрицает всякое духовное начало в человеке и его ответственность перед обществом, открыто воспекает низменные страсти и животные наклонности.

Сатанисты Ла Вея предпочитают выступать в звероподобных масках либо по примеру своего главаря увешивают себя регалиями времен «третьего рейха». Молодым головорезам, по-видимому, до умопомрачения нравится нагонять страх на прохожих. Это льстит их самолюбию, поднимает в собственных глазах на некий «сверхчеловеческий» уровень.

Сатанизм, как и любое другое направление современного религиозного радикализма, имеет два измерения. С одной стороны, для него характерно обновление религиозной формы за счет выдвигания на передний план скрытого сюжета, подчас даже запретного в официальном церковном учении, который переосмысливается и рассматривается как основополагающий и решающий фактор в мифологизированной истории мира и человечества. С другой — сатанизм обладает своим собственным социальным смыслом подчеркнуто негативистского характера. В своей религиозной форме эта обновленческая традиция выражает радикальный разрыв с идеалами добра и справедливости, гуманности и милосердия.

За этим стоит не просто неверие в прекраснодушные иллюзии официальной церкви, а трагическое крушение самой веры в нравственные ценности и социальные идеалы. В мироощущении сатанистов зло не только персонифицируется в верховном сверхъестественном существе, но и приобретает вселенский характер. Оно онтологизируется, то есть объявляется фактом бытия, и с помощью мифологических построений провозглашается единственно истинной основой мира.

Поэтому культ насилия и жестокости, составляющий жизненное кредо сатанистов, реализуется ими в изощренной, патологически садистской обрядности — упоминавшихся уже оргиях кровопийц и даже фактическом каннибализме. «Вера в дьявола» становится своего рода вызовом обществу,

протестом против той «добродетели», которая мешает равнодушно взирать на трагедию миллионов людей. Благодаря превратности религиозно-мистического сознания сатанисты рассматривают свой преступно-жестокий культ как залог собственного преуспевания в жизни.

В богоискательских представлениях сатана не всегда является носителем зла и несправедливости. Он может трактоваться в прямо противоположном ключе, как защитник человека, к которому Бог недостаточно милостив и справедлив. В подобных воззрениях используются уже иные философско-мистические идеи, которые имеют очень древнее происхождение. Они сыграли значительную роль в возникновении христианства и сохранились в нем в виде подспудных тенденций. Использование сюжетов, в которых представлена своеобразная фигура «доброго и человеколюбивого» сатаны, помогающего индивиду противостоять суровой божественной власти, характерно для третьей, сравнительно маловлиятельной разновидности современного неохристианства.

Неохристианство — преобразование традиции в рамках самой традиции, другой путь отхода от нее заключается в заимствовании «чужеземной» религии. Это направление религиозного радикализма получило название нетрадиционных религий, представленных в основном неоориентализмом — восточными религиозными культами и сектами в западном мире (кришнаизмом, трансцендентальной медитацией, культом Мехер Баба, Бхагвана Раджниша и т.д.).

Известны, правда, единичные случаи, когда в странах Востока возникали нетрадиционные религии западного происхождения. Так, в середине XIX века в Китае появилось своеобразное христианство в качестве религиозной идеологии антифеодального крестьянского движения тайнинов. Эта религия — как бы «неоориентализм наоборот», поскольку экспортировалась в противоположном направлении в сравнении с современными восточными культами, получившими распространение на Западе, и к тому же противопоставлялась религиям Востока, занимающим главенствующее, официальное положение в Китае (конфуцианству, даосизму, буддизму).

Однако «чужеземное» происхождение нетрадиционных религий вовсе еще не объясняет причин их появления. Неоориентализм распространился в западных странах не по причине его «заморского» происхождения, не в силу внешнего своеобразия восточных религий (их причудливой мифологии и ритуальной обрядности, экзотического колорита и т.д.). Причина была более существенной и заключалась в ряде специфических особенностей религий Востока, которые оказались близки религиозным потребностям и установкам западных богоискателей. Конечно, далеко не все из этих религий оказались притягательны для ищущего религиозного обновления Запада. Наиболее развитые, представлявшие господствующие традиции официальные институты и, следовательно, прочно вписавшиеся в издавна сложившиеся

социальные системы не были использованы западными богоискателями для идеологического выражения свойственного им социального нонконформизма. Они не могли служить орудием религиозного протеста: ни конфуцианство и брахманизм, освящавшие сословное разделение общества в средневековых Китае и Индии, ни монументальная религиозная философия буддизма и средневековые мировоззренческие системы ведантизма, обосновывавшие социальную пассивность и неполноправие человека.

Тем не менее восточная религиозность, прежде всего в мистических и сектантских формах, была широко заимствована на Западе благодаря следующим ее особенностям. Во-первых, из-за присущих ей средневековых религиозных институтов (например, индийских ашрамов, сочетающих в себе религиозную школу, сектантскую коммуну и монашеское общежитие), специфики взаимоотношений религиозного наставника и ученика, наличия сугубо авторитарных инстанций религиозной власти, а кроме того, распространения неинституциональных форм религиозности. Во-вторых, по причине особой насыщенности некоторых восточных религиозных традиций мифологией (примером могут служить индуизм и буддизм). В-третьих, благодаря привлекательности религиозно-мистических традиций, свойственных восточным сектам и культам (дзэн-буддизму, тантризму, суфизму). В-четвертых, в силу доминирования в этих религиозно-мистических традициях магической, колдовской обрядности, разработанных приемов погружения верующего в религиозный экстаз, методов интенсивного воздействия на психосоматическую систему человеческого организма, сектантской ритуализации межличностного общения, монашеского уклада повседневной жизни.

Деятельная активность особенно отличает неоориентализм от господствующей христианской традиции. Этим восточные религиозные новации привлекают к себе не только богоискателей, но и приверженцев традиционных церквей, изыскивающих пути и средства их укрепления. Свидетельство тому — признательность индусу Свами Шивананде за пропаганду на Западе психологии и мистицизма древней йоги, высказанная американистом-христианином. По его мнению, это открывает широкий путь к сближению представителей всех религий, даже самых ортодоксальных. Видимо, из подобных соображений в ФРГ в одном из католических монастырей проводятся «недели практики дзэн-буддизма» под руководством традиционного японского наставника.

Религиозно-философский мистицизм Востока заимствуется для обновления и дополнения, а подчас и для замены господствующих в капиталистическом обществе мировоззренческих ориентаций и социально-политических установок, традиционных библейских вероучений и культа. При этом историческое и национальное своеобразие религий Востока используется для выражения идеологической оппозиции «западному обществу» (по существу иллюзорной, так как она служит в итоге реформистским и даже апологетическим целям).

Другой важной разновидностью нетрадиционных религий является

неошаманизм, или неоязычество, разделяющее в основном отмеченные выше особенности восточных религиозных культов и сект, благодаря которым те увлекли западных богоискателей.

Читающей публике наиболее известен неошаманизм, связанный с именем американского писателя, по профессии антрополога, Карлоса Кастанеды — автора серии книг о престарелом маге Дон-Жуане. Насколько достоверно это остросюжетное повествование о мексиканском индейце — хранителе искусства древней магии, неизвестно, тем не менее на Западе оно стало популярной версией мистического мироощущения, проникнутого суеверными представлениями и колдовством первобытности. К той же разновидности религиозного мистицизма относятся суеверия, связанные с астрологией, алхимией, пророчеством и многообразной практикой магии и колдовства.

Помимо неохристианства и форм нетрадиционной религиозности (неоориентализма и неошаманизма) в западном мире широкое распространение получило — главным образом в странах Азии, Африки и Латинской Америки — еще одно, особое направление религиозного радикализма. Это так называемый новый синкретизм, представленный культурами, сектами и даже новыми церковными организациями. Всем им свойственно чрезвычайно эклектичное, на первый взгляд, объединение религиозных представлений и обрядности, принадлежащих к различным религиозным традициям — продукту совершенно несходных между собой культурно-исторических и социальных условий.

Исходной традицией было христианство, привнесенное миссионерами в те или иные колониальные страны и укоренившееся на новой социальной почве благодаря синкретическому соединению с местными родоплеменными языческими религиями. Однако эти две религиозные традиции настолько мало подходили друг к другу, что потребовался третий религиозный элемент для того, чтобы дополнить их и связать одну с другой. Ведь христианство и язычество помещают своих богов в разные и далекие друг от друга области: первое — в «царство небесное», второе — в земную реальность, наполненную одухотворенными силами природы. Их связь и взаимодействие осуществляются в системе спиритических представлений. Благодаря этому спиритизм стал важной составной частью нового синкретизма как в области вероучения, так и в культовой практике.

Наиболее многочисленны африканские синкретические культы, причем культ пророка Симона Кимбангу стал даже государственной религией и официальной церковью в Заире. Есть аналогичные по структуре религиозные объединения и во Вьетнаме — као-даи, со статусом церкви, возглавляемой верховным жрецом-папой, и секта хоа-хао. В Бразилии синкретическая религиозная организация умбанда занимает положение официальной церковной организации и весьма многочисленна. Довольно влиятельно синкретическое христианство на Кубе.

Бросается в глаза сходство социальных условий распространения нового

религиозного синкретизма. На всех трех континентах это религиозное направление возникло на почве антиколониальных настроений и дало им активную форму выражения и «божественную» санкцию. Вместе с тем в рамках новой религиозной традиции формировалась идеология национального самосознания.

Местные родоплеменные божества, которым католическая церковь угрожала дискриминацией и даже прямым уничтожением от рук миссионеров, вновь обретали свой высший сакральный, священный статус благодаря их приобщению в рамках нового синкретизма к христианской религиозной традиции. Иначе говоря, к могучему стволу мирового христианства прививалась слабая, чахнувшая в условиях колониальной экспансии веточка старой племенной религии. При этом католические святые, защитники колонизаторов, становились также законными покровителями униженных туземцев и тем компенсировали в их религиозном сознании выпавшее на их долю социально-политическое угнетение, поддерживали иллюзию равенства угнетенных и угнетателей перед Богом.

Как это ни удивительно, но стремления к новому синкретизму, хотя и более слабые, обнаруживаются также в Европе. Данный феномен весьма самобытен в силу особенностей проявления на европейской почве национальных проблем и иной, чем в колониальном мире, религиозной ситуации. В Европе исходной традицией для отдельных попыток формирования нового синкретизма послужило не христианство, а экспортируемый сюда восточный мистицизм Индии и Тибета. В целях укоренения его на национальной почве поборники этих специфических религиозных новаций предпринимали настоящие изыскания древних религиозных корней кельтского и скандинавско-норманнского прошлого, к которым можно было бы привить иноземный экзотический культ.

Такова в общем виде «роза ветров» религиозных исканий в современном мире. Но здесь не названа еще одна, особая форма религиозного радикализма. О ней — отдельный разговор.

## ***Глава 5***

### **Квазирелигиозность в современном мире**

Последние столетия многовекового периода человеческой истории наполнены противоборством науки и религии. Перипетии этой борьбы знаменательны: наука то смело бросала открытый вызов религии, то вынуждена были идти с ней на компромисс, чтобы под прикрытием официальных богословских доктрин и под покровительством всемогущей церкви развивать, по существу, враждебные религиозному мировоззрению представления. Не менее изменчивой была и позиция богословов в отношении науки, хотя в сущности всегда оставалась принципиально враждебной научно-материалистическому мировоззрению и естественно-научной картине мира. Вначале возросший авторитет науки заставил серьезно считаться с ней, что привело к богословской концепции

«двойственной истины»), провозгласившей автономность и несопоставимость религиозных и научных идей. Понимая, что подобные «паритетные начала» во взаимоотношениях науки и религии ослабляют и подрывают авторитет последней, теологи стали провозглашать превосходство божественного откровения над научным знанием, которое-де является продуктом «ограниченных усилий» земных людей. И наконец, они попытались поставить науку на службу религии, то есть использовать отдельные научные факты и положения, смелые научные гипотезы, которые кажутся порой невероятными с позиций привычных нам представлений, для «подкрепления» религиозных мифов и догматов.

Эта многообещающая для современных религиозных апологетов тенденция и явилась идейной почвой, на которой стали все шире произрастать необычные религиозные феномены, так называемые квазирелигии. Они резко отличаются от традиционных религий и нередко прямо им противопоставляются, поэтому образуют особую разновидность современного религиозного радикализма. Кроме того, квазирелигиозные концепции входят в состав вероучений и культовой практики других разновидностей новых религий — неохристианства и неоориентализма.

По своему морфологическому строению квазирелигии синкретичны, но это специфический синкретизм, принципиально отличающийся от рассмотренного выше. Как мы видели, для нового синкретизма характерно объединение нескольких религиозных традиций, различающихся своими культурно-историческими особенностями. В квазирелигиозном феномене соединены подлинные противоположности: религиозно-мистические сюжеты и ориентации с некоторыми научными представлениями. И все это выражено в форме наукообразных построений или псевдонаучной фантастики.

Так создается видимость принципиального устранения проблемы несовместимости науки и религии. Антиинтеллектуальный и интуитивистский характер религиозного сознания, иррационализм и мистика, составляющие существо религии, а в целом — вся антинаучная направленность религиозного мировосприятия объявляются, благодаря ссылкам на квазирелигиозные конструкции, досадным заблуждением. С пафосом провозглашается, что достигнут наконец подлинный синтез религии и науки, в результате богословско-догматические представления обретают научную точность и строгость, а идеи науки получают новый, неизмеримо более широкий — трансцендентальный, потусторонний — масштаб и увязываются с высшим, сакральным смыслом вселенского бытия. Таковы, во всяком случае, богоискательские мотивы оправдания и популяризации современных квазирелигиозных концепций.

Неприятие этой разновидности религиозного радикализма в целом не мешает идеологам церкви использовать его как новое средство в решении давней богословской задачи — дискредитации науки как якобы принципиально ограниченного и менее совершенного знания в сравнении с истинами божественного откровения. Как доказательство того, что система

религиозных идей и ценностей якобы демонстрирует свое превосходство над научными представлениями и служит им высшим ориентиром.

Квазирелигии не устранили, да и не могли устранить противоположности научных и религиозных мировоззренческих ориентаций. Это лишь новая оболочка, облекшись в которую религиозное сознание пытается подчинить себе науку и использовать в своих целях ее строительный материал.

В современных условиях квазирелигиозность проявляется в двух формах: концептуально-мифологических доктрин и врачевательной практики, носящей ритуально-мистический характер. В первом случае квазирелигиозность представлена псевдонаучной мифологией (неомифологией), мистифицированными идеями и гипотезами современной науки, а также развернутыми концепциями особого течения — религиозно-мистического эволюционизма. Во втором — «врачевательными культами», в которых архаика магических ритуалов первобытного шаманизма и ряда древневосточных сект получила благодаря современным богоискателям чуть ли не научное объяснение и считается радикальным средством чудодейственного влияния на физиологию, психику и интеллект индивида. Остановимся подробнее на этих своеобразных явлениях, которые по своему строению аналогичны мифическим существам — химерам, сочетающим в себе части тел различных животных, птиц и рыб, подчас даже вымышленных.

Наиболее распространенный элемент квазирелигиозных представлений — неомифология, которой придается форма наукообразных предположений, гипотез, идей. Эти своеобразные новые мифы конструируются путем привнесения в традиционную религиозную мифологию о сотворении мира, жизни на Земле, человека некоторых элементов научных теорий и гипотез, рационалистических способов анализа фактов, методов доказательства и обобщения.

Довольно часто квазирелигиозные мифы сочиняют в жанре псевдонаучной фантастики, благодаря чему они легко вписываются в ткань современной массовой культуры с ее расхожими иллюзиями, в которых смесь светского и религиозного мифотворчества не претендует на критический анализ и глубокое осмысление.

Любопытные примеры подобных мифов можно обнаружить у американского писателя-фантаста Артура Кларка, которого отличает тщательная проработка технических деталей в его научно-фантастических произведениях. Обладая серьезной научной квалификацией, Кларк имеет возможность не только компетентно излагать в рамках фантастических повествований современные космологические воззрения, но даже просчитывать на персональном компьютере вероятные сроки и траектории описываемых им звездных путешествий. И вместе с тем основными моментами сюжетной канвы ряда его произведений являются квазирелигиозные мифы. В частности, в «Одиссее 2001 года» они искусно вплетены в повествование о зарождении человеческой цивилизации, о ее

выходе в космос и последовавшем затем далеком путешествии.

Миф о сотворении «человека разумного» у Кларка не имеет ничего общего по содержанию с библейским сюжетом о Боге, слепившем тело Адама из праха и вдохнувшем в него душу. Однако смысловая конструкция, парадигма нового мифа аналогична библейскому творению: человек возникает не сам по себе в результате объективного процесса развития, а благодаря вмешательству со стороны таинственного творца — всемогущей сверхцивилизации, которая с помощью высокоэффективной технологии продуцирует в животноподобном существе способности к духовному развитию.

Другой миф «Одиссеи 2001 года» — рассказ о гибели и воскрешении астронавта: тело его сгорает от звездного жара, но благодаря усилиям своего неведомого всемогущего защитника он тут же возрождается в новой, энергетической оболочке. «Одиссея» завершается третьим мифом подлинно мессианского звучания: на Землю возвращается после долгих космических скитаний уже не прежний астронавт, а приобщившееся к божественному сообществу всемогущее существо. Подлетая к нашей планете, оно нейтрализует все ядерные заряды на Земле и тем самым приносит людям мир, чудодейственное спасение от жизненных тягот.

Говорить о правдоподобности этих мифов, об обоснованности их претензий па статус научных гипотез или предвидений не приходится, потому что мы не знаем никаких к тому объективных, фактических оснований, да и сам автор ничего не сообщает о них. Следовательно, речь идет лишь о чисто фантастических, нереальных предположениях. А они составляют содержание квазирелигиозных мифов, но никак не научных гипотез.

Критерий научности, позволяющий отличать правдоподобные предположения от произвольных, фантастических, был найден давно и получил название «бритвы Оккама». Согласно этому категоричному правилу, из научных суждений необходимо решительно удалять все, что не может быть фактически обоснованным. Иначе любое абсурдное предположение может претендовать на истинность наряду с научными предположениями и гипотезами.

Встречалось ведь в древности утверждение, что звезды — это сверкающие шляпки гвоздей, которыми подбита ткань небосвода! Кстати сказать, данное объяснение, по представлениям того времени, вполне «техническое», что делает его схожим с современными квазирелигиозными мифами, которые порой переполнены техническими деталями, привнесенными в них научными идеями и, конечно же, самой современной терминологией.

Хотя пафосный смысл любого мифа заключается в аксиоматическом утверждении: «так было на самом деле!», миф, в сущности представляет собой онтологизированное безапелляционное утверждение, обладающее сакральной модальностью — высшей ценностью и значением. Миф

позиционирует себя в качестве подлинной действительности, однако на деле он являет собой фикцию, абсолютно неправдоподобное представление, которое выражается в более или менее реалистической форме и которому приписывается несомненная достоверность, фактическая реальность. Древние греки не сомневались в реальности Зевса и других обитателей Олимпа, так же как христианские ортодоксы — в непорочном зачатии Богородицы, воскрешении Христа и вознесении его на небо.

В традиционных религиях реальность мифа обосновывалась авторитетом божественного откровения, священных книг, религиозного предания. Их фактические авторы не скупались в подтверждение достоверности своих сообщений описывать всевозможные «правдивые детали» и перечислять «живых свидетелей» мифического действия.

Квазирелигиозные мифы уже не ссылаются на авторитет божественного откровения и священных писаний, ибо обычно выдвигаются в противовес традиционным религиозным представлениям как описание того, что якобы есть или будет «на самом деле». При этом предпринимается попытка освятить новые мифы авторитетом науки. Поэтому-то им и придается наукообразная форма. Используется не религиозная и мифологическая, а научно-техническая терминология, и превалирует наглядное описание конкретики фантастического явления, а не чувств и переживаний погружившихся в экстаз мистиков.

Квазирелигиозные мифы привлекают внимание официальных церковных кругов, которые обращаются к ним для подкрепления традиционных религиозных догматов, несмотря на все различия между теми и другими. Церковные идеологи апеллируют, по существу, к авторитету науки, когда, ссылаясь на новые, проникнутые настроениями научного поиска и предвидения квазирелигиозные мифы, они пытаются защитить незыблемость догматов религиозной веры.

Сегодня квазирелигиозные мифы можно услышать даже из уст церковных и сектантских проповедников, найти в трактатах, вышедших из-под пера теологов или ученых, занявшихся поисками доказательств справедливости теологических представлений о картине мира и его происхождении. В этом духе выступают в США неокреационисты, интерпретирующие на псевдонаучный лад библейские мифы о сотворении мира. Начало было положено выступлением Ватикана с теологической интерпретацией научной концепции Большого взрыва, в результате которого родилась Вселенная. Было прямо заявлено, что новейшие данные науки якобы подтверждают религиозное представление о «сотворении мира из ничего» — исходный креационистский миф.

Квазирелигии могут выступать также в форме религиозномистических теорий, в основе которых лежат данные науки. Эти странные феномены возникают благодаря отказу от противопоставления «религия — наука» или «иллюзорные представления и мифы — объективное знание». По существу, указанная тенденция и приводит к мистификации научных идей и представлений, к теологическому истолкованию научных концепций, когда

объективному знанию либо обоснованным предположениям ученых придается сакральный смысл в духе тех или иных верований (преимущественно христианства, буддизма и индуизма). Так формируются псевдонаучные религиозно-мистические концепции и религиозно-мистические представления, которым внешне придается естественно-научная форма. Различия между теми и другими лишь в количественном соотношении привнесенного в них религиозного и наукообразного содержания. В качестве примера можно указать на попытки трактовать религиозные догмы о переселении человеческой души в другое тело, о законе кармы, о существовании мировой души с позиций якобы современных научных представлений, новых научных идей и гипотез. Можно сослаться также на пример квазирелигиозных рассуждений, популярных среди сторонников врачевательного культа ивановцев, — о существовании якобы возможности аутотрофного питания человека, то есть его способности обходиться без пищи и воды. Формально эти рассуждения строятся на предположении Вернадского, что человечество, может быть, найдет на высокой ступени своего эволюционного развития механизмы непосредственного энергетического обмена со средой. Утверждать, что уже современный человек способен обходиться без естественной для него пищи и жить подобно некоторым простейшим организмам, непосредственно поглощающим тепловую и химическую энергию окружающей среды, либо подобно растениям, усваивающим энергию солнечного света, — значит заниматься распространением домыслов и искажением научных представлений Вернадского.

Ешавное в том, что назначение указанных псевдонаучных рассуждений состоит в модернистском обосновании проповедуемого ивановцами религиозно-мистического культа. Нашли в них свое отражение и библейские гиперболы: «Живите, как птицы небесные, как лилии степные... Бог даст день и даст пищу...».

Проблема мистификации науки значительно шире и не ограничивается рамками анализа современных модификаций религии. Появилась новая разновидность массового сознания — особая мифологизированная культура, сочетающая в себе богоискательские настроения с научными идеями и представлениями.

В ней легко увидеть возрождение трагического «фаустовского сознания», для которого всемогущество науки, способной овладеть тайнами мироздания, возможно лишь в союзе с потусторонней силой. Схожи и условия возникновения этих химерических мироощущений — неустойчивое равновесие в противоборстве догматических и новаторских воззрений на человека и окружающий его мир. Нынешние мировоззренческие настроения противоречивого характера, нашедшие выражение в концепциях религиозно-мистического эволюционизма, проистекают из кризиса прежних застывших мировоззренческих идей и глубоких революционных преобразований в современной научной картине мира.

Рассмотрим подробнее содержание наиболее типичных из этих концепций.

Их особенностью является трактовка развития человека, общества (или шире — космогенеза в целом) как результата действия не познаваемых наукой естественных причин, некоего спиритуального фактора, что придает реальному, объективному процессу таинственный, трансцендентно-сакральный характер.

Подобные представления о факторах общественного развития распространяют идеологи религиозно-мистической организации сектантского типа «Ананда Марг», возглавляемой Саркар. Бывший помощник бухгалтера одной из железнодорожных мастерских в далекой индийской провинции, Саркар назвался громким ритуальным именем Ананда-мурти («воплощенное блаженство») и объявил себя великим аватарой — воплощением высших богов Индии — Брахмы, Кришны и Шивы.

Саркар проповедует социально-утопическую доктрину квазирелигиозного характера под названием «Теория прогрессивного использования» (ПРОУГ) и не скрывает, что ее содержание заимствовано из самых различных источников, подчас противоположных по своей политической направленности и научной значимости. «ПРОУГ, — говорится в сектантской декларации, — является эклектической философией, которая вобрала в себя лучшее из многих теорий, смешала их с моралью и спиритуальностью».

В мировоззренческом плане «пропагандисты» ПРОУГ декларируют свою «веру в синтез материализма и спиритуализма» и подчеркивают, что Саркар выступает за «единство спиритуальных и материалистических потребностей». И хотя ПРОУГ постоянно выдается за новейшую и притом «прогрессивную» социоэкономическую теорию, очевидно, что по своим мировоззренческим, идейным основам она является системой социально-политических идей, проникнутых духом религиозного мистицизма.

Мистическую эволюционистскую концепцию, пропагандируемую «Анандой Марг», можно характеризовать как организационно-политическую, поскольку в ней основной акцент ставится на формировании сектантской организации в глобальном масштабе и придании ей роли главного органа государственно-политического управления народами мира.

Среди различных религиозно-мистических эволюционистских концепций наибольшим влиянием пользуются нравственно-психологические. У американского социолога Теодора Роззакса эта разновидность эволюционизма рассматривается как единственно возможный путь религиозного спасения — путь «спиритуальной трансформации личности». Он видит в этом пафос богоискательства и посвящает его обоснованию основные свои книги о молодежной контркультуре и религиозномистических исканиях леворадикальной ориентации. Ученый надеется, что наблюдающийся в странах Запада «молодежный ренессанс мистически-религиозных настроений обещает обогащение нашей культуры»

Свои благожелательные оценки молодых богоискателей Роз- зак строит на анализе весьма заинтересовавшего его психоделического движения в США, декларативное название которого — «наркотическая революция». Его создателем в 1960-х годах — в период подъема мистической волны в западных странах на базе разношерстного движения протеста — был доцент психологии Тимоти Лири. После краха своей академической карьеры Лири «расцвел в роли саморекламируемого культистского сва- ми» (один из высших индуистских титулов. — *Е. Б.*). Он стал пропагандировать сильнейший синтетический галлюциноген ЛСД в качестве средства достижения мистического транса, создал «Лигу спиритуального исследования» и в итоге обещал,

***Roszak T. Making of a Counter Culture. N. Y., 1969. P. 147.***

что «наркотическая революция» приведет к трансформации общества и к изменению направления исторического развития. Прославляющий наркотическую эйфорию «жрец» психоделии утверждал, что преобразовать мир можно только через изменение с помощью наркотиков доминирующей формы сознания. У приверженцев галлюцинированного экстаза даже был свой лозунг: «Наркотики — религия народа».

Их называли «святыми варварами», «язычниками ЛСД», которые отвергают традиционную христианскую церковь по причине недостатка в ней реквизита подлинного наркотика. По словам американского социолога Липтона, за прошедшую многовековую историю из погрязшей в рутине и богословской схоластике официальной церкви было «выдавлено все наркотическое и гипнотическое, покуда в ней ничего не осталось, кроме разбавленного водой слабого чая — вместо вина, и мякины — вместо того, что когда-то было животворящей пищей духа»<sup>2)</sup>.

Как мы уже упоминали, еще недавно у нас прочно господствовали иллюзии, что подобное возможно только «у них». Сегодня в условиях демократизации и гласности начинает доминировать трезвый взгляд на реалии нашей повседневности, и мы наконец замечаем аналогичные проявления мистицизма и оккультизма в собственной стране. Стало известно о группе ленинградца Александра Григорьева, в которой обычно практиковалось «подкрепление» алкоголем и наркотиками для усиления экстаза и пущей уверенности в прямых сношениях с потусторонним всемогущим началом. Любопытно, что у Григорьева есть черты сходства с лидером американской психоделии Лири. Он тоже профессиональный психолог, учился в университете. Ниже мы подробнее расскажем об этом деятеле наркотического фарса, а пока вернемся к основной теме нашего разговора.

Схожие идеи мистической эволюции человечества на основе спиритуального преобразования сознания индивида высказывают сегодня многие в охваченных оккультными настроениями странах Запада. Коллин Уилсон в популярном труде «Оккультное» рассуждает о гипотетическом внутреннем сверхсознании человека, которое он называет «способность Х».

Будущее человечества, как полагает названный эволюционист, зави-

***Roszak T. Making of a Counter Culture. P. 160.***

сит от развития этого чудодейственного дара, скрытого в глубинах человеческой психологии, а не от совершенствования социальной системы на основе развития материального производства.

Один из обосновавшихся на Западе индийских йогов — Гопи Кришна разукрашивает данную идею архаическими образами первобытной магии. Он говорит о кундалини — психофизиологической энергии, которую древние представляли в образе змеи, свернувшейся в клубок у основания позвоночника и способной под воздействием особых йогогических приемов «распрямляться» и «подыматься» по позвоночному столбу, наделяя человека чудодейственными силами. По словам этого популярного мистика, «пробуэдание» змеи-кундалини двигает вперед весь процесс эволюции человечества.

Нетрудно видеть, что исторические истоки подобных эволюционистских воззрений весьма древние. Они лежат в религиозно-философских представлениях мистического учения раджи-йоги о возможности духовного, нравственно-психологического совершенствования человеческой личности, приводящего ее в конечном итоге к уровню божества. Их легко обнаружить и в буддистском учении о «благородном, срединном, восьмеричном пути», на котором человек может достичь всестороннего совершенства и погрузиться в нирвану. В дальнейшем идея спиритуального совершенствования и трансформации личности разрабатывалась в древних религиозно-философских учениях ведантизма.

Однако в религиозно-философских системах Индии идея личного самосовершенствования, или, точнее, реализации божественного начала, заложенного в человеке, не распространялась на общество в целом. Посредством самосовершенствования человек мог достичь избавления от тягостного жребия повседневности, то есть обрести лишь свое индивидуальное спасение. Общество от этого не менялось, земная жизнь — сансара — продолжала свои поколенческие циклы в вечном кругообороте.

Современные богоискатели часто (но далеко не всегда) распространяют идею личного самосовершенствования на процесс общественного развития и видят в «спиритуальной трансформации» отдельного индивида средство к преобразованию общества и даже к «божественному совершенству» всего человечества. В книге инструктора йоги Дж. Крамера говорится, что дисциплинированная медитация является ключом к новому эволюционному механизму, основанному на технике совершенствования сознания индивида.

Наиболее популярный лидер неоориентализма Махариши Махеш Йоги, создатель влиятельнейшего движения трансцендентальной медитации, заявил в конце 1960-х годов, что одного процента жителей земли, практикующих предложенные им упрощенные методы индуистской медитации, достаточно для радикального изменения жизни на нашей планете в течение тысячелетий. Исчезнут войны, голод, болезни, социальная несправедливость — и все благодаря непродолжительному повторению

индивидуально выбранных священных мантр. Иначе говоря, подразумевалось осуществить с помощью всемогущих медитационных средств сакрализацию человечества, религиозно-мистическое очищение общества и подъем его на вершину духовной эволюции.

Реализация этой грандиозной социально-религиозной утопии в практическом плане предусматривала создание глобальной сети медитационных центров и громадной армии инструкторов. В результате образовалась международная организация «Мировой проект», которая и должна была руководить эволюцией человеческого общества, опираясь на религиозный культ трансцендентальной медитации.

Таким образом, на практике учение о нравственно-психологической эволюции человеческого общества, достигаемой медитационными средствами, превратилось в организационнополитическую концепцию, аналогичную идеям ПРОУГ секты «Ананда Марг». В конечном итоге Махариши Махеш Йоги разочаровался в возможности глобального распространения трансцендентальной медитации.

Вообще говоря, все медитационные движения, которых в современном западном мире великое множество (считается, что методов медитации существует порядка восьми тысяч), ориентированы в конечном итоге на качественное преобразование общества. Их приверженцы обычно избегают говорить о традиционном христианском постулате достижения царства небесного на земле, но фактически имеют в виду именно эту религиозно-иллюзорную конструкцию. По существу, богоискатели рассуждают об эволюционном развитии общества к стадии Эдема, райской жизни, но называют старые иллюзии по-новому.

Приверженцы сайентологии — влиятельного на Западе врачевательного культа, в котором соединились вульгаризированная версия психоанализа Фрейда с псевдонаучной фантастикой Хаббарда, — верят в приход человечества к некоему божественному состоянию «тетана». Однако причудливая фантастика Рона Хаббарда, который до создания популярного культа был малоизвестным писателем, ориентирует сайентологов не столько на ожидание этого райского будущего, сколько на интенсивнейшие занятия на курсах мистифицированной психотерапии, щедро оплачиваемых доверчивыми людьми. И опять-таки реализация этой концепции нравственно-психологического совершенствования человечества потребовала на практике создания жесткой организационной системы в международном масштабе.

Получается, что все попытки привести человечество к райской жизни реализуются на пути расширения до глобальных масштабов активности той или иной сектантской организации.

Оккультные группы, встречающиеся в нашей стране, также нередко одержимы идеями мистического эволюционизма — стремлением средствами магии и медитации «помочь» стране, человечеству, земному шару или даже Вселенной в их успешном развитии. Как эти чудачества выглядят в нашей

повседневной жизни, мы расскажем несколько позже.

Истоками религиозно-мистических эволюционистских концепций служат не только идеи индуизма и буддизма, но и христианские, а точнее — раннехристианские представления.

О возможности нравственно-психологической эволюции человечества на основе развития идей христианства много рассуждает Авдий Каллистратов — герой «Плахи» Айтматова. Писатель столь точно излагает строй мыслей этого проповедника неохристианства, что кажется, будто их фиксирует и анализирует ученый-религиовед.

У Айтматова колоритно, с научной достоверностью представлена одна из типологических модификаций современного неохристианства, основанная на идее нравственно-гуманистической эволюции человечества к состоянию божественного совершенства. Писатель правильно характеризует ее как обновленческую, модернистскую версию христианства. Но для него самое важное другое — подчеркнуть благородство самоотверженного стремления к милосердию и нравственному очищению общества, на которое оказался способным в годы застоя лишь религиозный романтик, ставший жертвой трагического одиночества. Отвергнутый официальной церковью, равнодушно игнорируемый догматическим атеизмом, он пал в бессильной борьбе со злом. Альтернативой бесчеловечно жестокой «Плахе» должен стать гуманистический диалог и сотрудничество всех духовно здоровых сил нашего общества в деле его нравственного возрождения.

Помимо двух рассмотренных трактовок религиозно-мистического эволюционизма существует третья, наиболее масштабная по своему содержанию, поскольку в ней значительно расширены рамки эволюционистских изменений. Согласно этим представлениям, эволюционный процесс охватывает человека целиком, включая в том числе и развитие его телесной организации.

Опять-таки истоки названных воззрений могут быть найдены в древних учениях йоги о процессе индивидуального совершенствования, охватывающего весь организм человека, включая и физическую сторону. В современной богоискательской среде постоянно муссируются мифологические представления о возможностях йоги к сверхъестественному развитию человека. Вас могут с детской непосредственностью уверять, что «совершенный йог» без микроскопа видит микроорганизмы и даже может узреть детали микромира — атомы и электроны. Столь же легко он ориентируется в макропространстве: невооруженным глазом видит скрытые от взоров простых смертных звезды и самые далекие галактики. Физические возможности «совершенного йога» под стать перечисленным чудесам и не идут ни в какое сравнение с реальными фактами поразительных способностей настоящих йогов, их удивительной силой и сверхнормальной выносливостью. В мифах о «совершенных йогогах» речь идет о подлинном чуде, без всякого сомнения в его фактической достоверности — о способности «освободиться» от материального тела и совершать «спиритуальные путешествия» на далекие планеты, о возможности вовсе

«оставить» человеческое тело и продолжать жизнь в «энергетической оболочке».

Эти религиозно-мистические представления, сформировавшиеся в древней йоге применительно к «спиритуальному совершенствованию» индивида, современные богоискатели прилагают к возможностям развития человеческой цивилизации. В итоге создаются концепции религиозно-философского эволюционизма, предполагающие превращение человечества на высшей исторической фазе развития в божество. Здесь речь не просто о невиданном могуществе человеческой цивилизации далекого будущего. В отличие от научных гипотез, которые строят свои предположения на объективной основе и даже при головокружительной смелости прозрений грядущего не утрачивают чувства реальности и считаются с фундаментальными законами Вселенной, мистические эволюционистские концепции, по существу, развивают теологические представления в форме научнообразных предположений. Смысл усилий их создателей заключается в своеобразных пророчествах о торжестве в будущем в ходе развития человека (или еще шире — эволюции космоса) теологической картины мира.

В отличие от авторов научных теорий проповедники мистического эволюционизма не стремятся к выработке обоснованных прогнозов развития материального мира и человечества на основе исследования объективных законов эволюции. Они выдвигают необоснованные допущения о подчиненности развития Вселенной определенным проведениалистским закономерностям, обеспечивающим в конечной фазе этого процесса обнаружение божественного начала в явной форме. Тем самым подобные псевдонаучные эволюционистские концепции в конечном счете имеют теологическую привязку: служат обоснованию идеи о неминуемом обнаружении в отдаленном будущем зримого доказательства религиозно-идеалистического решения основного вопроса философии — в смысле первичности сознания, духа и вторичности «пассивной и косной» материи. Иначе говоря, перед нами логически неправомерный способ перенесения на зыбкую почву предположений о далеком будущем давних споров религии и идеализма с материализмом.

Пафос мистического эволюционизма состоит в утверждении, что древние пророчества о конце земной истории и наступлении царства небесного непременно сбудутся, но только не в наивных представлениях прошлого о появлении мессии в образе всадника на белом коне. Теперь подобные пророчества благодаря популярности науки приходится облекать в форму квазирелигиозных рассуждений об эволюционировании человечества к божественному совершенству. Науку пытаются использовать для обоснования будущего торжества теологических воззрений и с этой целью конструируют различные псевдонаучные эволюционистские гипотезы о трансформации материально-природного начала человеческого организма в духовную энергетическую субстанцию и о соответствующем превращении земного человечества в небесное божество.

После столь подробного анализа многочисленных разновидностей квазирелигий нам легче понять, почему в названии этой формы религиозного радикализма присутствует префикс «квази». Строго говоря, так называемые квазирелигии не только по своему содержанию, но и функционально не являются религиями в полном значении слова. Не играют они самостоятельной роли, как обычные конфессиональные религии. Им свойственны служебные функции — обеспечить модернистское обоснование и пропаганду религиозного мировоззрения и догматики, используя для этого псевдонаучные формы.

Среди наших богоискателей немало приверженцев модернистских культов, мировоззренческие установки которых можно квалифицировать как квазирелигиозные. Деятельность одних организаций еще плохо изучена, о других мы знаем больше. Есть и группы с криминальным уклоном. Что же для них всех характерно?

## **Глава 6**

### **По тропе мистицизма — к обществу всеобщего благополучия?**

Сегодня мы принимаем как должное милосердие и доброжелательность со стороны верующих и религиозных организаций, их готовность в меру сил и способностей пойти навстречу тем, кто нуждается в утешении, поддержке и помощи. Освобождаясь от недоброжелательного и подозрительного отношения к верующим, мы с уважением стали относиться к их искреннему, бескорыстному и активному участию в благотворительной деятельности, прежде всего, к их благородным усилиям внести позитивный, созидательный вклад в духовное развитие нашего народа, в упрочение общественных отношений на основе мира и согласия между людьми.

Сложнее вопрос с оценкой деятельности богоискательских организаций и групп. До недавнего времени мы их очень плохо знали, не проводили между ними различий и ко всем подходили с общей меркой — антиобщественное явление!

Социологические исследования религиозно-мистических настроений в западном мире говорили о том, что значительная часть их носителей примыкает к различным движениям протеста — молодежному, националистическому, феминистскому, входит в ряды «гражданского неповиновения». В области социально-политической жизни, культуры и даже повседневного быта «богоискатели» и «антиконформисты» — понятия почти тождественные для тамошних условий. Богоискательство — это, собственно говоря, вторая сторона одной медали, а точнее, та же установка на социальную конфронтацию, только выраженная в новой рели-

гиозной форме. Если механически приложить данную модель социально-политических ориентаций западных мистиков к нашим реалиям, то автоматически все последователи религиозномистических течений в стране попадают в разряд экстремистов.

Однако теоретико-методологически этот вывод несостоятелен. В-первых, общественный строй у нас иной, и поэтому мотивы социального

протеста, свойственные западным богоискателям, в основном специфичны только для них, хотя и формулируются обычно в общеисторическом, глобальном контексте. Во-вторых, религиозный мистицизм стал произрастать у нас на нашей собственной почве, о чем мы много говорили выше, — на почве социальных противоречий, существующих в условиях социализма, которые были приумножены и многократно усилены в годы застоя и разрухи, предварявших выход страны на новый исторический уровень развития.

Тем не менее порочная практика механического использования оценок, приемлемых для одних социальных условий, в условиях совершенно других получила поддержку и оправдание в теоретических воззрениях недавнего прошлого, которые мы теперь называем вульгарными и догматическими. В них господствовало представление о том, что при социализме религия не имеет социальной почвы для своего существования, и либо представляет собой простой «пережиток», либо занесена к нам извне. В том и другом случае она — порождение иного общественного строя, следовательно, чужеродна и враждебна нашему обществу.

С этой ошибочной точки зрения религиозно-мистические настроения, появившиеся у нас, априори рассматривались как перенесенные с капиталистического Запада, причем в подрывных, антисоветских целях, соответствующими службами империалистических государств.

Надо различать истоки религиозной традиции и социальную почву, на которой она получает распространение. Среди мистических групп и культов, возникших в стране, только некоторые были зарубежного происхождения, из них широко известны лишь одни кришнаиты и приверженцы мистической йоги. В основном же популярностью пользовались доморощенные культы, созданные П. Ивановым, А. Гринблатом, А. Борубаевым,

А. Григорьевым, Я. Колтуновым и другими. Если они и приобщались к восточной мистике, то лишь в малой степени. Независимо от истоков — зарубежных или наших, собственных, — распространившиеся у нас нетрадиционные религии обладают общими особенностями. О них мы много и подробно говорили выше. Здесь же важно отметить, что эти особенности вроде бы дают повод к проявлению повышенной настороженности в отношении новых религий.

Общеизвестно мнение, в том числе и самих богоискателей, что религиозно-мистические культы более интенсивно воздействуют на человека, чем традиционное, церковное христианство. Но значит ли это, что новая религиозность «хуже»? А может быть, такая постановка вопроса вообще неуместна?

Нетрадиционные религии получили распространение среди молодой интеллигенции. Впрочем, и в среде верующих традиционных конфессий наблюдается повышение уровня образования, квалификации, общей культуры, поворот к общественной активности вне религиозной сферы деятельности. Первоначально эти факты, накопленные в ходе

социологических исследований, вызвали у догматиков растерянность, поскольку с просветительских позиций считалось прописной истиной, что религия — удел людей необразованных и отсталых. В дальнейшем, признав существующие реалии активизации религиозных настроений, догматики стали видеть в них только негативную тенденцию, связывая с ней пропагандистскую активность и силу убежденности сектантов, усугубившуюся якобы вредоносность их религиозного влияния.

Думается, что подобная оценка роли возросшей культуры современных верующих не только односторонняя, но в целом ошибочная, основанная на старой предубежденности по отношению к ним, безосновательно приписывающая им склонность использовать возросший потенциал своей духовной активности только в плохих целях. Образованный верующий — вовсе не изощренный, воинствующий пропагандист религиозного фанатизма и мистики. Рост его культуры при условии гарантирования ему обществом свободы мировоззренческих убеждений и отсутствии дискриминации ведет к гуманизации его религиозного сознания и поведения, гасит в нем нетерпимость, агрессивность, прочие негативные реакции — следствие испытанного им в прошлом социального неравноправия и духовного угнетения. В религии ведь преломляются в специфической, иллюзорной форме объективные условия, в которых находятся те, кто ее исповедует. И если эти условия становятся более человеческими, то расширяется и нравственно-социальный смысл религиозных устремлений верующих, утрачивая черты жестоких сектантских установлений, ригоризма, слепого суеверия.

Среди приверженцев различных исповеданий (православных, протестантов, католиков, мусульман, иудаистов) наблюдается стойкая тенденция, уводящая их от грубой, невежественной религиозности в сторону цивилизованной, для которой характерно не только провозглашение моральных заповедей, но и стремление следовать им в жизни — заниматься своим духовным самосовершенствованием, проявлять доброту, оказывать помощь близким и т.д. Данная тенденция вместе с тем означает отказ верующих от установки на негативное отношение к обществу, от безразличия к происходящему, от затворничества, знаменует собой их поворот к заинтересованному участию в общественной жизни, к активному обсуждению вопросов социально-политического развития.

Конечно, различие между религиозно-утопическим и конструктивно-реалистическим подходом к решению задач общественного развития остается, и это проблема немаловажная. Именно она является нередко предметом политических спекуляций, когда делаются попытки противопоставить идеи религиозных утопистов процессу социальных преобразований, осуществляемых в стране, а их самих превратить в оппозиционеров и противников общенародного дела.

Среди широкого разнообразия религиозных исканий и новаций в нашей стране конца прошлого века колоритно выделялись глашатаи религиозного социализма, представляющего собой специфическую разновидность

леворадикальных социальных утопий. Лидеры этого идейного течения ориентировались на «соединение коммунизма с религией» и обещали более успешное продвижение по пути коммунистического строительства и воспитания нового человека, чем терявшие к себе доверие лозунги официальной советской идеологии.

Своеобразие ныне почти забытых «псевдокоммунистов от религии» состояло в том, что они активно стремились воплощать в социальные реалии свои религиозно-утопические воззрения, формируя богоискательские группы, культы и неформальные организации. Это сближает их с прочими поборниками «альтернативного стиля жизни». Свои планы неотложного осуществления социальных утопий, пронизанных идеями оккультизма и мистики, наши богоискатели выдавали за «практическую модель коммунистического общежития», за «наиболее эффективный путь приближения к коммунизму» и т. п. Подобными рассуждениями афишировали свою пропаганду религиозного мистицизма группа «Коммунистического самопрограммирования» Я. Колтунова и подпольная «Школа эволюционно-социальной йоги» А. Пуринבלата.

Носители подобных взглядов заявляли, что якобы проповедают многое из того, что входит в понятие коммунистического идеала, — высокую нравственную культуру и воспитание гармонично развитой личности, коллективизм, социальную справедливость и т.д. Но этот идеал получал у них религиозно-мистическую интерпретацию и рассматривался как воплощение в жизнь неземного, сверхъестественного начала, существующего до той поры скрытно в потустороннем мире или в таинственной глубине человеческой психики. Соответственно и пути реализации идеала светлого будущего трактовались утопически, с позиций религиозных иллюзий. При этом совершенно игнорировалась необходимость материальных предпосылок общества будущего — создание высокоразвитой промышленности и сельского хозяйства, достижение высочайшего уровня науки и культуры, всемерное развитие социальной сферы, совершенствование системы образования и всего дела воспитания человека.

Предполагалось, что модернистские религиозно-мистические утопии могут быть осуществлены совокупными волевыми усилиями богоискателей, практикующих экстатическую обрядность ради достижения мистического «просветления». Сторонники этих воззрений утверждали, что определенные средства и методы религиозной мистики и оккультизма необходимо использовать в коммунистическом строительстве для гарантии успеха.

Очевидно, что в данном случае концепция реальной исторической ступени развития человеческого общества подменяется иллюзорным представлением о сверхъестественном, божественно совершенном сознании, к обретению которого должны стремиться богоискатели.

Приверженцы модернистских религиозно-мистических утопий в воззрениях на коммунистическое будущее человечества оказываются в русле современного богоискательства и, консолидируясь, создают различные

формы организации — всевозможные культы и сектантские группы наподобие вышеназванных. В них нередко процветают тунеядство, антиобщественные настроения, мошенничество.

Не случайно организатор «Школы эволюционно-социальной йоги» Гринблат уклонялся от общественно полезного труда, принуждал своих приверженцев выплачивать ему значительные суммы денег. Этот человек вовлек в свою неформальную организацию легковверных людей, обещая чудодейственное исцеление средствами древневосточной магии и оккультизма. Он был знаком с оккультизмом по дореволюционным бульварным изданиям и не имел представления о современном научном востоковедении, иначе вряд ли бы отважился популяризировать давно разоблаченное шарлатанство «специалистов» по йоге и знатоков «мистических тайн» теософии.

Врачевание являлось не главной и единственной целью «Школы эволюционно-социальной йоги», а лишь приманкой для втягивания легковверных лиц в эту тайную оккультную организацию. В конечном счете деятельность «школы» Гринבלата была направлена на формирование у его приверженцев религиозно-мистического мировоззрения и сектантского стиля поведения, а в основе ее лежали религиозно-мистические утопии, сформированные из эклектического сочетания обрывков различных индуистских религиозно-философских учений — йоги, шиваизма, ведантизма — с добавлением отдельных представлений теософии, созвучной мистицизму. Этот пестрый букет идеологических воззрений включает и пантеизм — обожествление природы.

Согласно воззрениям «школы» и подобных самодеятельных организаций, главным фактором общественного развития нашей страны является совершенствование личности. А оно может быть достигнуто только через практику манипулирования эмоционально-психическим состоянием человека с помощью методов восточного мистицизма, погружения его в экстатический транс. В мистике сектанты видят единственное средство, которое якобы только и может обеспечить прогресс общества в целом. Поэтому столь многочисленны у них проявления мессианских настроений, претензий на роль сверхъестественных спасителей.

Следует подчеркнуть, что ключевым моментом духовных устремлений и практических усилий приверженцев новых религиозных сект и культов является «спиритуальная трансформация личности» посредством кардинального преобразования существующего на данный момент менталитета и образа жизни. Приверженцы школы эволюционно-социальной йоги и аналогичной ей по своим утопически ориентациям группы «коммунистического самопрограммирования» считали, что главным фактором общественного развития должно стать особое эмоционально-психологическое состояние личности, точнее — приобретение человеком измененного состояния сознания с доминирующей сакральной направленностью. Именно такое мистическое преображение человека сможет спасти страну. Этот идеологический посыл облекался в мессианские

настроения и формировал претензии на роль сверхъестественных спасителей общества. Об это не двусмысленно говорится в послании Гринблата своей «школе» и ее друзьям:

Мы — карма-йоги.  
Наш путь тернистый,  
Мы все — в дороге,  
Мы все — горнисты!

Главная задача — «помочь отчизне с высот астральных». И если раньше «было спасение от Ноя, теперь спасение от нас».

Это не имеет ничего общего с действительной перестройкой сознания личности, с реальным вовлечением человека в процесс революционного обновления всех сторон нашей жизни. Факты показывают со всей очевидностью, что, завлекая людей священными тайнами, миражами совершенствования человечества, лидеры религиозно-мистических групп ставят цель воспрепятствовать их активному и плодотворному участию в делах общества и овладению реальными ценностями культуры, воспитать в них пренебрежение к общественно полезному труду, привить тягу к мистическому экстазу.

Например, в «Школе эволюционно-социальной йоги» достижение этой цели обеспечивалось системой достаточно эффективных организационных средств, таких как устав и членство, обряды посвящения, денежные взносы, символика, внутригрупповая дисциплина, безоговорочное подчинение главарю — Гринблату, игравшему роль харизматического лидера — восприемника божественных откровений Брахмы и Шивы.

Однако, не довольствуясь своими проповедническими усилиями и не полагаясь целиком на созданную им жесткую систему внутригрупповых связей, Гринблат прибегал также к прямому принуждению и насилию в отношении доверившихся ему людей. Он сформировал отряд личной охраны, так называемую группу социальной защиты, которая состояла из лиц, владеющих приемами карате. Им вменялось в обязанность почти круглосуточно опекать сектантского главаря и членов его семьи. Это было продиктовано не только непомерными амбициями честолюбивого мистика, но и вполне утилитарными соображениями о необходимости подавлять ропот недовольства его финансовыми злоупотреблениями.

К тому же ему приходилось вести упорную борьбу с теми, кто начинал догадываться об антиобщественном характере его организации и отваживался на критику заведенных в ней порядков. Отступники становились объектом шантажа и угроз — обычная тактика в деятельности не только «школы» Гринблата, но и других сектантских групп и врачевательных культов.

Используя этот жесткий механизм прямого физического принуждений, сектантские лидеры довольно часто переходят грань дозволенного и встают на путь тяжких уголовных преступлений. В печати рассказывалось, к какому трагическому финалу привел свою культовую группу Абай Борубаев. Одних

он старался удержать в повиновении, угрожая им физической расправой, других настолько сумел психологически подчинить себе, что сделал их хладнокровными и безжалостными убийцами киноактера Талгата Нигматулина — члена секты, единомышленника и «верного ученика» Абая. В организации постоянно практиковалась система, направленная на нравственную деградацию личности: тех, кто попал под влияние Абая и его помощника — бывшего подпольного муллы Мирзы, заставляли есть отбросы, купаться нагишом при посторонних в грязном арыке. С той же целью приказывали вступать в интимные отношения с едва знакомыми людьми по приказу своего «духовного наставника».

На рабской униженности, безропотной покорности, слепом подчинении Легковерных «учеников» воле «духовных лидеров» строился не только авторитет, но и материальное благополучие Абая и Мирзы. Нагло обирая своих приверженцев, они положили себе в карман несколько десятков тысяч рублей. Сами никогда и нигде не работали за счет полученных средств жили безбедно, постоянно разъезжали по стране. Полное морально- нравственное разложение — таков финал, к которому пришла группа мистиков, вознамерившаяся открыть «сверхвозможности человеческой личности» и «эффективно их использовать в создании счастливого общества будущего».

Не менее печальным был итог деятельности мистика Александра Григорьева, превратившего свою оккультную группу, искавшую заступничества для всего человечества у некоей всемогущей космической силы, в сборище алкоголиков и наркоманов. И здесь обращение к «чудодейственным» средствам для достижения «всеобщего счастья» привело к социальной и нравственно-психологической деградации людей, вплоть до патологического распада личности, самоубийства.

Подобные описания подлинных трагедий религиозного романтизма, загубленного жадными и беспринципными авантюристами, можно было бы продолжить. К счастью, не всегда ведет к пропасти опасная тропа мистицизма, по которой богоискатели мечтали легко и быстро добраться до «сияющих вершин» своих социальных утопий. В частности, последователи «учителя» Иванова, приверженцы группы «Коммунистического самопрограммирования» Я. Колтунова долгое время пребывали в эйфорическом любовании своей мечтой о чудесном само- совершенстве. А что на деле? Увенчалась ли их изнурительная деятельность, требующая больших затрат сил, энергии и свободного времени (часто в ущерб действительно полезному труду), давно ожидаемыми фантастическими результатами? Куда там! Все свелось к выработыванию у сектантов способности к сверхтерпению и сверхвыдержке через длительное, доводящее до истощения голодание и недосыпание. А идеал совершенного общества напоминает злую карикатуру на представления о коммунистическом сообществе людей; будем обходиться без пищи, одежды, жилища, оставим общепольный труд — таковы некоторые «теоретические соображения» «учителя» П. Иванова относительно жизни в общине будущего. Впрочем, об этом мы еще поговорим.

## *Глава 7*

### **Что обретают, а что теряют искатели Бога?**

Я заплакал. Слезы как-то сами покатались из глаз, когда я увидел, войдя в уютную приемную, смуглое лицо божественного гуру в обрамлении длинной серебряной бороды и сочувственное выражение его живых черных глаз, услышал его мягкий голос: «Здравствуй, Михель! Я давно жду тебя, а ты так долго не появляешься». — Тут я и не выдержал, ноги у меня ослабели, и я вынужден был опуститься прямо на ковер у его ног. Он положил свою ласковую руку мне на голову и сказал просто и успокоительно: «Теперь ты дома. Твой путь мытарств и исканий закончился».

Так рассказывал о своем приезде в Индию к Бхагвану Раджнишу 45-летний банкир из ФРГ. Он не жалеет, что бросил все и стал неосаньясином, как принято называть облаченных в яркие ритуальные одежды сектантских приверженцев индийского мистика.

Коллега чувствительного немца, престарелый американец, также оказавшийся в индийском ашраме, настроен не менее оптимистично. Он сказал репортерам: «Мои бывшие приятели с Уолл-стрит не поверят, чем я здесь занимаюсь. Я сортирую металлические отходы в одной из мастерских, вполне доволен своей новой жизнью и не помышляю о возвращении к банковской суете». Журналисты опрашивали многих в секте Раджниша и каждый раз удивлялись, сколь различные в прошлом люди надели на себя экзотическую сектантскую униформу.

Они побеседовали с молодой, беззаботно настроенной немкой, работающей в ашраме прислугой. Еще недавно она была стюардессой в известной авиакомпании «Люфтганза». В секте выполняет, по существу, те же самые обязанности, что и на прежней службе в ФРГ, только здесь ее труд никак не оплачивается, хотя начинается с рассветом и заканчивается поздно ночью. Так что же ее тут удерживает? Что заставляет мириться с почти полным отсутствием бытовых удобств и полуголодным существованием? Она, видите ли, всеми фибрами души наслаждается царящей в ашраме атмосферой восторженного поклонения «Пожизненному Учителю».

Таковы парадоксы приобщения богоискателей к коммуне «избранных», нашедших себе приют у ног «живого бога». Случается, что эти удивительные феномены ошеломляют даже опытных журналистов. В одной из телевизионных передач «Меэвдународной панорамы» (8 мая 1989 г.) политический обозреватель А. Бовин повторил фрагменты репортажа корреспондента С. Алексеева о Бхагване Раджнише и его индийском ашраме в городе Пуна. Повтор сопровождался примерно таким комментарием: «Вглядитесь в улыбающиеся лица ашрамитов. Среди них много представителей интеллигенции, людей творческих профессий. Не наводит ли их беззаботное настроение на мысль, что у Раджниша не все так уж плохо, как принято думать?»

Репортаж С. Алексеева не случайно был назван «В поисках истины». Корреспондент был пленен «симпатичной» обителью и царящей в ней

эйфорией мистического культа. Его не смутила ни атмосфера идолопоклонства, которую Раджниш создал вокруг себя, ни экзальтированность учеников-саньясинов, их граничащая с психозом радость и падение ниц при появлении «вождя» — так писал журналист Юрий Куликов, выступая в завязавшейся полемике против некритического восприятия культа Бхагвана Раджниша. Этот новоявленный мессия выступает якобы в роли последовательного борца за счастливое будущее человечества. Но за его словами о благе ближнего скрывается подлинный диктатор.

Чем же очаровал лукавый гуру участников названной телепередачи? Если не своей популярностью у богоискателей, которая, кстати сказать, весьма пошатнулась после грандиозного скандала в США (о нем мы расскажем ниже), то, наверное, своим выступлением в защиту... горбачевской перестройки. Да-да, у Раджниша случился такой удивительный поворот в его постоянно меняющейся тактике пропагандистской активности.

До этого он был давно известен своими антисоветскими настроениями, выпустил книгу под воинственным названием «Берегитесь социализма!», многократно выступал с недоброжелательными заявлениями в адрес советских людей. Для него неприемлем коммунизм: он назвал его «эпидемией» и сказал, что мечтает о его скорейшем исчезновении с лица земли. Однажды Раджниш дошел до такой степени вражды к идеям равенства и демократии, что стал призывать к вооруженному вмешательству империалистических держав Запада в дела нашей страны. Когда же во всем мире заговорили о начавшейся у нас перестройке, Раджниш неожиданно объявил себя ее сторонником и даже выпустил книгу «Об основных правах человека», которую посвятил «с глубокой любовью» М. С. Горбачеву и А. Д. Сахарову. Какие же мотивы двигали им? Может быть, стремление отстоять идеи социализма и коммунизма в их подлинной чистоте и значении? Отнюдь. Он понадеялся увидеть в перестройке отказ от идей социализма. Как скоро стало ясно, ему был совершенно чужд курс на провозглашенное тогда революционное обновление нашего общества под лозунгом «Больше социализма!», и его предложение немедленно приехать к нам, чтобы внести свой вклад в перестройку, оказалось всецело провокационным. Он хотел, чтобы приверженцы его культа, мистики-саньясины, повсеместно совершали свою интенсивную ритуальную обрядность на улицах советских городов. Обращаясь к правительству нашей страны, Раджниш предлагал: «Введите медитацию в школы, институты, университеты; откройте двери дао, дзэну, хассидизму; позвольте людям увидеть, что суть религии не в оковах, но в высшей свободе. Все остальные свободы так незначительны: политические, экономические, социальные...».

Обращаясь к советским тележурналистам, приехавшим к нему в Пуну и растроганным его «добрыми словами» о перестройке, Раджниш сказал: «Передайте товарищу Горбачеву, что я готов приехать в любой момент. Я могу привезти десять тысяч учеников, которых вы видите вокруг меня... Если хотите, даже два миллиона». Он так и не отказался от своего

антикоммунизма и пророчествовал, что перестройка «будет концом коммунизма в Советском Союзе» (в этом он не ошибся). Истина его мнимой «поддержки» нашей перестройки, когда он выступил подлинным трубадуром авторитарной власти, еще больше раскрылась.

В своей статье «Гуру-сталинист» Юрий Куликов писал о том, что Раджниш оправдывает Сталина за «железный занавес», уничтожение интеллигенции, разрушение храмов. Оказывается, гуру «абсолютно за коммунизм», но коммунизм для него — это Сталин, которому «удалось превратить Советский Союз из маленького феодального государства в мировую державу». «Останься у власти Ленин, — фамильярно роняет Раджниш, — коммунизм вряд ли стал бы возможен из-за присущего Владимиру Ильичу сострадания к людям».

Если вначале главной ценностью гуру называл раскрепощение человека, отпуская комплименты нашей перестройке, то перед смертью он предвещал, что демократия полностью разрушит Советский Союз, превратит в заурядное капиталистическое государство.

В завязавшейся дискуссии об истинном лице Раджниша принял участие и компетентный исследователь, ученый-индолог Александр Сенкевич. Ссылаясь на появившиеся в тот период проповеди Раджниша, он сделал обоснованный вывод, что этот человек по-прежнему враждебен демократии и твердо придерживается принципов подавления личности, так что все его сентенции о желании поддержать перестройку — не более чем словесный фарс, призванный замаскировать давнее неприятие им социализма и коммунизма.

Что же в действительности представляет собой фигура Раджниша, постоянно окутанная завесой мистификации, в чем состоят его бесчисленные религиозно-философские проповеди? Действительно ли он — «человек огромной любви и сострадания, указывающий путь к более свободному, счастливому и разумному человеческому обществу», как писала о том в «Литературную газету» некая его последовательница, назвавшаяся ритуальным именем Ма Ананд Сарита? Наконец, в чем суть скандалов, сделавших его имя так широко известным во многих странах мира? Обратимся к драматической истории взлета и падения пророка мистического опьянения.

Скандално известный мистик Бхагван Шри Раджниш, в последствии Ошо (настоящее имя — Раджниш Чандра Мохан) в прошлом был безвестным профессором философии в одном из университетов Индии. На поприще науки он не обрел ни славы, ни богатства, его явно не устраивала карьера ученого, а амбиций ему было не занимать. И Раджниш обратил свои взоры к религиозно-мистическим движениям, которые в конце 1960-х годов широкой волной захлестнули Запад, наплодив массу сект и разного рода религиозных объединений. Перспектива создать собственную организацию подобного типа и стать во главе нее сулила многое: почитание со стороны восторженных последователей, известность, авторитет, власть и, конечно же,

материальные выгоды. Профессор не устоял перед соблазном, навсегда распрощался с наукой, присвоил себе религиозный титул «бхагван», означающий в древней индийской традиции «милостивый божественный заступник», стал называть себя «пробужденным», то есть претендовать на роль пророка, провозглашающего божественное откровение, и всерьез занялся пропагандой религиозного мистицизма, создав новый культ.

Первоначально он открыл свой ашрам в 1974 году в Пуне под Бомбеем (ныне Мумбай) на участках земли, специально купленных для этой цели его финансовыми покровителями. В ашрам, устроенный в бывших казармах английских колониальных войск, стали стекаться тысячи западных богоискателей, принадлежавших к средним слоям общества, преимущественно к интеллигенции и служащим. Все они имели аттестаты зрелости, много было среди них и выпускников университетов, встречались и бывшие журналисты, психологи, врачи. 60 процентов их общего состава — женщины. В большинстве своем это были люди зрелого возраста, от 25 до 40 лет, лишь одна треть моложе 25.

«Обитель» не могла вместить всех желающих, многие устраивались где придется. Религиозная одержимость не останавливала их перед отсутствием элементарных бытовых удобств. По свидетельству журнала «Шпигель», «дети комфорта из Западной Европы и Северной Америки кормят блох в запущенных и удушливо жарких гостиницах. Они ночуют в кладовках квартир местных жителей. Многие обитают в хижинах из циновок и отправляют нужду тут же рядом в вырытых ими самими ямах».

Почти все, кто оставался на длительное время, заболели: понос, амебная дизентерия, венерические болезни свирепствовали среди приверженцев Раджниша. Неудивительно, что он вынужден был выпустить обращение к неосаньясинам, предупреждающее их о смертельной опасности начавшихся эпидемий, в частности СПИДа, и ввести чрезвычайные санитарно-гигиенические меры, хотя вопиющая неблагоустроенность сектантов и царившая в их среде половая распущенность сводили на нет все эти полумеры.

Под стать этому были и условия труда членов коммуны — неосаньясинов, которые без усталы должны были проводить весь тропический день на работе, возведенной Бхагваном в ранг «особой формы медитации» и религиозного поклонения. «Условия жизни швей, — писал „Шпигель“<sup>44</sup> об изготовительницах ярко окрашенной сектантской одежды, — такие, как и у падших девушек в работных домах прошлого века, тем не менее они чувствуют себя избранными и привилегированными. Наконец- то они добились возможности остаться в ашраме, за который им ничего не надо платить».

Распорядок жизни сектантов находился под неусыпным контролем, каждый из них строго обозначенное время должен был посвящать религиозным занятиям и бесплатному труду, обогащавшему Бхагвана и его приближенных. Нерадивых наказывали или изгоняли. Личная жизнь в общине также строго регулировалась. По словам наблюдателей из журнала

«Шпигель», фактически Бхагван распоряжался ашрамитам, особенно постоянно живущими в Пуне, как древнеримский патриарх своей челядью. Если женщина становилась в ашраме беременной, гуру решал, следует ей донашивать ребенка или нет. Большинству это не разрешалось. Особая управительница ашрама заботилась о том, чтобы юных, еще не достигших совершеннолетия девушек подвергали стерилизации.

В Пуне был создан мощный аппарат манипуляции сознанием прибывших с Запада богоискателей, для них предназначались ежедневные проповеди Бхагвана, месячные курсы, работающие по 65 различным психотерапевтическим программам, насыщенным религиозной мистикой в смеси с неотрейдиизмом. Но свидетельству очевидцев, из «терапевтических» комнат доносились неистовые вопли и яростные завывания — все это в соответствии с наставлениями мастера: «Необходимо исторгнуть из себя насилие, чтобы стать открытым для мудрости». Согласно «целительным» предписаниям Бхагвана, участники «медитационных групп» осыпали друг друга бранью, а затем с воплями набрасывались друг на друга с кулаками. Разбивали друг другу носы, ломали ребра, но это не тревожило их «просветленного» наставника. Его встревожило совсем другое — недовольство индийской общественности. Вкупе с незаконной финансовой деятельностью это дало повод для судебного разбирательства, что и заставило Раджниша поспешно оставить в 1981 году Индию и перебраться в США.

К тому времени его религиозная организация приобрела международный характер. Есть данные, что помимо 200 медитационных центров в Индии за границей было создано еще 250 «Раджниш-центров», именуемых «университетами».

В штате Орегон на территории громадного ранчо «Антилопа» площадью в 64 000 акров, купленного за шесть миллионов долларов и потребовавшего для своего благоустройства дополнительных затрат в сумме почти ста миллионов, неосаньясины основали целое сектантское государство. В центре его расположилась своя столица — Раджнишпурам, где первоначально поселилось около 2000 жителей. Был здесь свой аэродром с шестью самолетами, множество автомобилей и автобусов, собственная газета «Раджниш тайме» и кабельная телесеть, позволявшая лицезреть пророка в каждом жилом помещении. Существовали в этом «государстве» предприятия и мастерские, к ним примыкали сельскохозяйственные угодья.

Прежде чем так основательно обосноваться в новых краях, богоискателям пришлось потеснить местных жителей. Их протесты не были поддержаны властями, которые во многом потакали агрессивным настроенным сектантам. Расчисткой обретенной территории руководила ближайшая сподвижница Бхагвана — американка Шила Сильвермен. В беседе с журналистами она вспоминала потом, что бульдозеры для устрашения соседей были выкрашены кровью и снабжены надписями «Прочь с дороги!». Получилась почти что карательная экспедиция отряда СС. Шила неизменно

появлялась с пистолетом на боку, по ее распоряжению неосаньясины стали создавать запасы оружия, регулярно упражняться в стрельбе. Было распространено заявление, что «любое нападение на коммуну захлебнется в крови».

В атмосфере этих истерических настроений «община любви» Раджниша превратилась в полицейское государство. Бхагва- на всегда окружали вооруженные автоматическими винтовками телохранители, кроме того, его парадный выезд с воздуха прикрывал приобретенный у ВВС США вертолет охраны. Рядовые члены и посетители сектантской коммуны находились под неусыпным контролем многочисленной внутренней полиции. Администрация штата Орегон в свою очередь также позаботилась о том, чтобы общину неосаньясинов беспокоили как можно меньше, и командировала в Раджнишпурам особый полицейский отряд, который носил обычное служебное обмундирование (в том числе увесистые кольца на поясе), но одновременно был снабжен кокетливыми кокардами и нашивками с сектантской символикой.

Раджниш был вполне удовлетворен снисходительностью американских властей, что обеспечивало ему постоянный приток богоискателей и возможность их беззастенчивой эксплуатации. В Орегоне сектанты работали по 12 часов в день и, кроме того, должны были оплачивать предоставленные им бытовые услуги в размере 280 долларов в неделю. Председатель специально созданного «Фонда Раджниша» Шила Сильвермен призналась, что «в этой организации речь идет вовсе не о религии, а о том, чтобы загрэбать деньги».

Неустанный труд тысяч молодых сектантов приумножал собственность, сосредоточенную в руках деспотических правителей. Последние упивались почти безграничной властью над рядовыми сектантами и культивировали стяжательство и разврат. Раджниш оказался падок на богатые подношения, начиная от усыпанных бриллиантами золотых наручных часов и кончая целым автопарком из 93 дорогих «роллс-ройсов». Кроме того, он получил известность как «секс-гуру», а его ближайшая помощница Сильвермен была изобличена в пристрастии к оргиям.

Вскоре разразился новый сокрушительный скандал, теперь уже на американской почве. На этот раз произошел разрыв отношений между «живым богом» и деспотичной Шилой Сильвермен, ведавшей всеми финансовыми и организационными делами в секте. Главари не поделили между собой власть и доходы, которые достигли весьма внушительных размеров: около полумиллиона саньясинов во многих странах мира неустанно приумножали их в сотнях пропагандистских центров, дискотек, ресторанов, строительных предприятий, общий торговый оборот которых составлял миллиардные суммы. Стяжательство снова привело Раджниша — одного из самых активных пропагандистов религиозного мистицизма — к катастрофе.

Тем не менее он не унывал, несмотря на скандальный разрыв с Шилой, которая, прихватив 55 миллионов долларов, бежала в ФРГ и выступила с

сенсационным разоблачением Раджниша как маниакального стяжателя и наркомана. После временного шока и первого порыва «бросить все» (Раджниш санкционировал публичное сожжение «Книги о раджнишизме» и даже призывал сектантов бросить в огонь свои ритуальные одежды и медальоны) он опять воспрянул духом и стал прилагать усилия к тому, чтобы вновь сплотить начавшую распадаться организацию неосаньясинов.

А ему пришлось пережить немалые унижения — арест и высылку из США после уплаты штрафа в 400 тысяч долларов за ряд юридических нарушений, отказ 21 страны в предоставлении ему пристанища. В Соединенных Штатах стали ликвидировать оставшееся от сектантов имущество: была продана роскошная коллекция «роллс-ройсов», Раджнишпурам пошел с молотка. Эту бывшую сектантскую столицу, в которой еще недавно проживало три с половиной тысячи постоянных жителей, с гостиницей, магазинами, транспортом и даже со своим крематорием никто не хотел покупать. В конце концов Раджнишпурам, оцененный в 28 миллионов долларов, продали на аукционе всего за 4,5 миллиона. Единственным претендентом на него стало страховое общество, в котором было заложено поместье. Результаты дармового труда десятков тысяч сектантов фактически оказались выброшенными на ветер. Жители окрестных поселков от души радовались исчезновению опасного соседа. Им неоднократно пришлось пострадать от поджогов, нападений и других выходов приверженцев Раджниша.

Досье пророка «мистического опьянения» будет неполно, если мы умолчим о его продолжительных и упорных попытках занести свое влияние в СССР. На протяжении многих лет эмиссары Раджниша появлялись у нас под видом туристов либо стажеров научных и учебных заведений, нелегально завозили пропагандистские материалы нового мистического культа и вовлекали доверчивых людей в группы неосаньясинов. В Одессе и Харькове сектантские эмиссары распространили большое количество ксерокопий зарубежных изданий произведений Раджниша, переведенных на русский язык, множество магнитофонных кассет с записями его проповедей. Алла Белеченко из ФРГ, действовавшая в нашей стране от имени одного из «Раджниш-центров», дважды посетила Киев, а затем Днепропетровск, где пыталась распространять учение зарубежного гуру среди своих знакомых и «духовно наставлять» склонных к мистическим искажениям молодых людей. Некоторые из них, бездумно доверившись мистике «раджнишизма», встали на путь тунеядства, бросили учебу и работу, порвали связи с друзьями и близкими, оставили свои семьи.

Вдохновители религиозно-мистических культов нередко встречают критику и осуждение своей деятельности со стороны трезвомыслящих представителей стран Востока, которые выдвигают лозунг борьбы с современным «гуризмом». Так, лидеры Национального совета молодых мусульман в Шри-Ланке прямо поставили вопрос о необходимости повсеместной борьбы против распространения псевдовосточных религий,

получивших название молодежных. Они считают эти религии новым видом империалистической диверсии. Как пишет индолог Александр Сенкевич, с данной точкой зрения нельзя не согласиться.

После столь детально обрисованной картины блеска и нищеты одной из сектантских «обителей любви» становится прост, как секрет Полишинеля, вопрос, вынесенный в заголовок этого раздела: «Что обретают, а что теряют искатели Бога?» — Они обретают религиозно-мистическую экзальтацию, которой, судя по их сетованиям, им недоставало в скучной атмосфере дряхлеющих церквей западных стран. Вместе с тем они упиваются мифическими иллюзиями о своем пребывании на земле обетованной, в эйфории которых они забывают (или стремятся поскорее забыть) вполне реальные человеческие жизненные утраты, подчас несущие на себе печать трагизма.

Богоискательский набор экзистенциальных иллюзий несложен, но тем не менее вполне привлекателен и позволяет его носителям компенсировать неудовлетворенность условиями своего существования. В этом наборе — идеи обретения подлинной свободы, смысла жизни, цельности личности, умиротворенного покоя, являющиеся для богоискателей синонимом счастья.

О том, что религиозная свобода есть подлинная, самая полная и окончательная, можно услышать от пропагандистов разной конфессиональной принадлежности. Несмотря на популярность этого лозунга, он — такой же миф, как и другие религиозные иллюзии.

Во-первых, в нем неправомерно отождествляются свобода существования различных религиозных исповеданий и духовная свобода в целом, а это не только не одно и то же, но далеко не сравнимые по своему значению, содержанию и величине принципы. Если только не придерживаться теологического понимания духовной культуры как производной от религии.

Во-вторых, религиозная свобода обычно понимается сторонниками упомянутого лозунга как привилегированное положение какой-нибудь одной религиозной организации, которую считают оплотом подлинного вероучения. В лучшем случае декларируется равноправие людей различной религиозной принадлежности, но при этом делается исключение для атеистов, которых именуют «нечестивыми безбожниками» и ограничивают тем право человека на свободомыслие в мировоззренческих вопросах, то есть ограничивают свободу совести религиозными рамками.

В-третьих, защитники религиозной свободы сами же противоречат себе, когда утверждают, что в сравнении с ней политические, социальные, экономические свободы — ничто. Ведь, по существу, они сами ратуют за объективную реализацию свободы религиозных убеждений, а она осуществляется как раз благодаря демократизму и равенству в социально-политических и экономических условиях жизни людей. Таким образом, субъективная свобода, свобода духа вполне реальна лишь на базе соответствующих объективных условий существования человека.

Именно объективными условиями не удовлетворены богоискатели, и в

этом состоит подлинный социальный смысл их «исканий». Следовательно, желанная им «религиозная свобода» оказывается превратной формой освобождения их от собственных условий существования — объективных и предметно-вещественных. К тому же результаты их «исканий» — еще более превратного свойства: не только не приближают их к вожаемой духовной свободе, а значительно отдалают от нее — как в плане свободы собственных убеждений, так и в плане свободы социальных прав человека.

На примерах организаций, созданных Бхагваном Раджни-шем, Дэвидом Бергом («Моисеем») или же Абаем Борубаевым, Аркадием Гринблатом, Александром Григорьевым, и многих других становится очевидным, какой деспотизм и подавление личности царят в обителях современных богоискателей. Им навязывают все: моральные нормы и мировоззренческие представления, неоплачиваемую работу и суровый распорядок жизни, а главное — неоспоримую власть сектантского владыки. Навязывают настоятельно, неотступно и нередко в самой жестокой форме. Если это свобода, то что же тогда тирания?

Тем не менее у приверженцев религиозно-мистических культов возникает иллюзорное чувство внутренней свободы. Это достигается двумя путями. С одной стороны, богоискатели «сбрасывают с себя оковы цивилизации», а точнее, порывают с исторически сложившимся процессом социализации, который включал их с ранних лет в систему общественной жизни благодаря полученному ими воспитанию и образованию, профессионализации и занятию определенным видом общественно полезного труда. Пафос этой десоциализации богоискателей, которые призывают к возврату в эпоху палеолита и порой в буквальном смысле «дичают», как раз и дает ложное ощущение свободы от существующего общественного уклада, принятых стереотипов сознания и поведения. Фактическим результатом такой десоциализации являются антиконформизм, контркультура, девиантные нормы поведения, то есть специфические модификации существующего образа жизни, которые в действительности способны еще более жестко ограничивать полноту социально значимых проявлений человеческой жизнедеятельности, чем общепринятые традиции.

С другой стороны, ложное ощущение свободы рождается у богоискателей благодаря освобождению их от необходимости самостоятельно принимать решения, подвергать сомнению и критике догматические положения и канонические ритуалы, оценивать свое собственное поведение, строго регламентированное в религиозной общине, или действия сектантского лидера. Иллюзорную свободу этого рода на молодежном сленге называют «пофигизмом».

Аналогично представлениям о свободе трансформируется у них понимание смысла своего существования, его нравственное восприятие и переживание. Религиозные антиконформисты отвергают смысл жизни, общепринятый в данной социальной среде, ищут его альтернативную модификацию с помощью нетрадиционных верований и в итоге

удовлетворяются тем, что составляет кредо сектантской жизни — периодическое приближение к божеству в мистическом экстазе и сакрализованная трудовая активность на благо секты и ее священных лидеров.

Следующая экзистенциальная иллюзия сектантов заключается в свойственной якобы только им целостности личности. Согласно тем или иным верованиям, в это важное понятие вкладывается откровенно религиозно-мистический смысл. Говорят о «благодати» глубоко верующего человека, о «завершенности», «наполненности» его личности, о ее «идентичности» и «самореализации». Что же здесь имеется в виду?

В первую очередь, конечно, не реальные типологические особенности личности верующего, которые неоспоримо существуют и играют важную роль в социально-психологическом, нравственно-поведенческом и других аспектах его жизни. Согласно религиозным трактовкам вопроса, человек может состояться как личность только в истинной и непоколебимой вере, если его душа просветлена воздействием божественного начала. Теологи и философы, доводящие эти рассуждения до логического конца, приходят к тезису о религиозной природе человека, о существовании человечества под именем *homo religiosus*.

Анализ богословской концепции личности показывает ее уязвимость во многих отношениях. Это дискредитация свободомыслящих, атеистов и даже иноверцев. Кроме того, требование непоколебимости в вопросах веры, то есть некритического отношения к ее догматике даже при допущении возможности свободы воли человека.

Но вправе ли богословы в таком случае говорить о целостной личности, самостоятельной в своих суждениях и оценках, суверенной в своих поступках и устремлениях? Конечно же, нет! Религиозное учение и каноническая обрядность, соответствующая нормативная мораль и строгий, ригористический образ жизни — все это неизбежно предполагает конформистскую личность, погрязшую в «церковной рутине», как о том не без основания говорят даже богоискатели.

Сами-то они декларируют по религиозным мотивам еще большее ограничение субъективно-личностных возможностей человека, вплоть до полного отказа от них. В религиозно-мистических течениях различной ориентации известны призывы к верующим отказаться от своего «я», от личностной позиции и «слиться с божеством». Таким образом, в своих крайних, мистических проявлениях религия ведет к обезличиванию человека, к утрате своей индивидуальности.

В романе «Мастер и Маргарита» Булгакова есть тонкая ирония по этому поводу. В одном из эпизодов могущественный и мудрый сатана, прозревающий механизмы суетного человеческого поведения, презрительно обращается к преданнейшему последователю божественного учителя:

— Что же он велел передать тебе, раб?

— Я не раб, — все более озлобляясь, ответил Левий Матвей, — я его ученик.

— Мы говорили с тобой на разных языках, как всегда, — отозвался Воланд, — но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются.

В этом кратком, как всегда у Булгакова, но очень содержательном замечании содержится большой философский смысл. Непоколебимый адепт вероучения, самоотверженный ученик сакрального знания оказывается всего лишь послушным винтиком конформистской идейно-мировоззренческой системы, а то и просто рабом проповедника сакральных истин.

Теория экзистенциальных иллюзий современных богоискателей не была бы завершена, если бы в ней отсутствовала категория счастья. Мотивом личностных устремлений человека всегда является желание достичь счастья, даже ценою страданий и невзгод. Его обретение в Царствии Небесном — тривиальная утешительская формула традиционного христианства и ислама. Современные нетрадиционные религии предлагают, как известно, альтернативную формулу: «Здесь и сейчас!» — и связывают ее реализацию с тайнами мистического озарения.

Обитатели ашрамов, всевозможных сектантских «семей» и «коммун» неоднократно удивляли посторонних наблюдателей своей погруженностью в эйфорически счастливое настроение. Некоторые посчитали это за ловко разыгранный обман, другие увидели в том своеобразный этикет, третьи — отработанную психотехнику самовнушения. Есть несомненная доля правды во всех этих суждениях. Но главное все же в другом. Многие мистики-богоискатели не притворяются в своем ощущении счастья — в том-то весь и ужас!

Но какое это счастье — вот в чем вопрос. Может быть, пьянящее состояние мистического экстаза и составляет все счастье богоискателей? Религиозный экстаз, конечно, сродни наркотическому, хотя у них отчасти разное содержание, но не настолько, чтобы препятствовать их сближению и даже синтезу на практике. Оба экстатических состояния порождают при большой своей интенсивности явление маниакального пристрастия, одержимости и ведут человека к несчастью, трагедии и даже гибели. Следовательно, речь идет все же не о главном, а о сопутствующем моменте в ощущениях богоискательского счастья.

Счастьем называется переживание человеком исполнения своих целеполагаемых устремлений. И богоискатели, обретшие альтернативный религиозно-мистический образ жизни, в этом смысле нашли счастье, свою землю обетованную в ашраме, у ног «живого бога». Потому они могут быть вполне искренни в своем умиротворенном состоянии духа, чувстве покоя и внутреннего довольства. Да, субъективно они могут быть счастливы.

Но есть ведь и объективные, культурно-исторические, социальные критерии, позволяющие сделать несомненный вывод об иллюзорности и ложности возникшего у них чувства счастливое самодовольства. Социологические исследования и наблюдения, реакции родных и близких людей, наконец, собственные признания богоискателей после того, как чары мистицизма спадают с их глаз, — все это свидетельствует о погруженности

человека в своеобразную духовную анестезию, в эйфорию искаженного восприятия реальности.

Призрачное, иллюзорное счастье бывает сладким, подобно снам очарования. Действительное счастье не бывает без преодоления невзгод, трудностей и горестей. Ибо реальный, земной путь — всегда тернист, зато это твердая дорога к Храму, а не метания за болотными огоньками и неправдоподобно величественными миражами. Итак, счастье для мистика — это уход от реальности, особое психическое состояние пребывания в сладостном мире грез, достижение религиозного экстаза, мистического «озарения». Оказывается, здесь накоплен огромный опыт, существует целый арсенал весьма эффективных средств воздействия на человеческую психику. Так что же представляют собой эти средства, какими путями достигает мистик своей вожденной цели?

## **Глава 8**

### **Тайны мистического озарения**

Сегодня многие слышаны о мистическом экстазе. Богоискатели захлеб рассуждают о буддийском погружении в «нирвану», о достижении «просветления», или «сатори», в древней секте дзэн, о вхождении йогов в состояние «самадхи». Аналогичные по сакральному смыслу и психологическим механизмам экстатические состояния издавна практикуются мусульманскими мистиками-суфиями, приверженцами ряда христианских течений и сект, а также других направлений религиозного мистицизма. Исток у них общий — шаманское камлание. Эта древнейшая форма ритуальной экстатической обрядности известна у всех народов, у которых были засвидетельствованы элементы первобытно-общинной культуры, и считается одной из ранних ступеней в историческом развитии религиозного культа.

Ныне в религиозно-мистических течениях вновь возродилась практика религиозного экстаза в его экзотических формах шаманизма и восточного мистицизма. Внецерковные религиозные течения, настроенные обновленчески, берут на вооружение нетрадиционную обрядность с ее пристрастием к методам достижения экстатического транса. В состоянии «озарения», заявляют богоискатели, им интуитивно открывается сущность мироздания, на пути иррационального постижения мира они проникают в самую глубину его строения и одновременно схватывают его единство и целостность. В этом нынешние обновленцы следуют давней исторической традиции мистицизма. Еще суфии заявляли, что их познание не нуждается в доказательствах и достигает своей цели непосредственным слиянием духа с сущностью и истиной. Это слияние совершается в экстазе. Экстаз есть последняя «станция» (так суфии называли измененное состояние сознания) на пути растворения в абсолюте.

Парадокс нашего богоискательства заключается в том, что апологетические рассуждения о мистическом «озарении» нынче можно услышать из уст представителей творческой интеллигенции, которые

считают себя убежденными атеистами. Они вовсе не собираются «сливаться с Абсолютом» в мистическом экстазе, а надеются найти в восточных методах интенсификации интуитивно-иррационалистического познания новые, эффективные средства научного исследования и художественного творчества.

Согласимся, что вопрос этот нетривиальный. На Западе многие нетрадиционные мистические культы — Бхагвана Раджниша, трансцендентальной медитации Махариши Махеш Йоги, Арика, Семинары Эрхарда, Сады Гандальфа и масса других предлагают своим клиентам не просто психическое здоровье, а качественное совершенствование их духовных способностей, вплоть до экстремальной степени. В сайентологии, например, за большие деньги обещают «расширить» сознание любого человека, поднять его на сверхнормальный уровень фантастических «тетанов» — космических предшественников человеческой цивилизации, что равносильно, как уверял основатель этого международного движения Рон Хаббард, достижению божественного совершенства и всемогущества.

Мистифицированная психотехника получила распространение и у нас: достаточно указать на созданный Александром Григорьевым психонаркологический культ или группу «Коммунистического самопрограммирования». Первоначально это была известная в Подмосковье физкультурно-оздоровительная группа «Космос»; но когда в начале 1980-х годов ее лидером стал инженер Я. И. Колтунов, она постепенно приобрела черты мистического культа. Сделалось правилом созерцание Брахмана и молитвенное обращение к Яну Ивановичу, обещавшему каждому превращение в супермена. Адепт нового культа якобы мог без труда удвоить объем своей памяти, раз в 20 увеличить скорость чтения и обогнать в счете иные ЭВМ, за год изучить несколько языков и т. п. Его рост, осанка, объем и формы различных частей тела — все могло быть решительно изменено к лучшему. У доверчивых людей умело подогревались мистические настроения и средствами внушения пробуждались грезы.

Оккультисты назвали себя группой «Коммунистического самопрограммирования», поскольку мечтали с помощью магической терапии превратиться в идеальных личностей коммунистического будущего.

Во всех случаях достижение различных состояний религиозного сознания, и прежде всего самого главного — религиозного экстаза, связано с таким всем известным явлением, как интуиция. В данной ситуации задействована особая ее разновидность — религиозная интуиция. Но существуют и другие ее виды, использующиеся как средство познания: интуиция научного исследования (теоретического и экспериментального), художественного творчества и т. д. Все они играют большую, часто незаменимую роль в соответствующих направлениях человеческой деятельности.

Интуиция — это особый инструмент нашего сознания, который используется по-разному для решения многообразных задач и достижения

далеко не одинаковых целей. Без нее не обойтись при построении эвристических гипотез в науке, реализации эстетических ценностей в произведениях искусства, наконец, при формировании рационально-образной картины мира, наполненной нравственно-эстетическим содержанием. С другой стороны, она играет активную роль в религиозной жизни, способствует усвоению мистических образов и представлений, является стержнем нравственно-психологических переживаний верующего и обеспечивает в конечном счете углубление и развитие его иллюзорного мироощущения.

Коротко говоря, интуиция в сфере религии имеет свой специфический предмет и функциональную направленность, чем она существенно отличается от своих проявлений в области научного творчества и искусства. Поэтому вряд ли целесообразно ставить вопрос о возможности заимствования религиозной интуиции для научно-познавательных целей.

Интуиции принадлежит важнейшее место в системе средств религиозного сознания, а в ряде мистических направлений, таких как дзэн-буддизм, она не только доминирует, но и считается единственно возможной и допустимой формой познания «священных истин».

Рассмотренные гносеологические характеристики интуиции еще не раскрывают всех тайн мистического озарения, а позволяют сделать лишь первый, хотя и принципиально важный шаг в этом направлении.

Обратимся теперь к биофизиологической стороне вопроса — к функциональной асимметрии человеческого мозга. Здесь оказываются скрыты механизмы продуцирования измененных состояний сознания, позволяющих якобы постигать божественную мудрость, а то и путешествовать в потусторонний мир.

В ходе клинических исследований выяснилось, что полушария человеческого мозга не дублируют друг друга, а по-разному обеспечивают контакт с различными областями внешних раздражителей. Левое полушарие занимается логическими и аналитическими операциями, ведает основными речевыми функциями, управляет обычно более активной у человека правой рукой и в целом играет доминирующую роль.

Правое полушарие, в отличие от левого, дает целостную картину реальности, является основным в постижении пространственных отношений, создании зрительных и образных представлений, в частности музыкальных. Оно не играет доминирующей роли в обычной жизнедеятельности человека. Вот эти-то сложные механизмы человеческой психики и подвергаются глубокому воздействию посредством всякого рода психотехник, в том числе медитации, и наркотических препаратов. При этом происходит целенаправленное выключение из психологической деятельности левого полушария мозга и стимуляция правого полушария, то есть подавление рассудочно-речевой и чрезмерное усиление представленической активности сознания, переходящей в настоящую генерацию различного рода галлюцинаций.

Эти два рода воздействий на сознание индивида, идущие в прямо

противоположных направлениях — подавления и стимуляции, постоянно присутствуют в наставлениях и ритуальной практике мистических культов. Так, например, в дзэн-буддизме тщательно разработана доктрина дискредитации рациональнопознавательных возможностей индивида. «Ум человека, — говорят дзэнцы, — обезьяний ум. В нем источник заблуждений и неудач. Его следует систематически подавлять с тем, чтобы окончательно избавиться от него». Из современных мистиков эту идею особенно настойчиво проповедовал Раджниш, призывая своих последователей «растоптать интеллект» и стать «незнающими и невежественными». Древняя традиция обскурантизма, свойственная мистикам разных эпох и народов, обнаружилась и у «ивановцев-порфирьевцев» в нашей стране. Их активный проповедник Олег Быков заявлял, например, обращаясь к своим слушателям: «Мы шибко же грамотны. Такой, понимаете, интеллектуализм у всех!» В своих выступлениях он упорно навязывал обскурантизм и утверждал, что «стремление к знанию — это кормление интеллекта», недопустимая умственная развращенность. К своим наставлениям Быков добавлял исполнение особой молитвы, в которой провозглашал: «Ум скепсисом богат и недоверье расточает... Интеллект всегда обманет, доверия лишает он».

Усилия мистиков в области подавления активности интеллекта находят свое продолжение в многообразной стимуляции измененных состояний сознания. Для этой цели применяются различные по своему действию средства, начиная от специальной психотехники, физических воздействий на организм (особые дыхательные упражнения, голодание, экстремальное охлаждение и т. п.) и заканчивая употреблением всевозможных наркотиков. В дзэн-буддизме известно такое своеобразное средство для достижения измененного состояния сознания (сатори), как медитация с помощью коана. Последний представляет собой особое высказывание, нарочито лишённое рационального значения и поэтому способствующее при упорном его «созерцании» сначала подавлению рассудочного мышления, а затем — спонтанному проявлению интуитивного «схватывания» алогичного смысла коана в форме экстатического переживания — «просветления». Используются в дзэн и уж совсем странные для непосвященных средства психического пробуждения — техника шокового воздействия. К ней относятся неожиданные, резкие восклицания типа междометия «хэ!».

Известен такой эпизод из истории предшественницы японского дзэн-буддизма — китайской секты чань. Некто Линьци пришел в монастырь настоятеля Цзиншаня и прямо с дороги, с дорожной сумкой на плечах, вошел в зал для лекций и медитаций, где сидел сам наставник. Не успел Цзиншань поднять голову, как Линьци неожиданно закричал на него: «Хэ!» Цзиншань в замешательстве открыл рот, не найдя что ответить. Линьци тряхнул рукавами и вышел. Далее сообщается, что, узнав о поражении своего наставника, ученики ушли от него. Реакция учеников была вполне закономерной, комментирует этот эпизод востоковед Н. В. Абаев, так как, не найдя подходящего ответа во время поединка-диалога с Линьци, Цзиншань

проявил полное отсутствие интуиции. Поведение Линьцзи было расценено как более соответствующее духу чань, в котором доминирует культ экстатического переживания, а не проповеди посрамленного им настоятеля монастыря.

В целях все той же шоковой терапии в чань и дзэн практикуются удары и затрещины, которыми мастер награждает ученика, рассчитывая вызвать у него скачкообразное изменение сознания. Поскольку секта учит терпеливо сносить невзгоды, не быть взыскательным, то порой поражаешься «жестокости» и «грубости» действий мастера. Известны случаи, когда ученику ломали ноги, и из-за этого он становился хромым на всю жизнь, или бросали в лицо тряпку, которой он мыл пол. Впрочем, приверженцы древней секты и сами могли продемонстрировать на себе потрясающей силы шоковые воздействия, например отрубить себе руку. Здесь невольно возникает сопоставление с отцом Сергием из рассказа Льва Толстого — приемы религиозного мистицизма сходны в разных конфессиях.

Своеобразные процедуры психотехники получили распространение в суфийских орденах. Они известны под названием «зикра» — молчаливого или громкого. В первом случае совершается коллективная безмолвная медитация собравшихся в обители — текке группы учеников — мюридов под руководством их наставника-ишана (шейха или пира). Во втором случае собравшиеся усиливают свое экстатическое состояние ритмическими выкриками и особыми телодвижениями, которые иногда имеют довольно сложный характер. Так, члены суфийского братства мавлавия во время коллективного зикра и радений пели и танцевали под аккомпанемент музыкальных инструментов, а также вращались и подпрыгивали. Благодаря этому ритуалу мавлавия в Европе была известна как братство «крутящихся дервишей».

В современных врачевательных культурах полумистического характера в качестве медитационных средств нередко используются обычные виды физической тренировки (бег, лыжи, теннис и др.), которые проводятся при специально выбранном темпе и максимальной расслабленности: монотонность движений, отвлечение от результативных показателей — скорости, длительности дистанции. Все это способствует погружению человека в успокоительно-созерцательное настроение. Один из участников группы «Коммунистического самопрограммирования» рассказывал мне, что достигал эйфорического состояния экстаза на 10-километровой дистанции «интеллектуального бега трусцой».

Как показывают история и современная практика мистицизма, для формирования соответствующего мироощущения и специально для вызывания-экстатических переживаний используются не столько отдельные прикладные виды физической культуры, подобные перечисленным, сколько более широкие системы индивидуальной жизнедеятельности человека, имеющие аскетическую направленность, — особая диета, режим дня (практикуется, например, чрезвычайно раннее пробуждение, общее недосыпание, продолжительное погружение в медитацию и т.д.), замкнутый

образ жизни.

Средства психофизического воздействия на человека, служащие стимуляции у него религиозно-мистических переживаний с наступлением в итоге экстатического состояния, разделяются на три функциональных уровня различной временной продолжительности. Первоначально это аскетизм, охватывающий все проявления человеческой жизнедеятельности. Благодаря этому создаются продолжительные глубокие смещения в нормальной физиологии и психологии индивида. На их основе затем развивается воздействие специальных процедур типа медитационных упражнений. В результате процесс психологических изменений быстро усиливается, нарастает. Наконец, на высшей точке напряжения наступает своеобразный кумулятивный эффект, вызывающий переживание экстаза. Его обычно вызывает случайное, совершенно незначительное постороннее воздействие на человека, поэтому принято говорить о спонтанном характере «пробуждения».

«Эти методы, — пишет Н. В. Абаев, — выглядели очень эффективно, одним ударом или восклицанием завершая длительные и очень мучительные духовные поиски ученика, хотя главная работа совершалась внутри его психики, а не вне ее, и шоковое воздействие лишь подводило черту (причем, возможно, далеко не последнюю) под определенным периодом психической саморегуляции. Такого рода удар можно сравнить с последним взмахом кисти, которым опытный мастер завершает свое творение и без которого оно будет неполным, незаконченным.

Чтобы оказать нужное воздействие, метод „шоковой терапии“<sup>а</sup> должен был применяться очень своевременно, именно в тот момент, когда психика ученика достигла необходимой стадии развития и для прорыва к „просветлению“<sup>44</sup> требовался внешний толчок, зачастую совершенно незначительный. Чаньские учителя-наставники сравнивали подобную ситуацию с встряхиванием дерева, на котором находится созревший плод: достаточно потрясти дерево и плод упадет, но если он еще не созрел окончательно, то трести бесполезно»<sup>х</sup>).

В дзэнских рассказах отмечаются самые различные, крайне незначительные сами по себе «события», сыгравшие роль спускового крючка для дзэнца, находящегося в глубокой медитации и вдруг испытавшего благодаря их воздействию давно желанное сатори. Средневековый японский поэт и художник Икюо Содзюн, медитируя в рыбацкой лодке посреди погруженного в глухую ночь озера, испытал экстаз, услышав крик ворона. Рассказывают о монахе, который впал в сатори из-за скрипа тростника, задевшего крышу его хижины. Подобные истории очень реалистичны в описании условий и факторов наступления экстатического переживания. И хотя в них речь идет о длительном и упорном «поиске» сакрального состояния, на что уходят годы, а то и десятилетия, растрачивается колоссальная творческая энергия мистика, становится очевидно, что дело не в некоем таинственном процессе пробуждения высшего, сверхъестественного

начала в человеке, а в целенаправленной подготовке и формировании искусственно вызываемого измененного состояния сознания. Какие же эффекты сулит мистику его долгожданный экстаз?

В процессе медитации могут появляться красочные галлюцинации, которые по силе порой значительно превосхо-

<sup>1</sup> ^ **Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. С. 110-111.**

дят обычное восприятие объективной реальности. Средневековый мусульманский теолог, большой знаток суфийской мистики ал-Газали писал, например, что экстатические галлюцинации по своей силе сравнимы с блеском кинжала, сверканием молнии, так что реальный мир представляется мистику, скорее, похожим на тень или слабое отражение обуревающих его образов. Ал-Газали сообщал о суфиях, что они достигают видений в бодрственном состоянии, видят ангелов, слышат их голоса и мудрые советы.

История европейского мистицизма знает почти прямые аналогии отмеченным экстатическим переживаниям мусульманских мистиков. Английский поэт и художник Уильям Блейк сравнивал посещавшие его красочные видения с фейерверком ослепительного огня. Шведский мистик и теософ Сведенборг, объявив себя «духовидцем», поведал в многотомных аллегорических комментариях к Библии о своем систематическом общении с райскими небожителями.

Современные пропагандисты религиозного мистицизма активно эксплуатируют галлюциногенные переживания в качестве аргументов своей богоизбранности и получения откровения свыше. Мун неоднократно заявлял о своих постоянных «беседах» с Христом, Буддой, Мухаммедом. Основатель секты «Дети бога» Дэвид Берг также периодически сообщал в своих пастырских посланиях об очередном сеансе «встречи с Богом». Следуя этой давней традиции, московский мистик Аркадий Гринблат утверждал, что несколько раз в состоянии транса общался с богом Шивой и известным индийским проповедником, основателем ведантизма Рамакришной. Делал он это не ради «пущей важности», а чтобы убедить своих мистически настроенных последователей в том, что является адептом могущественного Бога и просветленного мудреца Индии. Из таких мистификаций Гринблат умел извлекать немалые материальные выгоды для себя. Однажды, сославшись на указание преемника Рамакришны, известного религиозного и политического деятеля Вивекананды, Гринблат убедил своих приверженцев преподнести ему в дар автомобиль и кооперативную квартиру. И это несмотря на то, что Вивекананда умер в 1902 году и никак не мог предвидеть появления у нас доморощенного гуру.

Подобные «злоупотребления» руководителя культа психологической зависимостью мистиков — дело обычное, и мы еще не раз коснемся различных аспектов данного явления.

Сектантские наставники стремятся целенаправленно руководить медитационной практикой, формируя галлюцинаторные образы определенного содержания у своих подопечных. Дело в том, что изменение

психофизиологических систем под воздействием медитационных средств либо наркотиков хотя и приводит к специфическим искажениям ощущения и восприятия, само по себе не способно породить иллюзорного переживания, несущего мистическое содержание и играющего утешительно-компенсаторную роль в жизни личности. Как отмечал советский ученый Б. С. Братусь, «даже такой мощный препарат, как ЛСД, по силе и яркости действия многократно превышающий все дотолем известные наркотики, не обеспечивает сам по себе нужного направления галлюцинаторных образов; на Западе существует специальная категория ЛСД-тренеров, ЛСД-терапевтов, которые пошагово руководят своими подопечными, принявшими препарат, и объясняют им смысл возникших у них необычных состояний. Причем понятно, что сами эти состояния, будучи иллюзорными, отражают, точнее, конструируют, и некий иллюзорный мир, отъединяя человека от мира реального, затмевая его собой»<sup>3</sup>.

Известную попытку такого «конструирования» предпринял в 1960-х годах лидер психоделии Тимоти Лири. Он написал комментарии к «Книге мертвых» — священному канону тибетского буддизма, в которых стремился истолковать наркотические ощущения в контексте восточного мистицизма. Вскоре в том же направлении выступили Карлос Кастанеда со своими книгами об индианском маге Дон-Жуане и английский писатель Джон Лилли, автор мистически окрашенного произведения «Центр циклона». Они активно пропагандировали культ интенсивного употребления наиболее коварных по своему действию психотропных препаратов. При этом для формирования галлюцинации первый автор использовал сюжет встречи с духом кактуса пейотл, второй — фантастическое противостояние космических цивилизаций.

Между прочим, серьезные поборники религиозного мистицизма вовсе не сбрасывают со счетов всю сложность использования психотехники. Напротив, на их вооружении приемы и методы, тщательно отработавшиеся в течение многих столетий. Это сложное искусство психофизиологического воздействия, которое строго охраняется от непосвященных, заботливо передается из поколения в поколение, от учителя к избранному им ученику в условиях их тесного, доверительного личного общения на протяжении порой нескольких десятилетий.

Древние мастера мистического психотренинга знали не только его сложность, тонкость, но также возможные здесь неудачи и опасности роковых ошибок. Поэтому учеников тщательно отбирали, учитывали возрастные и индивидуальные особенности. Тем не менее не всегда удавалось избежать тяжелых патологических изменений личности под воздействием практики мистицизма. Достаточно известна была «дзэнская болезнь», сопровождавшаяся потерей речи и необратимыми изменениями в самоидентификации. Она наступала в результате чрезмерного торможения

---

<sup>3</sup> Прохусь Б. С. Аномалии личности. М., 1988. С. 234-235.

<sup>^</sup> Штейнер Е. С. Иккю Содзюн. Творческая личность в контексте средневековой культуры. М., 1987. С. 72.

левого полушария в условиях его длительного отключения и возбуждения активности правого полушария человеческого мозга. Разумеется, подобные болезненные психофизиологические расстройства свойственны не только последователям секты дзэн, но и вообще приверженцам интенсивной медитационной практики. Как сообщает отечественный востоковед Е. С. Штейнер, один из любимых учеников Конфуция страдал этой болезнью: по три месяца с трудом мог говорить, был медлителен в речи и запинаясь. Тем не менее данное болезненное состояние конфуцианцы мистифицировали, приписывая ему сакральное значение. Это измененное состояние сознания называли «жэнь», его обладатель считался «благородным *мужем*». Названный ученик Конфуция умер молодым, потому что нарушил бимодальность сознания, в результате чего у него отказал ряд жизненно важных психических функций. О том, что подобные издержки этих довольно опасных экспериментов над психикой человека были не столь уж редки, свидетельствует популярный в средневековой китайской литературе образ сумасшедшего монаха — отмечает другой наш востоковед Н. В. Абаев.

О характерном случае развития навязчивой идеи в результате практики дзэн рассказывает хронист одного тибетского монастыря. В нем ученики поселялись на 3 года 3 месяца и 3 дня и все это время непрерывно совершенствовались в медитациях под наблюдением своих наставников, причем ежедневная норма достигала 10 и более часов медитации. Один из учеников вскоре стал замечать появление в поле своего зрения паука, который раз от разу увеличивался и все больше надвигался на него.

— Что ты собираешься с ним сделать? — спросил в ответ на жалобы ученика его наставник, желая скорректировать неблагоприятное развитие медитационных представлений у своего подопечного.

— Я ударю его кинжалом, — ответил тот мастеру.

— Нет, не делай этого сейчас. Подожди. В следующий раз, когда вновь увидишь надвигающегося на тебя паука, поставь на его брюхе мелом крестик — на том самом месте, куда ты собираешься ударить своим кинжалом.

На другой день вечером ученик пришел вновь к мастеру и сказал, что выполнил все в точности.

— Посмотри на свой кожаный передник, — сказал мастер дзэна. — Ты поставил мелом знак точно в середине своего живота.

Опуская назидательный смысл этой притчи о внимательном наставнике и послушном ученике, отметим вполне реалистическое описание патологической галлюцинации, развившейся под воздействием интенсивной психотехники. Медитатор утратил адекватное восприятие окружающего пространства и даже свое тело воспринимает как чужеродный, угрожающий ему объект.

Подобная глубокая деформация сознания мистика, нарушение адекватного представления об окружающем и своем месте в мире, утрата своего самосознания как субъекта познания и деятельности, растворение своего «я» и содержания своего индивидуального сознания в объективной

реальности — закономерные, специально культивируемые черты личности, глубоко проникнутой мистическим мироощущением. Е. С. Штейнер пишет: «Заслуживает внимания то, что практически все термины в разных языках, обозначающие особое состояние психики, негативны. Измененное состояние сознания определяется прежде всего как отсутствие нормального сознания — „без-умие“, „с-ума-сшествие“, „муга, уво, анатман<sup>a</sup>, „мусин, усинь, ачитга“, „транс“, „экс-таз<sup>a</sup> и т.д.»<sup>3)</sup>.

Дореволюционный исследователь мистицизма в исламе К. Казанский указывал, что мистик утрачивает понимание пространственно-временной зависимости явлений своего сознания, их объективную причинную обусловленность. Внешний мир становится ему чуждым.

Воздействие на биопсихологические механизмы сознания различных медитативных техник может быть столь глубоко, что наступившее измененное состояние плохо или совсем не поддается описанию — ни речевому, ни образному. На него можно лишь «намекнуть», как это делается в древних дзэнских текстах, которые сообщают, что достигший сатори увидел «солнце в полночь». Но в принципе данное состояние нельзя понятно передать, поскольку оно вызвано вне рамок обыденного нормального сознания и не может быть выражено языковыми средствами с их последовательными описаниями. Поэтому в ходу сакрально-иносказательная терминология: «пробуждение», «просветление», «мистический транс».

Крупнейший средневековый теолог и философ аль-Газали, хорошо знавший специфику суфийской медитации благодаря тому, что, оставив преподавание мусульманской теологии, два года занимался экстатическими упражнениями, прибегает к стихам, поскольку экстаз не поддается простому словесному описанию:

Ощущаемое мною я не берусь определить.

Смотри на меня, как на вкушающего блаженство,

И не вопрошай.

Однако если субъективное, внутреннее содержание мистического озарения не всегда ясно и определено (даже в случае наличия ярких галлюцинаций они все же нуждаются в истолковании с позиций того или иного вероучения), то личностный смысл и объективное значение для жизнедеятельности человека этих специфических переживаний носят достаточно определенный характер. Рассмотрим подробнее эту сторону вопроса — объективные последствия воздействия мистического экстаза на поведение личности и систему ее взаимоотношений в сектантской группе, а также представления верующих о благодатном влиянии на них религиозного экстаза, в котором им видится ниспосланная свыше божественная милость либо пробудившееся сакральное начало, в равной степени обещающее страстно желаемое ими спасение или выход из вечного круговорота жизни и смерти — буддийской сансары.

Если попросить верующего человека кратко выразить значение религии, то в ответ мы чаще всего услышим, что оно состоит в «божественной

истине». Последняя и составляет содержание Священного Писания — будь то христианская Библия, мусульманский Коран или иные религиозные произведения, явившиеся результатом «божественного откровения». Мистики же утверждают, что воспринимают «божественную истину» непосредственно, в особом состоянии религиозного транса или «озарения». В эмоционально-психологическом плане оно широко известно и за пределами собственно религии и мистицизма как переживание экстаза, вдохновения и проявляется в высоком эмоциональном напряжении, нравственно-эстетическом подъеме, вспышке творческой активности. Поэтому так высоко ценится поэтическое вдохновение: Пушкин посвятил ему свое известное стихотворение, Скрябин написал удивительное по своей динамичности музыкальное произведение «Поэма экстаза». Бесспорно, велика роль творческого вдохновения в науке, которое обладает большим эвристическим потенциалом и доставляет большое наслаждение тем, кто его пережил.

Таким образом, переживание экстаза свойственно всем людям, независимо от рода их деятельности, но при обязательном условии наличия в ней нравственно-эстетического содержания (реального или воображаемого). Следовательно, в своей эмоционально-психологической форме переживание религиозного экстаза соответствует общему характеру активности человеческой психики, как и другие проявления религиозных чувств. По форме они одинаковы у верующих и неверующих, но различны по своей предметной направленности. Религиозные чувства сакрализованы, мистифицированы — их предметом является божественное начало определенного мифологического или символического содержания. Благодаря этому им приписывается особая ценность и высокое значение. Более того, они онтологизируются, то есть трактуются как обнаружение потустороннего, трансцендентного начала, согласно сакраментальной формуле «Бог есть любовь». Ярко это проявилось в поэзии суфиев, воспевавших неугасимую любовь к Богу. Фетишизируя свое чувство, суфии трактовали его как божественное начало, в котором они растворяются. Средневековая поэтесса суфи Ра-бия взывала к Богу как к возлюбленному, стоя ночью на крыше.

Мистический экстаз традиционно понимается как приближение и даже слияние с божеством, в чем состоит конечная цель духовного совершенствования мистика. Именно поэтому религиозно истолкованное измененное состояние сознания занимает центральное место в жизни мистика, доминирует по своему ценностному значению. Этим же объясняется и претензия многих мистиков на обладание ими божественной истиной. Так, например, известный средневековый суфи ал-Бистами отождествлял себя с Богом, что отчасти, видимо, связано с той пантеистической традицией, к которой он принадлежал, будучи по происхождению из сословия персидских магов (мобедов). Предание говорит, что ал-Бистами, когда к нему стучали в дверь и звали по имени, обычно отвечал: «Разве кто-нибудь, кроме Бога, может быть в доме?» Ортодоксальный ислам отрицал правомерность мистической доктрины суфизма о возможности слияния с Богом и жестоко преследовал ее

приверженцев. Известный суфи Мансур эль ал-Халладж был четвертован за то, что называл себя Истиной, или Богом. Невероятные страдания этой мучительной казни он не ощутил, будучи в состоянии экстаза.

Нечувствительность к боли, возможность без вреда переносить сверхнормальные физические нагрузки в экстазе издавна использовались для мистификации этого состояния. Широко известны способности йогов демонстрировать подобные экстремальные феномены с помощью самогипноза. Приведем необычный пример этого рода из истории суфиев. У одного из суфийских орденов в Африке существовал поражающий наблюдателей ритуал чествования прибытия шейха. На площади укладывались на землю рядами члены ордена — мюриды, а затем по их спинам неторопливо проезжал на коне величественный шейх. Благодаря гипнотическому состоянию, в которое были погружены распростертые на земле сектанты, никакого вреда им не причинялось. Видимо, в экстазе они не испытывали и боли от копыт лошади, ступавшей по их спинам, ногам и рукам. К подобной гипнотической анестезии прибегали в прошлом фанатики, бесновавшиеся во время кровавого мусульманского праздника шахсей-вахсей (аигуры). Некоторые из них доходили до такого исступления, что начинали бить себя специальными кинжалами по голове.

Обычно состояние экстаза относительно непродолжительное. О нем говорят как о мгновении. Поскольку для мистика экстаз обладает высшей ценностью, его стараются продлевать. Вспомним сообщение о любимом ученике Конфуция, который по три месяца кряду пребывал в измененном состоянии сознания. Основатель средневекового кришнаизма Чайтанья, по преданию, все три последних года своей жизни находился в непрерывном экстазе. Ему представлялось, что вместе с ним поют священную мантру, восхваляющую Кришну, обитатели джунглей. Этот канонический сюжет, кстати сказать, можно увидеть у наших кришнаитов на красочных лубках: олень, тигр, обезьяна прославляют Бога. Чайтанье казалось вместе с тем, что в ритме киртана сотрясаются горы и долины. Эту традицию экстатического песенно-танцевального ритуала возобновил в среде западных кришнаитов Бхактиведанта. Санкиртана стала не только рекламной визитной карточкой нового ориенталистского культа на Западе, но и демонстрацией антиконформизма примкнувшей к нему молодежи. Благодаря этому возникло и популярное наименование новой сектантской организации — Движение Харе Кришна.

У отечественных кришнаитов экстатический обряд киртан также занимал доминирующее место в культовой практике. Часами изо дня в день они совершали его на улицах, собирались для этой же цели долгими вечерами в своих квартирах-ашрамах. А уж в храме на Беговой — пляска в бешеном ритме. Даже в ленинградском кафе «Санкиртана» ритуальный экстатический обряд — непрерывное многочасовое действо.

Мистические культы с их экстатическими ритуалами Востока не случайно привлекли антиконформистски настроенную молодежь. В них она

видела средство тотального отрицания (по крайней мере внешнего) господствующего образа жизни, даже самой формы поведения и облика добропорядочных граждан. Религиозный мистицизм в его крайних, монашеских формах меняет саму походку человека. О монахах, собирающихся на церковную службу, говорили, что они не идут, а «текут» на богослужение. Столь своеобразным — спокойным и плавным, чуждым земной суетности — было их передвижение. Буддийским монахам в этом случае предписывалось постоянно смотреть в землю, в точку, расположенную в трех шагах от себя.

Культ мистического озарения, «получения благодати» или святости неразрывно связан с радикальным подчинением всего образа жизни мистика требованиям аскетизма и отшельничества. Это и есть то религиозное подвижничество, которое увенчивалось сознанием собственной святости и репутацией праведности среди единомышленников.

Крайняя «упрощенность» аскетического образа жизни является типичным стереотипом поведения, который присутствует в мистических течениях различных вероисповеданий.

В дзэн-буддизме аскетизм и отстраненность от суетных треволнений обычной жизни составляют одну из важных социальных доктрин. С наибольшей художественной наглядностью она выражена в притче о престарелом дзэнце, удалившемся в глухие леса для отшельнической жизни. Сохранились стихотворные строчки, написанные в традиционном стиле древней японской поэзии, эмоционально насыщенной религиозно-философскими размышлениями. В них передано кредо предельно упрощенного человеческого бытия:

Собираю дрова в лесу.

Ношу воду из ручья.

О, как это прекрасно!

Здесь все служит сакрализации незатейливой жизни отшельника: и примитивизм его потребностей, и уход от сообщества, и природная приземленность существования, почти лишенного черт цивилизации. Конкретные мотивы сакрализации отшельничества, конечно, неодинаковы в условиях феодальных отношений Китая и Японии, когда развивалась древняя секта чань (дзэн-)буддизма, и в современной молодежной контркультуре Запада, воспринявшей подобные антиконформистские настроения. Но коренятся эти мотивы в конфронтации с господствующей общественной системой, жестко ограничивающей социальную и духовную свободу человека.

Таким образом, социально-историческое значение отшельнического стереотипа поведения состоит в символическом выражении отчужденности, конфронтации и протеста. Но если оценить стереотип этого поведения как таковой, по существу, без символики социального протеста, приписываемой религиозному подвижничеству? Тогда перед нашими глазами предстанет трагедия убийственного самоограничения человеческой личности, отказавшейся от цивилизации, культуры и осуществившей низведение своего

социального бытия почти до животного или растительного уровня.

Впрочем, идеи дзэн, как и других религиозных течений, в определенных условиях принимают иную направленность. В этой связи напомним, что внутренняя противоречивость — вообще характерная черта религиозных идей и представлений. Она дает возможность воплощать в религиозной форме социальное содержание различной и даже противоположной значимости, ценностной ориентации и целевой направленности. Поскольку религиозные установки всегда так или иначе ориентированы в отношении господствующего общественного строя, они обладают биполярностью. Иначе говоря, религиозные установки (верующих, религиозных организаций и институтов) могут быть либо лояльными существующему общественному порядку, либо альтернативными ему. В первом случае религия оправдывает и защищает свою земную основу, во втором — в той или иной мере конфронтирует с ней.

Эта биполярность является как бы тем двойным светом, в котором по-разному, в зависимости от конкретных социально-исторических условий, предстает экстатический транс. В том же дзэн-буддизме мистификация объективной действительности может принимать прямо противоположное значение: в одном случае это будет сакрализация отшельничества, сектантской отрешенности от мира (о чем говорилось выше на примере притчи о лесном отшельнике), в другом случае дзэн возвращается к реальности, примиряется с простой и незамысловатой повседневной жизнью. Дзэн даже как бы кокетничает замысловатой софистикой этой парадоксальной смены своих установок в отношении реальности.

В краткой форме доктрина биполярного отношения к миру была, как это свойственно поэтике дзэн, выражена в такой внешне простоватой притче.

Учителя, мастера дзэна, спросили:

— Как ты воспринимал мир до твоего просветления?

— Я видел все, что было вокруг меня: леса, горы, ручьи.

— А что же ты увидел после того, как получил сатори, просветление?

— Я опять увидел все, что было вокруг меня: леса, горы, ручьи.

Понятно недоумение учеников, оно и является кульминационным пунктом этой своеобразной дзэнской беседы — мондо. С еще большим напряжением в поиске истины они вновь задают мастеру вопрос, в котором звучит почти отчаяние:

— В чем же разница между тем, что было до, и тем, что было после?

Ученики явно недоумевают, настаивая, что должна же быть разница, иначе зачем же сатори, иначе и не было просветления. Мы приведем сейчас ответ-разгадку, сказанную мастером, но она, скорее, похожа на новую загадку — такова уж природа этой замысловатой беседы учителя и учеников. Парадоксальность мондо также служит средством интуитивного постижения далеко не простых идей и представлений дзэн.

Итак, мастер, полный софистической иронии, отвечает:

— Раньше я просто видел горы как горы, леса как леса. Теперь я опять вижу горы как горы и леса как леса, но они теперь как бы несколько поднялись над земной реальностью.

Е. С. Штейнер расшифровывает эту образную символику так: восприятие реальности стало преломляться сквозь пережитый экстаз, стало окрашиваться представлениями о целостности, гармонии, умиротворенности.

Таким образом, в учении дзэн, прошедшем долгий исторический путь развития, прослеживаются две прямо противоположные установки — отстраненность, сектантский изоляционизм, отшельничество и умиротворенное отношение к жизни как она есть. Последнее подчас ошибочно принимается за подлинный реализм дзэн, а по существу, это лишь особенность религиозной семантики, при которой сохраняются исходные догматы вероучения и даже мистическое мироощущение, несмотря на внешне реалистические представления.

Тому свидетельство — живопись дзэн и вообще его эстетическая концепция. Приведем только один пример. Пейзажная живопись, воплощающая мировоззренческие ориентации дзэн, выглядит убедительно реалистически. Если художник изображает горный ландшафт, то тщательно выписывает величественные каменные громады, покрытые лесом, и кое-где показывает крохотные следы присутствия человека — едва заметные строения, изгороди, мосточки и еще более мелкие фигурки людей. Местами живописный ландшафт скрывается за клочьями тумана, поднимающегося из долин. Картина реалистична и во многом приближается к фотографическому изображению, сделанному с высоты. И тем не менее она выполнена вполне в духе мистического мироощущения.

Это подтверждает каноническая символика картины. Белые облака тумана символизируют у художника-дзэнца «пустоту, рождающую десять тысяч вещей», — это центральная идея философского мистицизма дзэн, и здесь она доминирует композиционно и в колоритном отношении. Следующий очень важный символ передан миниатюрными изображениями человека и результатов его деятельности. Это соответствует доктрине о «естественности» человека, его принадлежности к природе, в которой он — лишь незначительная по своей величине и роли крупица. В итоге художник передает реалистическими методами изображения сложную парадигму пантеистического мироощущения. В еще большей степени эти идейные черты присущи известным живописным и скульптурным изображениям тщедушного старого рыбака, тщетно пытающегося поймать при помощи тыквы-горлянки с ее узким горлышком головастую красавицу-рыбину. Эта картина — аллегория. За примитивизмом и нарочитой бессмыслицей изображаемого едва скрывается горькая ирония глубокого философского содержания. Все детали картины наделены знаково-символическим смыслом, без труда угадываемым современниками создания этого художественного произведения. «Рыбак» — это ограниченный в своих познавательных возможностях человеческий разум, а сверкающая всеми красками «рыбина» — истина, подлинное знание, которое неуловимо рационально-логическими

приемами мышления.

Подобное биполярное, но в равной мере мистическое отношение к действительности характерно и для известных у нас сект и культов, но проявляются эти особенности у них по-разному. Для кришнаитов в основном характерна сектантская отстраненность от социальной среды, изоляционизм. Яркий пример тому — поступок Чайтаньи, который, решив посвятить себя служению Кришне, бросил мать и сестру, оставив их без средств к существованию. Чайтанье оказываются высшие почести в секте, он признан воплощением Бога, а его совершенно безнравственный поступок возводится даже в ранг особой религиозной заслуги: он-де пренебрег узами материального мира ради приобщения к спиритуальному миру Кришны. Аналогично поступил Бхактиведанта, когда стал саньясином, — оставил навсегда жену и пятерых детей. Наши кришнаиты также подчиняют свои межличностные отношения, брачно-семейные узы древним сектантско-аскетическим установлениям и, не раздумывая, разрывают эти связи по религиозным мотивам. Вообще говоря, категории супружеской и родительской любви у кришнаитов не существуют, так же как и понятия дружбы, коллективизма и иных межличностных отношений, не построенных на религиозных началах. Для них семья — теократический институт, в котором, как мы уже говорили, супружеская близость допускается исключительно в целях рождения будущего сектанта и из-за этого резко ограничена в своих проявлениях.

Возникшие у нас врачевательные культы, напротив, имеют противоположную модификацию религиозно-мистического отношения к социальной действительности. Наглядно это видно в культе Порфирия Иванова с его пантеистическим восхвалением природы и мистификацией «природных средств закалки», обещающих чудодейственное врачевание. Здесь вовсе не декларируется отстранение от объективной реальности, изоляция от окружающих. Напротив, рекомендуется здороваться со всеми встречными, желать всем добра, помогать нуждающимся. А в целом сама «закалка» средствами голодания и экстремального охлаждения рассматривается вроде бы с прицелом на большую жизненную активность и плодотворность трудовой деятельности человека, хотя это, как мы убедимся далее, совсем не так.

Таким образом, любой из двух модусов биполярного отношения мистицизма к реальности далек от ее адекватного восприятия, каждый по-своему ее искажает и суживает. Этим объясняется порой удивительный отход от здравого смысла носителей религиозно-мистических настроений, способный даже подтолкнуть некоторых из них к катастрофе. Ивановцы, к примеру, умиленно-восторженно расскажут вам, что «учитель» однажды не ел и не пил около четырех месяцев, мог совершать и другие столь же невероятные чудеса. И в то же время они будут скрупулезно перечислять вам во всех деталях многочисленные врачебные диагнозы, констатировавшие у них самые коварные заболевания, которые вскоре безвозвратно исчезли

благодаря палочке-выручалочке, придуманной «учителем». Иfte же здесь здравый смысл? Чему верить — то ли чудесам, то ли врачебным диагнозам, исключающим возможность выздоровления?

Култ Лбая Борубаева был нацелен на то, чтобы превзойти здравый смысл путем реализации «сверхвозможностей человеческой психики», уже воплощенных, как декларировалось, в «учителе» и его помощнике Мирзе. Превзойти не превзошли, а вот отбросили здравый смысл, нравственность и человечность — это уж совершенно верно.

Журналист В. П. Харазов исследовал и тщательно анализировал психологическую мотивацию зверского убийства Талгата Нигматулина приверженцами этого культа во главе с самим «учителем» и его помощником. Они забили до смерти физически очень сильного человека, профессионального каратиста, не оказавшего сопротивления своим палачам. Не выяснив мотивации, мы увидим в этом садистскую жестокость вкупе с холодной невозмутимостью профессиональных истязателей — преступники делали перерывы в страшной палаческой акции и спокойно и неспешно подкреплялись на кухне, чтобы затем с новой силой наброситься на свою жертву. Журналист был поражен, когда услышал от истязателей и убийц, что те всего-то лишь хотели преподать «урок» провинившемуся «ученику» и вовсе не желали ему смерти. Но может быть, потом, увидев мертвое тело, они и в самом деле прозрели и содрогнулись от содеянного? Ничуть не бывало. Труп бросили в ванную, а вскоре Абай приказал только что пришедшей молодой женщине из числа своих раболепных приверженцев отрезать кухонным ножом голову мертвецу. Содрогнувшись, та отказалась это сделать.

А остальные? Были поражены, возмущены предложением совершить еще одно изуверство? Вовсе нет, по-прежнему отнеслись к распоряжению «учителя» спокойно. Так, наверное, могут вести себя только закоренелые преступники, садисты. А еще и мистики, утратившие здравый смысл благодаря измененному состоянию сознания и обуревающим их превратным иллюзиям. Мотивы совершенного ими истязания и последующего намерения отсекования головы были высказаны с ясностью, четкостью и убежденностью людей, давно уже невменяемых: «Мы думали (в том смысле, что знали, были убеждены), что Абай, не откладывая, воскресит прежде верного и любимого своего ученика — Талгата».

В этих словах звучит давний-предавний отголосок языческой магии, но сказаны они были выпускниками московских вузов и научным сотрудником одного из академических институтов — именно таким был состав карателей-каратистов, личной «гвардии» Абая и Мирзы. Мистическое «озарение» и безоглядное повиновение руководителям культа сделали их слепым орудием изуверского преступления.

Описанное смещение нравственного сознания культистской группы, сильнее всего проявившееся в превратных мотивах данного преступления, объясняется тем, что оно — неотъемлемая часть всех социально-религиозных утопий, опирающихся на механизмы измененного состояния сознания. На

Западе идеи «психоделического», а затем и «психотронного общества» появились давно и до сих пор имеют своих приверженцев. Американский поэт Алан Шинсберг попытался даже экспериментально проверить на самом себе справедливость концепции о повышении эффективности литературно-поэтического творчества благодаря приему наркотика. С этой целью одну из своих публицистических статей он написал в два захода: часть на свежую голову, другую — после приема психоделического препарата. Однако разницы, по общему мнению, обнаружить не удалось. Известный на Западе пропагандист восточного мистицизма Алан Уоттс взялся теоретически обосновать интеллектуальные возможности сюрреалистического видения мира, которое возникает после приема галлюциногенных препаратов. Однако и ему не удалось в специально написанной на эту тему книге «Радостная космология» показать что-либо более существенное, чем особенности чувства умиротворения и гармонии со всем существующим, наступающего в состоянии наркотического транса. Тимоти Лири пошел значительно дальше в своей на шумевшей книге «Политика экстаза», проповедующей чудодейственный взлет человеческой цивилизации на основе культа ЛСД. В его социально-мистической утопии сакральный наркотик обеспечивал не только высочайшее развитие физических, психических и интеллектуальных возможностей человека, но и исторический скачок в прогрессе экономики, культуры, общественных отношений.

Английский писатель Олдос Хаксли в своем романе «Остров» нарисовал картину утопического общественного строя, опирающегося на гипотетическое сверхнормальное развитие психических возможностей человека. Сторонники концепции «психотронного общества» всерьез обсуждают возможности высокого уровня эволюционного развития антропоморфных факторов в качестве альтернативы технико-экономическому прогрессу. В хронологическом измерении эту возможность помещают либо в предысторию человеческой цивилизации, либо в ее не столь уж отдаленное будущее. В первом случае рассуждают о том, что гомо сапиенс мог пойти якобы не по линии совершенствования своей орудийной деятельности в направлении к современному техническому производству, а в совершенно ином направлении, по пути эволюции своих (до сих пор гипотетических) паранормальных способностей и в результате создал бы не современную техническую цивилизацию, вступившую в противоречие с «природной сущностью» человека, а высокоцивилизованное «психотронное общество», в котором экстремально развитая психика обрела бы роль непосредственной производительной силы, минуя овеществленную форму орудийно-машинной деятельности. Поскольку «человек разумный» не воспользовался таким чудом раньше, ему предрекают эту счастливую возможность в будущем и даже называют в этой связи XXI век «психотронным».

В нашей стране также нашлись сторонники упомянутой утопии, некоторые даже на высоком академическом уровне. Логика их рассуждений

такова: обнаруженное экстрасенсорное восприятие является достоянием всех людей (хотя и в разной степени), а не только редко встречающихся экстрасенсов. Полагая, что эта способность в принципе поддается развитию почти у каждого, делают очень поспешное предположение: ей можно будет найти широчайшую область утилитарно-производительного применения — не только в медицине, но и для различных форм информационного обмена между людьми. Это явится революционизирующим фактором в развитии межличностного общения, системы образования, науки и культуры в целом. Попутно исчезнет и сама возможность войны: ясновидение положит конец военным секретам и тайным приготовлениям, а «усиление гуманистического потенциала личности» (и здесь пригодилась рекламная этикетка многих мистических культов) устранил вражду и агрессивность из облагороженных сердец человеческих.

Социально-религиозные утопии, как известно, существовали не только в сознании своих творцов, но и в реальной истории в форме многочисленных проектов воплощения утопических идей в жизнь. Причем критерием жизнеспособности этих утопий является как раз не само по себе их иллюзорное содержание, а те жизненные реалии, которые были в них закамуфлированы, но тем не менее на практике играли активную роль (это их конкретно-историческое значение в политической и социально-экономической жизни). Укажем в качестве примеров на воинственную теократию арабского халифата, на отличавшиеся деловой активностью протестантские общины, на сектантские коммуны, практиковавшие принципы социального равенства. Но нас в данном случае интересует другое. Оказывается, превращение религиозной деятельности таких социальных объединений в самоцель ведет к остановке их социального развития, деградации и гибели. Были, например, открыты в джунглях грандиозные постройки древних государств, погибших не от природных катаклизмов, не от опустошительных набегов враждебных народов, а от непосильного бремени храмового строительства, поглощавшего все материальные и людские ресурсы населения. Нечто аналогичное происходит и с общинами, которые придерживаются галлюцинаторного культа. Исследователи архаических культур утверждают, что коллективы, находящиеся на ранней стадии развития и не сумевшие преодолеть в своей социальной эволюции этап бытовой наркомании как средства ритуальной магии, относятся к тупиковым ветвям развития человеческой цивилизации, обречены на генетическое вырождение.

## ***Глава 9***

### **Герметики и наркобизнес**

Из сказанного выше следует вывод, что тайны сакрального озарения вовсе не так благовидны, как о том постоянно твердят проповедники мистического экстаза. Однако есть поистине страшные тайны, связанные с особым назначением культа экстатического переживания, что-то вроде сакраментальной седьмой комнаты во дворце Синей Бороды, наполняющей

сердце ужасом и оставляющей на тех, кто вошел в нее, несмываемые пятна крови. Речь идет об использовании мистифицированной психотехники для осуществления преступных намерений и о широко развернувшемся наркобизнесе.

Глубокая перестройка сознания индивида в целях, которые сегодня мы называем криминальными, берет свое начало в глубокой древности. Она сродни шаманскому перевоплощению, но в отличие от последнего служила не врачеванию и изгнанию вредоносных сил, а полному подчинению им. Приобрести для каких-то злых умыслов измененное состояние сознания означало «отдать душу дьяволу» и лишь много позднее стало характеризоваться как обмен или акт купли-продажи. До сих пор у ряда народов Азии и Африки сохраняются легенды о людях, из которых «вынули душу» и сделали их безжалостными убийцами.

Однако в отдельных африканских регионах все еще сохраняется ритуально-магическая практика подобного рода. Современные исследования показывают ошибочность упрощенных представлений об отмирании архаических обрядов психоделической трансформации личности в условиях перехода древних культур на цивилизационный путь развития и становления государственно-правовых форм

общественной жизни. Приведем новейшие сообщения на этот счет — о бандах кровавых убийц, способных «перерождаться» в своего родоплеменного тотема — леопарда.

Речь пойдет не о столь уж редком случае расправы над своим же соплеменником, проболтавшемся под хмельком американским туристам о самом сокровенном, о существовании «тайных обществ», к которым и принадлежали означенные «леопарды». Вот как проходила эта чудовищная операция в реконструкции антрополога.

«В зарослях, возле дупла старого-престарого баобаба, облюбованного давно ушедшими в мир духов предками, завершалось приготовление к осуществлению их священной воли — водружение на головы „леопардов“<sup>44</sup> заранее извлеченных из тайного хранилища масок. Надев ее, искренне верящий в обряды африканец перестает быть самим собой. Психологически он идентифицирует себя с тем, символом кого она является. Маска для него — не просто средство маскировки, а своего рода ключ к перевоплощению... Огухой рокот тамтамов продолжает взвинчивать нервы, усиливая давление на психику, формируя готовность к бесстрашным и безумным агрессивным действиям своего тотема или духа того, чей облик воспроизводится и кто берет на себя тяжесть ответственности за то, что предстоит свершить. Граница социального, зоологического и мифологического миров стала не только прозрачной, но и призрачной. Она все тоньше и тоньше, вот-вот прорвется...

...Вдруг наблюдатель-сигнальщик подает условный знак появления давно уже поджидаемой жертвы. С имитацией урчания леопарда ударная группа расправы (захвата) на четвереньках приближается к тропе, ловко

взбираясь на нижние, толстые ветви деревьев либо устраиваясь в близлежащих кустах. Едва провинившийся и приговоренный к расправе их прежний сотоварищ оказывается в пределах досягаемости психологических мутантов — леопардов, как они с характерным жутким рыком хищника из засады вероломно набрасываются на растерявшуюся от неожиданности и мигом протрезвевшую жертву. Перебивают ей позвоночник цепью, условно замаскированной „под хвост“, перерезают жилы на шее одетыми на руки металлическими крючьями, специально зазубренным соответствующим образом ножом или острой раковиной и, ломая кости, разрывают тело на крупные части „по схеме<sup>44</sup> настоящего леопарда, нередко используя в угаре собственные зубы». Так в очередной раз тайное общество совершило свое «правосудие» — страшный реликт, казалось бы, навсегда исчезнувшего архаического прошлого.

Как ни парадоксально, описанное событие не относится к числу чрезвычайных стечений обстоятельств, противоречащих всякой логике и смыслу современной жизни, пусть речь и идет о древнем континенте. К сожалению, вывод следует обратный: такова «логика» социальной жизни в специфических условиях развития древней цивилизации на пути к прогрессу. «Тайные ритуальные общества в современной Тропической Африке — неотъемлемый компонент нелегкой исторической эволюции самобытной цивилизации континента. Их неправомерно относить к числу допотопных, маргинальных реликтов, место которым на свалке истории, и которые в наш просвещенный век сами собой сойдут с дороги эволюционного развития. Пока что они остаются достаточно серьезным инструментом традиционной власти, в лучшем случае автономной и терпимой по отношению к центральному правительству, в худшем — мистифицированной опорой оппозиции, сепаратизма, криминалитета»<sup>2)</sup>.

В европейском прошлом (помимо давно позабытых шаманских обрядов) при определенных обстоятельствах также применялись психоделические средства трансформации личности. Сохранились исторические сообщения об использовании древними германцами наркотиков растительного происхождения для того, чтобы придавать своим воинам, идущим в бой, неукротимое мужество. Впрочем, это еще слишком мягко сказано, поскольку буквально «объевшиеся белены» воины уподоблялись в состоянии экстаза кровожадным волкам и не знали пощады. Их так и называли — «волки». Иногда наркотическое опьянение давало необратимые результаты, и тогда такие чрезмерно наркотизированные воины сами становились обреченными. Их вынуждены были уничтожать по причине социальной опасности.

В средневековом мусульманском мире использование наркотиков в целях политического террора, как мы сегодня бы сказали, связано с историей ассасинов — одного из сектантских ответвлений шиизма. Само название «ассасин» происходит от арабского «хашшишин» (букв, «глотатели гашиша») и стало нарицательным, обозначающим наемного убийцу. Поводом для этого послужила практика подготовки террористов-одиночек с использованием психотехники и наркотиков. Фидаи — террорист-смертник

— напоминал японского камикадзе тем, что ценою собственной жизни должен был нанести чувствительный урон врагу. Объектами их коварных покушений становились крупнейшие военачальники и политические фигуры. Кстати, камикадзе также были причастны к мистическому культу (дзэн-буддизму), подвергались воздействию гипнотической психотехники и выпивали перед своим смертоубийственным вылетом в торжественной обстановке ритуальную чашу сакэ, венчавшую их эйфорической настрой на скорое обретение райского блаженства на небесах.

В наше время страшные картины перерождения сектантов в самоубийц и фанатиков-террористов продемонстрировала религиозно-мистическая организация «Ананда Марг». В ней практиковали леденящие душу ритуальные сцены коллективного экстаза, когда в самозабвении сектанты исполняли древний магический танец тантав, подражая яростному богу Шиве на известном его изображении, где он попирает распростертое на земле тело поверженного врага и размахивает руками, сжимающими человеческие черепа и кинжалы. Все эти атрибуты воинственно-устрашающей магии находились на вооружении беснующихся сектантов, причем вовсе не в бутафорском исполнении, и под стать слишком уж серьезным намерениям сектантских боевиков. Часами, доводя себя до иступления, они скандировали, как магическое заклинание, здравицу в честь своего предводителя, бывшего бухгалтера Саркара. Как мы уже говорили, его стали называть Ананда-мурти, и ритуальная мантра в его честь «Баба нам кевалам!» означает «Милосердный отец, ты — повсюду!» Следовательно, вездесущ и всемогущ. Под воздействием сакрализованной гипнотехники сектанты превращались в послушных марионеток, готовых бездумно участвовать в политических авантюрах «Ананды Марг» и даже расплачиваться за это своими жизнями. Многим жителям западных стран памятливы жуткие самосожжения, которые осуществили бывшие студенты, оказавшиеся в рядах этой организации. Известны террористические акты сектантов-маргиев и даже попытка совершить государственный переворот в Индии. Мистифицированная психотерапия по-прежнему используется, чтобы вынуть из человека душу, превратить его в жестокого, ни перед чем не останавливающегося зомби — живого призрака, готового уничтожить все встречающееся на его пути.

Сегодня эта проблема приобретает глобальный масштаб и по жестокой иронии судьбы переносит адские фантазмагии экстатически измененного сознания в нашу реальную действительность. Происходит такое из-за наркобизнеса, паразитирующего на тяге людей к экстатическому переживанию и приносящего колоссальные сверхприбыли, беспрецедентные по своим размерам и темпам роста. Наркомания в настоящее время стала одной из самых страшных угроз существованию человечества — не только его физическому и психическому здоровью, но и нормальному социально-политическому климату в обществе, прогрессу культуры, ибо наркобизнес стремится подчинить себе экономику, опереться на политические институты,

подорвать интерес к подлинным культурным богатствам и привить человеку патологическую одержимость жадной наркотической эйфории.

Анализ сложившейся благодаря активности наркобизнеса кризисной ситуации является прямым продолжением нашего разговора о социальных проблемах, связанных с культом экстатического переживания, и заслуживает особого внимания. Отметим главные тенденции, наблюдающиеся сейчас за рубежом и у нас в стране.

В печати приводится много фактов о деятельности зарубежных синдикатов, которые свидетельствуют, насколько интенсивно происходит сейчас совершенствование подпольного производства наркотиков и способов их переброски из районов изготовления к месту сбыта. Широко используются подвижные лаборатории синтеза наркотиков, а их доставка стала осуществляться через космос. Еще несколько десятков лет назад начали применяться прицельные запуски ракет типа «земля — земля», начиненных «товаром». Нынче компьютеры спутниковой связи осуществляют координацию доставки наркотиков по суше, морю и воздуху.

Не так давно на орбите Земли обнаружили летательный аппарат, национальную принадлежность которого не удалось установить. Этот спутник каким-то образом был запущен международной мафией и служил для координации транспортных операций по переправке партий наркотиков в различные страны. Не прошло и года после его уничтожения, как в околоземном космическом пространстве зафиксировали еще один спутник, выполнявший те же функции.

По некоторым данным, в последние годы существования СССР появились лица, потреблявшие наркотики по религиозно-мистическим мотивам. Выяснилась достаточно широкая география распространения групп «наркомистиков» — в масштабах всего Союза. В отличие от прочих мистических культов, это направление стали именовать герметизмом, подчеркивая тем самым его замкнутость, оторванность от действительности, уход в наркотизированный мир субъективных переживаний. Группы так называемых герметиков в сравнении с обычными наркоманами и токсикоманами, применяющими психотропные препараты без больших затей, стремятся придать своей психоделической практике антураж загадочного мистического культа. Прием наркотиков они превращают в особое сакрализованное действо, направленное на созерцание таинственных ощущений и образов, возникающих в их воспаленном сознании.

Еще в 1987 году Б. Ф. Калачев провел выборочное анкетирование более трех тысяч человек из различных социальных групп населения, в основном молодежи, в Москве, Киеве и Краснодаре. Было выявлено использование одурманивающих средств среди всех социальных и возрастных слоев населения. На знакомство с ними указывали иногда до шести респондентов из десяти. Не отрицала молодежь и свою осведомленность о психоделиках типа ЛСД, ПСП (фенциклидин) и др. Причем в группах риска — их составили респонденты, имеющие отношение к немедицинскому

применению наркотиков, либо смотрящие на эту проблему снисходительно — выявилась четкая взаимосвязь с распространением религиозно-мистических настроений. В таких группах уровень религиозности достигал 50 процентов от всех опрошенных.

В «Плахе» Айтматова мы имеем возможность наглядно познакомиться с заготовителями анаши (наркотического сырья, получаемого из индийской конопли) и услышать от их главаря Гришана мотивы его преступного бизнеса. Приведем самую главную часть его разговора с Авдием:

— Так знай, Каллистратов, только смотри не стань заикой — у меня к Богу есть свой путь, я вхож к нему иначе, с черного хода. Не так тврй Бог разборчив и недоступен, как тебе мнится...

— И чего ты достигаешь, попав к Богу с черного хода?

— Да не меньшего, чем ты. Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать им ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо.

— Приближаешь к Богу, купленному за деньги? С помощью зелья? Через дурман? И это ты называешь счастьем познания Бога?..

— Я, по крайней мере, даю людям покайфовать и испытать то, что вы сулите лишь на словах и вдобавок на том свете. Лишь кайф дает блаженство, умиротворение, раскованность в пространстве и во времени. Пусть блаженство это мимолетно, пусть призрачно, пусть оно существует лишь в галлюцинациях, но это счастье, и достижимо оно только в трансе.

Герметики представляют собой специфическую разновидность неомистиков, порожденную современными историческими условиями, но вместе с тем опирающуюся на целый ряд источников. Это ни в коем случае не самобытный культ: его истоки — в первобытном шаманизме, пережиточно сохранявшемся долгое время у малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в мусульманском экстатическом мистицизме Средней Азии и Кавказа.

Современные герметики используют в основном литературные источники — дореволюционные и зарубежные. В них они находят рекомендации по изготовлению разнообразных наркотических снадобий, подчас неизвестных современной фармакологии. Эта литература служит им также руководством по психотехнике развития религиозно-наркотического транса. В ней же они находят и указания по истолкованию значения возникающих у наркотизированного субъекта психоделических ощущений и образов.

Герметические группы, соединяющие религиозно-мистический культ с регулярным приемом наркотиков, несут особую социальную опасность в силу следующих своих особенностей. Благодаря им осуществляется освоение и распространение практики потребления новых и мало известных опьяняющих и наркотических средств естественного происхождения, вплоть до грибов-мухоморов. Подобные препараты могут оказаться

легкодоступными и дешевыми в сравнении с обычными чрезвычайно дорогими наркотиками. К тому же герметики маскируют свою практику наркотического опьянения под психотехнику древней магии целительного назначения. С одной стороны, это служит им пропагандистской рекламой, помогает привлечь к этому социально опасному культу мистически настроенных лиц и просто любопытствующих по части экзотического мистицизма и магии. В настоящее время идет открытая, широкомасштабная пропаганда наркомании среди нового поколения. С другой стороны, у герметиков есть предлоги уйти от медицинских и юридических санкций, направленных против наркомании, поскольку они исповедуют нетрадиционные средства опьянения. Негативное влияние герметических групп усугубляется также тем, что им свойственна устойчивая организационная структура, как и всем мистическим культам и религиозным сектам. Как мы отметили, в отличие от обычного потребления наркотиков, токсических и опьяняющих средств в герметических группах их прием ритуализирован. Здесь действуют, следовательно, такие неблагоприятные факторы, как обучение новичков, формирование из них стойких приверженцев наркотического культа, устойчивая организация и целенаправленная практика потребления специфических опьяняющих препаратов, что существенно усугубляет эффективность их воздействия и популяризации.

Не раз приходилось выслушивать от наркоманов объяснения, свидетельствует Б. Ф. Калачев, что они-то наркотики употребляют не просто так, а сугубо для «психической саморегуляции», «расширения сознания» либо «реализации спиритуального потенциала личности». Втянувшись в потребление психотропных средств, они сначала осознанно не хотели с ними расстаться, а затем физиологически уже не могли от них отказаться.

Выяснилось еще одно чрезвычайно тревожное обстоятельство — обнаруженные уголовным розыском подпольные лаборатории по производству галлюциногенов возглавлялись людьми, проявлявшими острый интерес к мистике. Поскольку наркобизнес движим весьма утилитарными интересами, то нетрудно их прогнозировать. Нельзя не видеть определенной заинтересованности дельцов в эксплуатации герметиков как специфической группы потребителей наркотиков. Однако главный их интерес, видимо, в другом — в возможности позаимствовать у самих герметиков сведения о нетрадиционных наркотиках и технологии их производства, об особенностях психотехники их использования. Обнаруженная тенденция обращения наркобизнеса к психоделическим культам чревата многими неблагоприятными, точнее, общественно опасными последствиями — прежде всего расширением ассортимента подпольно производимых психоделических препаратов и совершенствованием психотехники их использования.

По мнению компетентного в этих вопросах Б. Ф. Калачева, сравнительный анализ говорит о том, что немало новых тенденций в области незаконного оборота наркотиков, проявивших себя сначала на Западе, спустя

5-Ю лет возникает и в нашей стране.

Участилось обнаружение работниками наркоконтроля подпольных лабораторий по массовому производству «тяжелых» наркотических средств. Причем командуют этими мини-фабриками, как правило, квалифицированные химики, среди которых встречаются и студенты. Анкетирование студентов Московского института тонкой химической технологии (МИТХТ) показало: до 92 процентов респондентов способны самостоятельно изготовить ЛСД, ПСП и прочие наркотики. Кстати сказать, одну из первых подпольных лабораторий по производству наркотиков обнаружили в Москве еще в начале 1970-х годов. Организовал ее кандидат химических наук — сотрудник НИИ. Лаборатория просуществовала около года, был налажен сбыт продукции преступникам. Говоря о сегодняшней технической вооруженности доморощенных бизнесменов, нельзя не учитывать происходящих в стране социально-экономических преобразований. Теперь граждане получили право приобретать грузовой автотранспорт. В этих условиях криминальные акции организованной преступности, подчеркивает Б. Ф. Калачев, существенно возрастают. Сейчас к «отмыванию» наркоденег подключились достаточно опасные преступники.

Активное использование биотехнологий позволило «мафиози от науки» за последние несколько лет значительно повысить крепость наркотиков. Это ведет к тому, что даже разовые случаи употребления товара «новой волны», в частности крэка, влекут за собой формирование безудержной тяги к регулярному повторению его приемов. Так создаются дополнительные условия для увеличения популяции наркоманов, обеспечивающие мафии стабильные сверхдоходы.

Подпольная транспортировка наркотиков, учитывая наблюдаемые тенденции за рубежом, грозит разрастанием до таких громадных размеров, когда с ней нельзя уже будет справиться наличными сейчас средствами.

Конечно, можно быть уверенными, замечает Б. Ф. Калачев, что Главкосмос не допустит выпуска на орбиту наркоспутника, но нет никакой гарантии, что такой спутник не будет предоставлен нашим преступникам международной мафией, скажем, в аренду. Тогда с помощью сторожевых собак да мотоциклов с колясками трудно будет серьезно противостоять дельцам наркобизнеса. Их преступные акции обретут куда более высокий уровень координации, чего, к сожалению, пока нельзя сказать о нашей борьбе с ними.

Развитие событий указывает на острейшую необходимость выработки единой комплексной программы, которая учитывала бы взаимодействие естественных, технических и гуманитарных наук. Большая работа предстоит этнографам, генетикам, ботаникам, специалистам по религиям. «Загадки» мистического озарения обернулись, как видим, чрезвычайно тревожной проблемой для судеб общества.

Как показывает жизнь, мистика опасна в любом своем проявлении. Даже тогда, когда ее носители не покушаются на закон и руководствуются вроде

бы благими намерениями, к примеру — укрепить здоровье человека, активизировать его жизненные силы. В чем же здесь опасность?

## **Глава 10**

### **Нужен ли «моржам» свой бог?**

Сегодня мало кого удивит сообщение о любителях купаться в холодной воде: «моржи» давно уже примелькались в различных телерепортажах, а «моржевание» стало одной из методик закаливания организма, практикуемой во многих врачебно-оздоровительных группах.

В газетной фотохронике, на экранах телевизоров не так уж редко можно увидеть стайку жизнерадостных детей и подростков, бегущих босиком по снегу, или купание крепкотелых «моржей». Снег и ледяная вода обжигают обнаженное тело, но оно от этого вовсе не стынет, а, напротив, «горит» и ликует! Все увереннее звучат голоса, что этот идеал героического противостояния холоду и болезням доступен в принципе каждому, было бы желание, настойчивость и, конечно же, мудрое руководство. Человек учится видеть в холоде не источник неприятных ощущений и простуды, а средство оздоровления и закалки, жизнерадостности и трудовой активности.

Приходят на ум полные энергии и молодого задора слова Пушкина: «Здоровью моему полезен русский холод...» Ныне мы их воспринимаем не только как чисто личное наблюдение поэта, но и как прозорливое понимание закономерного взаимодействия человеческого организма и внешней среды. Сегодня эта закономерность в центре нашего внимания, о ней спорят, ее изучают, «веряют практикой». «Моржевание», круг любителей которого расширяется, — один из видов такой практики, демонстрирующий сверхобычный уровень человеческих возможностей. Менее рискованные методы закалки организма вошли в число самых популярных и общедоступных видов физиотерапии.

Мистики здесь нет никакой, но тем не менее находятся люди, старающиеся использовать средства природной закалки для пропаганды мистицизма и магии. А нужен ли «моржам» религиозно-мистический культ, если полезное оздоровительное движение успешно развивается на основе научной медицины? И почему же это многообещающее дело порой пытаются связать с именем небезызвестного покойного старца Порфирия Иванова и тем превращают «природную закалку» в средство культивирования магических ритуалов и пропаганды проникнутых мистикой мифологических представлений?

Большинство тех, кто увлеченно, без всякой доли здоровой критики солидаризируется с «учителем» Ивановым, мало представляет себе истинный облик своего наставника и сущность пропагандируемого от его имени «учения». Этому обстоятельству способствовала дезинформация, оказавшаяся на страницах нашей печати, относительно мнимых заслуг П. К. Иванова в деле пропаганды новых и чрезвычайно эффективных средств оздоровления человека и его организма. В ряде газетных и журнальных статей, телевизионных передач была распространена крайне односторонняя и

тенденциозная информация о нем, причем замалчивались его откровенно религиозно-мистические высказывания, проповедуемая им оккультная обрядность и приемы знахарского врачевания. Совершенно ложно ему приписывалась высокая гражданственность. Тем самым не только искусственно инспирировался нездоровый интерес к «чудесам», которые якобы творил «учитель» Иванов, но и создавалась видимость общественного признания и чуть ли не официального одобрения всей его деятельности.

На практике культ «всемогущего учителя», назвавшегося богом Паршеком и обещавшего дать людям бессмертие, — это мистифицированное врачевание, далекое от лечебной и оздоровительной медицины. Подобные культы представляют собой разновидность современной магии и знахарства. Оккультное врачевание достаточно распространено среди лиц, которые жаждут получить новый вид утешения, а также употребить мистические средства на те или иные утилитарные цели. При этом речь обычно идет об обретении несокрушимого здоровья, а в случае заболевания — чудесного исцеления; о получении экстраординарного интеллекта и воли — способностей к пророчеству, ясновидению и прочему волшебству. Причем условием достижения этих сверхъестественных феноменов являются два непреложных требования: поклонение основателю соответствующего мистического культа и неукоснительное следование его предписаниям, сколь бы абсурдными или даже опасными для здоровья человека они ни были. Сегодня все убеждены в необходимости повышения потенциала человеческого организма, и причин тому много. Это и преобладающий в современных, прежде всего городских, условиях малоподвижный характер трудовой деятельности человека, и развитые средства связи и транспорта, еще более углубляющие гиподинамию, неблагоприятно сказывающуюся на нашем самочувствии. Короче говоря, условия труда и быта все больше отдаляют человека от природного окружения и тем ослабляют его собственную естественно-биологическую конституцию. С другой стороны, применение сильно-действующих лекарственных препаратов (не во всех случаях оправданное) еще более снижает сопротивляемость организма неблагоприятным воздействиям. Вследствие этого современный человек страдает от так называемого синдрома комфорта, который к тому же ослабляет нашу способность противостоять все возрастающим в современных условиях нервно-психологическим перегрузкам.

Однако положение отнюдь не так уж безнадежно, как полагают пессимисты, которые усматривают некий роковой парадокс в том, что больных не становится меньше, хотя растет число врачей и количество предлагаемых ими лекарств. Несмотря на неблагоприятный «синдром комфорта», продолжительность жизни современного человека значительно возросла, исчезли смертоносные эпидемии, успешно излечиваются многие опасные болезни. Но важно и другое. Современная цивилизация располагает возможностями эффективно противодействовать наметившемуся ослаблению природной активности человеческого организма. Речь идет о

широкомасштабной индустрии спорта и физической культуры, которая служит активизации и развитию естественно-биологического потенциала человеческого организма, а кроме того, интенсификации, например в сфере туризма, непосредственного общения человека с природной средой.

Однако эта принципиальная возможность не только справиться с «синдромом комфорта», но и неизмеримо развить и приумножить физиологические и психологические потенции человека на практике реализуется еще очень слабо. Система оздоровительной физкультуры, психиатрических консультаций и помощи населению находится у нас в стадии становления.

Это может порождать и порождает пагубное стремление решать задачи профилактики здоровья в обход медицинских учреждений и спортивно-оздоровительных обществ. Такое стремление может принимать ориентацию, враждебную медицинской науке и врачебной практике, перерастать в знахарство, мистическое врачевание. Пример тому — культ «учителя» Иванова, в котором лечебно-оздоровительные цели подменяются оккультными, а его фанатично настроенные участники формируют некое подобие сектантских группировок.

Кто же такой Порфирий Корнеевич Иванов, умерший около 30 лет назад в 85-летнем возрасте? Реальные факты жизни этого человека обросли множеством легенд и мифов, которые усердно фабрикуются проповедниками культа «Иванова — великого учителя земли». На самом же деле его биография совершенно непримечательна: житель степного хутора, одно время был рабочим на шахтах. С послевоенных лет нигде не работал. Достижений нет, а вот некоторые прегрешения были.

Впрочем, земные черты Порфирия Иванова совершенно исчезают в потоке восторженного самообожествления. Слагая в свою честь корявые стишки, он называл себя «победителем природы, учителем народа, богом Земли». Соответственно этому и облик у Порфирия был сугубо патриархальный, пророческий: седая борода опускалась на голый толстый живот, нагое тело прикрывали лишь короткие шорты, голова всегда непокрыта, ноги босы.

В молитвенном «обращении к учителю» фанатично настроенные приверженцы обращаются к нему с восхвалениями, превозносят его до небес, называют «солнышком», «дыханием», «водой и землей». Для них он — «друг и отец — все, чем мы живы на земле».

Святому положено иметь «житие». Об этом позаботились проповедники культа, распространяющие множество неправдоподобных легенд и невероятных мифов о своем кумире.

С большим апломбом преподносятся мифы о чудесах, творимых Порфирием во время Отечественной войны. Каких только небывлиц не сочинили на сей счет! В частности, божественное могущество полуголого старца позволило ему без вреда перенести самые ужасные пытки, которым его якобы подвергли фашисты: полчаса держали в газовой камере, два дня — в ледяной проруби, а потом еще и долго обливали на морозе. Тем не менее

его не пришлось после этого даже опрыскивать «живой водой», по сюжету чудесных сказок, — старец лихо перенес все мучения.

А затем Порфирий начал творить еще более удивительные чудеса и смог окончательно восторжествовать над вражеской силой. И здесь фантазия современных мифотворцев не знает границ. Они утверждают, что именно благодаря божественной помощи Порфирия немецкие оккупанты были разгромлены под Москвой, а Ленинград выдержал блокаду. После этого ему удалось склонить фельдмаршала Паулюса к капитуляции вместе с его 300-тысячной армией. Да что там! Ивановцы утверждают, что вся великая победа — разгром фашистской Германии — это якобы результат мистических усилий все того же босоногого старца, почитаемого ими в качестве Бога. В доказательство приводят корявую фразу Порфирия: он-де «лазил у Штлера в голове» и тем сокрушил фашистских агрессоров.

Раздувая культ «учителя земли», приверженцы Порфирия Иванова селятся представить его патриотом, человеком, преданным Родине, защитником интересов Отечества. Факты, к сожалению, свидетельствуют об обратном. В многочисленных так называемых тетрадах Иванова, которые активно распространяются его единомышленниками, встречаются поучения патриархально-монархического характера, выражающие доверчивую любовь к царю-батюшке.

Известны и антивоенные высказывания «учителя», в которых вместо доводов здравого смысла господствует мифотворчество и возвеличивание собственного культа. Согласно этим мистическим откровениям, дело мира находится не в руках людей доброй воли, его укрепление зависит не от их единства и самоотверженности, не от торжества принципов гуманизма в международных отношениях, а от мистических сил, источником которых является Природа и ее божественный посланец Паршек.

Его пророчества относительно будущего общественного устройства нашей страны куда как удивительны: «Не надо будет одеваться, кушать и входить в дом... Обрабатывать землю и сеять хлеб не будем, сельского хозяйства не будет, не будут нужны средства производства, машины. Нефть, уголь, газ нам не понадобятся». Проповедуется отказ от общественно полезного труда.

Последователи культа «учителя земли» стремятся отвести от себя обвинения в мистицизме. Сам Порфирий, например, заявлял, что он «говорит не про какое-либо чудо, а про природу, про практическое — физическое явление». Однако сомневаться не приходится: перед нами специфическая разновидность мистицизма — пантеизм, которому свойственна мистификация природы, приписывание ей сверхъестественных особенностей (божественного разума и воли, чувства высшей справедливости и т. п.). Согласно этим своеобразным религиозным представлениям, «воздух, вода и земля — живые. С ними нужно говорить, как с человеком».

Мне довелось в беседе с ивановцами услышать от них, что их кумир якобы был против религии, против веры в существование потустороннего

Бога. Действительно, воззрения Иванова разительно отличаются от ортодоксального церковного вероучения и представляют собой типичное проявление мистического культа веры в чудодейственного врача, пророка и спасителя, то есть в самого себя, в посястороннего бога.

Порфирий Иванов заявляет, что вера в Христа «не оправдалась», и потому берется рассуждать о своей собственной богоизбранности: «На это место пришел со своими силами Паршек». В его мистическом образе П. Иванов представляет нам самого себя наподобие особой божественной ипостаси, наделенной некими сверхъестественными силами. Их главное назначение — дать людям бессмертие, установить на земле райскую жизнь.

Долгие годы Порфирий уверял своих почитателей в том, что обладает не только несокрушимым здоровьем (в подтверждение этого выходил на мороз босиком), но даже бессмертием. По словам Олега Быкова, одного из наиболее ревностных проповедников культа, «учитель говорил, что слился с природой и у него три неумиряемых тела: воздух, вода и земля». И все же бессмертие босоногого Порфирия не состоялось, в 1983 году он скончался. Тем не менее его приверженцы фанатично верят, что Паршек жив и пребывает в некоей неземной, «духовной сфере». Поэтому до сих пор среди ивановцев сохраняется традиция «выходить на связь с учителем», чтобы попросить здоровья и помощи.

Есть у них и вера в экстраординарное «спасение» — безапелляционное обещание бессмертия, вечной райской жизни на земле. Правда, Порфирий выбрал для райского блаженства условия явно неподходящие — голодную и холодную, бездомную и вечно неприкаемую жизнь.

Такова вкратце примитивная пантеистическая религия Иванова, выступающего в качестве ее центрального персонажа, «учителя земли», полуголого и босоногого юродивого Паршека.

Чем же привлекает к себе иных людей этот мистический культ? Оказывается, у него есть хитрая приманка, о которой мы уже упоминали, — обещание дать человеку несокрушимое здоровье или чудодейственными средствами исцелить больного. С помощью такой уловки удастся заморочить голову людям, первоначально далеким от религиозного мистицизма и проявляющим интерес к вполне реальным, «земным» вещам — укреплению своего здоровья. Эта приманка коварна и называется «Системой Учителя Иванова».

Разработали и разрекламировали ее последователи босоногого старца, такие как Владимир Черкасов, Олег Быков и ряд других, которые окончательно придали его наставлениям характер врачевательного культа, приписывая ему порой даже то, о чем он и не помышлял. Их расхождение с «учителем» касается самой опасной для здоровья и жизни человека рекомендации — обливания ледяной водой больного, даже если он находится в жару, с предельно высокой температурой. Между тем Иванов незадолго до смерти заявил: «Не больного надо холодной водой встречать, а здорового надо холодной водой обливать. Он тогда так не заболит, это ему закалка-тренировка». О пользе водных процедур всем хорошо известно, поэтому

Иванов никакого открытия не делает этим заявлением.

Что же касается врачей типа О. Быкова и В. Черкасова, то они принципиально отвергают научную медицину и врачебную практику. Первый предлагает знахарские советы один другого абсурднее, к примеру: «Надо брать энергию из космоса через правую руку и пропускать ее через левую ногу в землю...». Второй всячески расписывает и рекламирует свой уникальный опыт борьбы с простудой «героическими средствами», которые может выдержать далеко не каждый, не рискуя вовсе лишиться своего здоровья. Поэтому их никак нельзя рекомендовать для всеобщего применения, тем более надеясь, только на авось, не зная наперед, выдержит ли организм эти экстремальные, ударные воздействия, такую сокрушительную шоковую терапию. Не окажется ли в таком случае врачевание «героическими средствами» подобно действиям героя басни «Услужливый медведь», который, желая избавить хозяина от назойливой мухи, размозжил ему голову.

Если послушать многочасовые лекции Олега Быкова о «Системе Учителя Иванова», то нетрудно убедиться, что он проповедовал новую оккультно-мистическую систему врачевания. Стремясь подорвать законное недоверие слушателей к его знахарским наставлениям, он упорно навязывал им обскурантизм, убеждая их в том, что стремление к знанию есть недопустимая умственная развращенность, противоестественная природе человека.

С позиций яркого антиинтеллектуализма Быков подходил к объяснению болезней каверзным действием мистических сил природы. От его формулировок веет духом средневекового мракобесия: «Причина болезни — грех человека перед природой; все болезни — наша внутренняя вина» и т.д.

А как же быть с обещанием чудодейственного врачевания, посулами которого прежде всего и приманивают легковверных людей к культу «учителя» Иванова? На сей счет распространяются всякого рода небылицы о сверхъестественной целительной силе покойного Порфирия. «Он лечит все, даже рак с метастазами», — с фанатичным упорством повторял Быков. Надо верить, что продолжает «лечить», видимо, до сих пор, поскольку Паршак обрел божественное бессмертие.

Важнейшим правилом у ивановцев является интенсивнейшее голодание, которое рекомендуется довести до еженедельной трехкратной голодовки по 42 часа каждая. Это составляет чудовищную нагрузку на организм, вынужденный обходиться без пищи и воды 126 часов в неделю (5,25 суток) при сохранении обычного ритма труда. Очевидно, что «система учителя» навязывает человеку изнурительнейший образ жизни, который не может не подрывать его здоровье, ослабляет, а то и вовсе подавляет интерес к общественной деятельности и духовной культуре, отрывает от общественно полезного труда и полноценной семейной жизни. Это еще не все: Олег Быков призывал родителей вовлекать также и детей в систематическое изнурительное голодание.

Непременными атрибутами знахарства являются всякого рода магические формулы и антинаучные объяснения происхождения болезней. Нелепица в изобилии встречается в поучениях Порфирия Иванова и его последователей. Особенно красноречив на сей счет Быков: «Как только влаги много (в организме), бактерии начинают кормить бактерий. Все болезни от тепла, от сырости, от нежности». Подобные сентенции редко можно услышать в наш просвещенный век.

А целительные предписания Быкова и того чудней. Он рекомендовал походить на четвереньках — в любимой позе «учителя», поорать ишаком, чтобы при выдохе «вытолкнуть из себя больного». Давал советы по лечению глазных болезней, причем любых. Их магическое врачевание столь же просто, сколь и абсурдно: надо на мгновение раскрыть глаза навстречу ветру.

И что же, знахарь гарантирует избавление от самой неприятной и коварной болезни? Отнюдь нет, он не настолько наивен, чтобы поручиться за успех подобного трюкачества. Знахарские предписания содержат много оговорок, позволяющих самому знахарю уйти от ответственности за возможный исход жульнической процедуры. Как и Иванов, Быков обещает успех применения чудодейственных рецептов только в том случае, если человек это «заслужит у Природы». О каких заслугах идет речь, он не уточняет. Фактически у него совершенно нет уверенности в эффективности целительных средств, которые безмерно рекламируются от лица божественного «учителя».

Любые ритуалы ивановцев, будь то голодание, выходы босиком на снежок или требование приветствовать всех встречных и поперечных, — это вовсе не факторы здоровья, а атрибуты мистического культа, сектантские правила поведения, символизирующие избранность членов группы и просветленность «божественным учением».

Главное и решающее место в жизни ивановца должны занимать молитва и постоянное мысленное обращение к «учителю». К нему денно и нощно обязаны фанатично взывать сектанты, моля о здоровье, помощи и мире. «Просите меня, и все будет хорошо», — любил говорить без тени скромности Порфирий Иванов.

И вот возносятся молитвы божественному Паршеку, раздаются религиозные песнопения, слагаются гимны в честь нового мистического культа. Олег Быков поднимался чуть ли не до высот артистизма, упоенно распевая главный сектантский гимн.

Подобную маскировку часто приходится наблюдать у проповедников нетрадиционных религий и культов. Кришнаиты заявляют, что распространяют не мистическое вероучение и аскетическое сектантство, а «божественную науку», приверженцы дзэн-буддизма и йоги преподносят западному миру свои религиозные идеи в качестве примера «истинного образа жизни». И таких фактов — великое множество.

Ивановцы — это не просто собирательное название, это — сектантско-культистская организация, имеющая свой мистический ритуал приема нового члена (своеобразное крещение через обливание холодной водой). Вновь

обращенный должен возносить хвалу Порфирию Иванову, быть верным «Системе Учителя». В противном случае ему грозит проклятие, неприятности и болезни. Вся его дальнейшая жизнь должна проходить в ревностном служении культу Паршека, в строгом соблюдении ритуальной обрядности и пропагандировании догм врачевательной «системы».

В конечном счете планировалось создание сектантской общины на Чувилкином Бугре (хутор в Ворошиловградской, ныне Луганской области Украины, где жил Иванов). Для этой социальной утопии, окрашенной в густые религиозно-мистические тона, характерна иллюзия неземного существования. Сектанты будут жить отстраненно от окружающего общества, в полном разрыве с обычным образом жизни, в фантастическом состоянии «жизни в Природе»: без пищи, одежды и жилища, не занимаясь трудом. Вот как звучит это мистическое пророчество: «В условиях общины работать не будут, а лишь купаться в холодной воде, ступать по морозной земле, ходить по снежку».

Верующие, которые войдут в нее, обязаны будут оставить свое имущество и объединиться в некоем мистическом «братстве». Такое объединение в их иллюзорных представлениях явится своего рода «Царством Божьим» на земле среди океана мирской жизни. Последствия возникновения на Бугре сектантской общины будут глобальны: в мире исчезнут войны, столкновения и кризисы, получат благополучное разрешение все социальные проблемы современности. Впрочем, любое религиозномистическое объединение рассматривает себя в качестве ключевого момента земной истории, а то и Вселенной в целом.

Еще несколько лет назад ивановцы открыто вступали в полемику с каждым, кто осмеливался подвергнуть сомнению хотя бы малую часть из того, что они проповедают. Но полемика эта носила своеобразный характер. Если вы не разделяли их сакральных восторгов в отношении «учителя», обнародованного им «учения» или «системы чудодейственного врачевания», вам тут же указали бы, что вы чрезвычайно оскорбляете своих оппонентов. Это давало им повод уйти от обсуждения проблемы по существу и ожесточенно упрекать вас в зловредной непочтительности к их кумиру. Вас попытались бы уличить не просто в игнорировании фактов, а в злонамеренном отрицании Истины (не тривиальной, а великой, открытой «учителем» и потому пишущейся с большой буквы). Могли в запальчивости обвинить в неправде, подтасовке и искажении (несмотря на дословное цитирование вами их сакраментальных врачевательных формул и притч о житии «божественного» старца).

Все дело в том, что оппоненты ваши не способны были к непредвзятому размышлению и оценке пропагандируемого ими учения и исполняемых врачевательных ритуалов.

Предложить им придерживаться объективности и строгости научного анализа при обсуждении религиозных догм и канонов — задача почти невозможная. Но нам нужно именно объективное знание, достоверное,

полученное в результате научного анализа!

О сходной ситуации рассказывала ведущий специалист по индуизму Н. Р. Гусева. Дело было в Индии, и в беседе с тамошними этнографами зашел разговор о происхождении культа священных коров. Один из индусов воскликнул: «О чем здесь спорить? Из древних Вед известно о священных стадах бога Сурьи. Следовательно, наши священные коровы — потомки этих древних спутников Бога». На это Н. Р. Гусева резонно возразила: «Дорогие коллеги, где мы с вами находимся — в священно ашраме или на научном симпозиуме?» Все рассмеялись, и обсуждение

вновь вошло в колею научной дискуссии, несовместимой с аргументами религиозной мифологии.

С приверженцами религиозного мистицизма, адептами врачевательных культов мне приходилось вести полемику не на научных конференциях с их строгими правилами избегать досужих домыслов и мифов. Наш разговор неизбежно носил неформальный характер, когда оппоненты не просто придерживались разных точек зрения по тому или иному вопросу, а разных подходов к их рассмотрению с противоположных, порой, мировоззренческих позиций. Поэтому здесь мы имеем дело не только с плюрализмом мнений, а с многообразием жизненных позиций и ценностных ориентаций, с различным восприятием действительности, иллюзорными представлениями о ней, мифотворчеством. В дискуссии о существовании и правомерности врачевательного культа сталкивались не просто различные убеждения, а разные парадигмы — системы подхода к обсуждаемому феномену и его объяснению. Все это и придавало полемике эмоционально напряженный характер, порождало немало препятствий на пути продвижения к истине. Напршивалось само собой сравнение с тряской дорогой. По ней мне и пришлось пуститься в путь, когда я начал затрагивать в своих выступлениях по вопросам нетрадиционных религий и неомистицизма миролюбивых, казалось, ивановцев.

Небольшая публикация с критикой мистического врачевательного культа Иванова вызвала оживленную переписку и полемику с ивановцами. Редакторы были в восторге: никогда еще статьи в их небольшом журнале не приносили столь многочисленных отзывов.

Письма поклонников культа, индивидуальные и групповые, позволили составить представление о системе аргументации в защиту исповедуемого ими учения, а также выявить важную характеристику этого культа — его неоднородность и даже плюралистичность точек зрения на интенсивность ритуальной практики. Высказались сторонники умеренного культа, а «экстремисты» или промолчали, или, подобно Быкову, попытались отказаться от своих прежних крайне суровых аскетических предписаний.

Предметом нашей дискуссии, естественно, стали два очень острых вопроса: во-первых, каково реальное значение врачевательных предписаний, принятых у ивановцев, а, во-вторых, какова объективная роль личности П. К. Иванова в жизни секты. Речь шла в конечном счете о спорном и бесспорном в содержании этого специфического мистического феномена. Обмен

мнениями убедительно свидетельствовал, что методы врачевания ивановцев спорны, причем не только с точки зрения медицинской правомерности и практической результативности, но и с точки зрения самих последователей покойного старца, которые сплошь и рядом противоречили и друг другу и предписаниям самого «учителя» в конкретных рекомендациях закалки и голодания.

А что же оказалось бесспорным в той упорной и порой даже ожесточенной полемике? Бесспорной была признана роль Порфирия Иванова как основателя мистифицированного оздоровительно-врачевательного культа, которым он руководил на протяжении ряда десятилетий и придал ему сотериологический характер, обещая спасение в утопической ноосферной коммуне.

При всей одиозности этой культистской организации она представляет собой явление типологическое, принадлежащее к одной из распространенных разновидностей нетрадиционных религий и мистических культов — к так называемой мистифицированной физио- и психотерапии. Врачевательные культы — своеобразная магия, получившая распространение в современную эпоху, особенно в развитых странах — США, Японии и ряде европейских. Некоторые культистские секты превратились в богатые и влиятельные международные движения и организации, как, например, сайентология и Институт Эсален.

Появление мистических врачевательных групп в нашей стране объясняется не только поветрием из-за рубежа, но и проблемами и недостатками в развитии социального сектора: медицинском обслуживании населения, сфере культуры и отдыха, других областях.

...Прошло не так много времени с момента дискуссии. Мне снова пришлось беседовать с ивановцами. И странное дело — они с большой неохотой говорили о Быкове, некоторые даже делали вид, что вовсе не слышали о таком человеке. Видимо, он потерял свой авторитет среди ивановцев, поскольку крайность его суждений вызвала опасения, что будут дискредитированы те идеи, которые они пропагандируют.

Благодаря этому содержание и характер разговора с ивановцами стали во многом иными. Речь теперь идет о конкретных рекомендациях оздоровительного образа жизни. И здесь, думается, вполне возможен конструктивный диалог между доморощенными врачевателями и любителями моржевания, не отвергающими сотрудничества с учеными-медиками и инструкторами лечебно-оздоровительной практики.

Однако за рамками этого диалога и вполне возможного делового сотрудничества остается мистический культ Паршека. Ивановцы от него не отказываются. Конечно, культы бывают самые разные, но нам-то давно пора понять, что любой из них принижает человека, ограничивает свободу его мысли и действия. Наш народ испытал на себе тяжелейшую трагедию культа Сталина, увенчавшего гигантскую пирамиду административно-командной системы. Структура личной власти определяла официальную общественно-

политическую жизнь страны и в последующие десятилетия. В противовес ей и стали возникать в самом низу социальной пирамиды, в частной жизни людей, альтернативные культы и «культики», обещающие легкие пути спасения в атмосфере отчаяния, ставшего уделом многих.

Зачем же «моржам» нужен культ «всемогущего» старца, если они сами получают возможность свободно и компетентно, опираясь на последние достижения науки, развивать эффективные методы закаливания и здорового образа жизни?

## *Глава 11*

### **Каким я вижу диалог с богоискателями**

Я не хочу заканчивать анализ современных богоискательских настроений на отчужденно-холодной критической ноте. Я просто не вправе это делать. Изгоняя традиционный для прошлых лет догматизм из наших исследований, мы обязаны добиваться не только глубины, но и всесторонности освещения изучаемых явлений, особенно таких сложных и непривычных для нас, как нетрадиционные религии и мистические культы. Только всесторонняя взвешенная оценка может гарантировать достоверность и убедительность выводов научного познания.

Нет, я не призываю не принимать в расчет весь проделанный выше критический анализ различных направлений новых религий и их воздействия на личность, деятельность и жизненный путь человека, оказавшегося в числе их ярых приверженцев.

Речь идет о другом. Было бы несправедливо не обращать внимания на иные, не только отрицательные стороны духовной активности религиозно-мистически настроенных романтиков. Об этом часто ставят вопросы слушатели лекций по критике нетрадиционных религий. Соглашаясь с доводами о ненаучности религиозного мировоззрения, особенно в его сугубо мистической форме, с фактами негативного воздействия на личность интенсивной обрядности и суровых предписаний сектантской жизни, наша мыслящая аудитория хочет знать, что же влечет людей в новые религиозные группы и организации. Наверное, не один только обман и принуждение? И разве нет в тех иллюзиях, которые вдохновляют современных богоискателей, действительно возвышенных идей, высоких принципов? Можно согласиться с тем, что их красивые мечты оказываются фантазией, не выдерживающей столкновения с суровой действительностью. Но неужели сами порывы к царству добра и красоты не заслуживают внимания, даже солидарности и поддержки с нашей стороны, поскольку мы тоже стремимся к высоким гуманным целям, хотя полагаемся, в отличие от представителей религиозного романтизма, на реальные средства, а не на иллюзии? Есть, наверное, и что-то заслуживающее внимания в правилах их жизни и взаимного общения?

Таким образом, вопрос о всесторонней, взвешенной оценке феномена современного богоискательства вполне правомерен с научной точки зрения, настоятелен и актуален, учитывая потребности пропагандистской и

воспитательной работы.

Применительно к критике нетрадиционных религий сегодня уместно напомнить старый афоризм: «Не выплескивай с водой и ребенка!» Правда, в данном случае не следует впадать и в другую крайность — переоценивать достоинства и жизненный потенциал этого «ребенка». Здесь мы имеем дело, скорее всего, с «недоношенным ребенком», не способным к самостоятельному существованию и полноценному развитию. Но и такого нельзя «выплескивать»! В заботливых руках гуманистического общества он сможет жить и найти в нем свое место.

В этом и состоит одна из главных задач диалога с приверженцами религиозного мистицизма. Мы приводили много фактов, показывающих, как легко эти доверчивые люди становятся жертвами откровенного обмана со стороны самозванных врачей, как их обирают, подчас в буквальном смысле до последней копейки, принуждают, манипулируя их сознанием или прибегая к прямым угрозам, оставлять свои семьи, работу, менять здоровый и полнокровный уклад жизни. Думается, что содержательный и откровенный диалог с богоискателями может предотвратить те трагедии, которыми порой заканчивается, как мы знаем, их рискованное восхождение по тропе мистицизма. Наблюдения последних лет<sup>1</sup> подтверждают это предположение, достаточно сослаться на модернистский характер ряда изменений традиционных установок и канонических правил поведения у кришнаитов нашей страны и возобладавшую склонность к определенной умеренности в ритуальной обрядности у ивановцев.

Готовясь к регистрации, московская группа «Общества сознания Кришны» официально отказалась от ряда наиболее одиозных ритуальных запретов (например, на пользование современными лекарствами, обращение к предметам светской духовной культуры, занятия некоторыми видами профессионального труда). Кришнаитские лидеры заявляют сегодня, что члены общины не чураются общепольного труда и участия в культурной и общественно-политической жизни нашей страны. «Среди нас, — говорят они, — есть медицинские работники, художники, дирижер, и мы только приветствуем их занятия». Обмана здесь нет, я лично знаю некоторых из этих людей, а также сам неоднократно видел на большом типографском плакате, сообщавшем о лекциях, проводимых в конференц-зале Государственной библиотеки иностранной литературы, имена знакомых мне кришнаитов. Они собирались информировать о «древней культуре ведической пищи», а проще говоря, рассказать о ритуальном кришнаитском прасаде, и были названы востоковедами, по неведению администрации. А ведь ранее, согласно предписаниям Бхактиведанты, вся подобная деятельность относилась к строго запрещенному для «преданных Кришны» разряду пагубных «азартных игр».

Кришнаиты даже однажды поместили небольшую заметку в газете «Московская правда» (23 апреля 1989 г.) об успехе своего паломничества в Индию и планах на будущее. В той заметке, озаглавленной «Четыре

принципа Кришны», они далеко отошли от традиционного сектантского канона и, по существу, уже не дают повода для той воинственной критики, которую мы до недавних пор обрушивали на установления средневекового монашеского аскетизма. В наших условиях идеология кришнаитов сильно модернизировалась, и они всячески подчеркивают свое единодушие с нравственно-гуманистической направленностью нашего общества, сохраняя при этом верность сектантскому мировоззрению в его фундаменталистской трактовке.

Весьма примечательно, что их рассуждения в той заметке о «принципах Кришны» начинаются с провозглашения стремления к ненасилию. Здесь же они заявляют, что «борются за мир», их «волнуют проблемы экологические и социальные». Подобные заявления нельзя не приветствовать как выражение искреннего миролюбия, желания укреплять дружбу между народами. В то же время следует отметить, что эти декларации резко контрастируют с навязчиво пропагандируемыми кришнаитскими ортодоксами воинственными идеями мифологического сюжета о принуждении древнеиндийского воина Арджуны к участию в кровопролитной битве, несмотря на его нежелание воевать против своих многочисленных родственников, оказавшихся в стане вражеской армии. Западные кришнаиты тоже не могут похвастать абсолютным миролюбием: полиция находила у них запасы оружия, а в ,американской обители «Новый Вриндаван» дело дошло до преднамеренных убийств и других уголовных преступлений. В Индии приехавшие из США кришнаиты стали на путь силового давления на избирателей во время проведения очередных муниципальных выборов и даже обстреляли группу индусов из малокалиберной винтовки.

В свете приведенных фактов миролюбивые заявления наших кришнаитов и их терпеливое отстаивание своих убеждений и религиозных прав исключительно мирными средствами заслуживают, безусловно, признания.

Наблюдается изменение позиций и у последователей другого мистического культа. Под воздействием ли критики или просто здравого смысла, но в среде почитателей «учителя» Иванова уже не слышно одобрения экстремальных норм голодания и обливания холодной водой, с пропагандой которых выступили отдельные приверженцы Иванова после его смерти. Теперь ивановцы говорят об относительно умеренных правилах голодания. Они остановились на предписаниях «Детки» — наиболее известного проповеднического произведения Порфирия Иванова, в виде небольшой по объему декларации нравственнопроповеднического характера, содержащей вполне умеренные обрядовые предписания, изложенные в форме 12 заповедей, которые ныне почти канонизированы.

Одной из важных гуманистических предпосылок нашего общения и диалога с носителями религиозно-мистических настроений является понимание не только слабых, но и достойных сторон их духовного мира, нравственных устремлений. Без этого важного предварительного условия диалог невозможен, ведь он основывается на равноправии и взаимном

уважении дискутирующих сторон, на их готовности с чем-то согласиться в доводах оппонента и найти общую точку зрения, что-то принять из предлагаемого и отказаться в своих суждениях от того, что неприемлемо для партнера по диалогу.

Примером такого «наведения мостов» была одна из моих бесед с тогдашним секретарем Московского общества сознания Кришны Сергеем Зуевым, который сетовал на то, что его единоверцев—вайшнавов — называют сектантами. Обычно сектой именуют небольшую группу верующих, отколовшуюся по идейным или организационным причинам от первоначально целостного церковного института. Однако вайшnavы никогда ни к какой церкви не принадлежали и поэтому упрекать их в сектантском отступничестве и обособлении от подобной организации абсурдно. С этим доводом нельзя не согласиться, хотя следует понимать, что мы имеем дело с неокришнаизмом, отличающимся от средневекового кришнаизма — чайтанизма, основанного «золотым аватарой» Кришны индусом Чайтаньей Махапрабху (1486-1534). Однако это уже частности.

Суть поднятого вопроса в другом: в типологических особенностях секты как особого религиозного института, к которому принадлежат не рядовые верующие, миряне (как в церковной общине), а привилегированные адепты веры, получившие посвящение, сакральный статус и особый титул. Для вайшнавов это «преданные Кришны», для членов АУМ Синрике — саманы (монахи) и «достигшие», для мормонов — «святые последних дней». Считается, что вайшnavы, благодаря мистическому приобщению к энергии бога Кришны, не от мира сего. Именно поэтому я называю их сектантами, т. е. адептами особого религиозного института — религиозно-мистической секты, дающего им сакральный статус и прокладывающего путь в неземную обитель Кришны. При таком понимании термина «секта» он допустим применительно к кришнаитской общине — согласился со мной Сергей Зуев. Взаимопонимание по довольно щекотливому вопросу было достигнуто. Такого рода диалоги помогают сблизить позиции между сторонниками разных точек зрения на природу и особенности религиозных новаций, распространившихся в нашей стране.

Взаимно доверительный диалог между представителями различных религиозных объединений, между верующими и атеистами — настоятельная необходимость современного этапа развития, для которого характерно бурное разрастание массовых демократических движений, выдвигающих собственные социально-политические программы в ходе острой полемики, взаимной критики, проверки их практической ценности. Потребность в диалоге диктуется объективными потребностями общественно-исторического процесса, спецификой живой ткани социального бытия, в котором неизбежно, независимо от деятельности идеологов, их мнений и интерпретаций, взаимодействуют, отталкиваются, сближаются последователи разных мировоззренческих систем, в свою очередь порождаемых диалектикой общественных сил.

Неизбежно возникает вопрос, страшивший в прошлом атеистов и сдерживающий их откровенный разговор с верующими: связана ли плодотворность этого диалога с неременным компромиссом в принципиальных мировоззренческих позициях? Совсем необязательно! Диалог — специфическое явление. Его смысл вовсе не заключается в обсуждении тех или иных учений самих по себе (равно как и не в религиозном прозелитизме или атеистическом перевоспитании). Они рассматриваются в строго определенном аспекте — как возможные способы решения социальных проблем, неотложность которых принимается обеими сторонами. Отсюда первое и неременное условие диалога — признание незыблемого приоритета ряда настоятельных общественных проблем, общечеловеческих ценностей и идеалов (мира, равенства, свободы личности, прав человека, милосердия, сострадания и т. п.), равно как и осуждение определенных явлений общественной жизни (ядерной войны, расизма, фашизма, эксплуатации, угнетения, геноцида и т. п.).

Таким образом, диалог между приверженцами разных мировоззрений — не компромисс, не временная тактика стратегических пропагандистских усилий. Диалог предполагает суверенность и самостоятельность воззрений каждой стороны. Лишь при этом обязательном условии не будет навязывания друг другу противоположных точек зрения, не будет принуждения. Этот диалог не означает, что можно поступиться мировоззренческими принципами. Он означает лишь консенсус в идеологических вопросах — соглашение о взаимном интересе к гуманизации общества и личности. Такой диалог целесообразен и плодотворен, когда речь идет о правомерности и эффективности различных средств и форм достижения этой возвышенной цели.

Я готов обоснованно отстаивать тезис, который еще совсем недавно считался бы совершенно неприемлемым для официальных догматических воззрений и был бы воспринят как кощунственное посягательство на «самые основы и принципы». Я хочу сказать о том, что у наших богоискателей, несмотря на всю справедливость высказанной выше критики в их адрес, есть ряд моментов, которые можно оценить положительно, похвалить по здравом размышлении и даже позаимствовать. Мне представляется необходимым это не просто декларировать для формального равенства сторон в нашем диалоге с богоискателями, но прямо отметить те черты, которым можно было бы и поучиться у них. Ведь мы должны и в самих себе отвергать сектантское самолюбование своей некоей высшей избранностью и непогрешимым совершенством. Даже априори вряд ли можно сомневаться, что у наших религиозных романтиков есть такие стороны их личности, их деятельной устремленности, которые заслуживают внимания и способны стать основой для установления контакта с ними, налаживания диалога и сотрудничества.

Многолетнее знакомство с людьми, разделяющими разного рода религиозно-мистические настроения, а точнее — пристальное социологическое изучение этой своеобразной категории верующих, убеждает меня в наличии у них таких привлекательных черт характера, как

доброжелательность и миролюбие, открытость и большая общительность. Однако к ним применимо и изречение, согласно которому «пороки есть продолжение добродетелей». Мистически настроенные мечтатели по-детски доверчивы к самым несуразным фантазиям, крайне легковверны и поэтому без труда становятся жертвами честолюбивых, властных и жадных авантюристов. На этих «злых гениев» богоискательства падает главная вина за тяжкие лишения, лежащие на плечи бездумно доверившихся им людей.

Основной характерологической чертой наших богоискателей является увлеченность, своеобразный романтизм. В сущности, они ищут вовсе не Бога как такового. В первую очередь они мечтают не о переосмыслении религиозных представлений и не о реформе церковного института. Религиозные романтики одержимы мечтой о высоком смысле человеческой жизни и всего существующего, о служении высшим ценностям бытия. И эту свою романтическую мечту воплощают в причудливой форме религиозно-мистических представлений. Они руководствуются, конечно же, иллюзиями, но в иллюзиях скрыт пафос их неудержимого стремления к свободе и всемогуществу человеческого духа.

С этими умонастроениями переплетается у них настойчивый интерес к духовной культуре древних цивилизаций, прежде всего восточных стран, к их религиозным и философским учениям, этическим системам и художественным школам, к народной медицине далекого прошлого, к сложным и причудливым, но вместе с тем глубоким и мудрым психологическим концепциям Древнего Востока. Ненасытен интерес к загадкам и сенсациям парапсихологии, шумихе вокруг фантомов НЛО.

Разве это предосудительно? Разве интеллектуальная любознательность, смелая игра фантазии не доставляет всем нам наслаждение? Эти подлинно человеческие «слабости» безмерно выше по своему значению и плодотворнее сухой утилитарной деловитости интеллектуальных автоматов.

Обратите внимание: адепты религиозного романтизма, углубляясь в «восточную мудрость» или иные тайные богатства древних культур, вовсе не склонны предаваться пустым восторгам, подобно аборигенам южных морей, замороженно взиравшим на стеклянные бусы в руках прибывших к ним европейцев. Наши современники интересуются полузабытым духовным богатством древности, чтобы его возродить и использовать, надеясь обрести в нем — в этом уже их слабость — панацею от всех бед нашего времени. Но разве подлинный интерес к забытым фрагментам человеческой культуры не ценен уже сам по себе? Здесь-то и возможен взаимопользительный обмен информацией и мнениями между энтузиастами, придерживающимися различных мировоззренческих ориентаций.

Эта практическая, далее утилитарная направленность «исканий» наших религиозных романтиков должна быть отмечена отдельно, столь явно эта черта проглядывает во всей их деятельности, настроениях, в общем их облике.

Наряду с упомянутой особенностью нельзя не отметить их активность,

энергичность, целеустремленность. Всегда ли мы правы, когда пытаемся представить все в неблагоприятном свете: говорим об их «фанатичном» упорстве, о «лихорадочной» и «тщетной» активности, о погоне за «пустыми и вредными иллюзиями». Даже если это в сущности так, разве не привлекательна сама активность человеческого духа, красота романтической вдохновенности? Известно, что сами по себе идеальные устремления возвышают человека, нравственно облагораживают личность. К тому же «искания» религиозных романтиков не лишены вовсе познавательного значения в контексте приобщения к культурно-историческим ценностям и целенаправленной организации своей индивидуальной жизнедеятельности.

Рядовые богоискатели, как правило, неприхотливы в материальном отношении. Им органически чужды рвачество, вещизм, накопительство. Отдавая приоритет духовному, идеальному, вплоть до абсолютизации их значения и ценности, они стремятся довольствоваться малым, лишь необходимым, ограничиваются минимумом материальных благ. Об этом мы как-то забываем, когда все наше внимание захватывает справедливое возмущение непомерным стяжательством «злых гениев» богоискательства, утопающих в богатстве и роскоши. Усыпанные бриллиантами наручные часы Бхавана Раджниша, его 93 безумно дорогих автомобиля, кутежи другого «живого бога» — Махарая Джи, наконец, несметное богатство Муна, открыто декларирующего свое циничное кредо: «Мессия должен быть богаче всех» — все это заслоняет от нашего взора нестяжательство рядовых богоискателей. Они, не раздумывая, отдают алчным кумирам все, что имеют: свои сбережения, недвижимосты и оказываются в буквальном смысле без копейки в кармане «у ног» боготворимого ими «учителя», который направляет их на изнурительную неоплачиваемую работу, служащую опять-таки его обогащению.

Нарочитый отказ религиозных романтиков от культа потребительства, от отупляющего материального довольства создал им ореол поборников высоких идейных устремлений и способствовал привлекательности богоискательства на Западе в глазах различных общественных групп, разочарованных в ценностях приобретательства и потребительства.

Пафос богоискательства — об этом мы много говорили — состоит в стремлении к совершенству (разумеется, к наивысшему, божественному), прямо и непосредственно ориентированному на идеалы, высшие ценности и смысл существования. Не будем повторяться о позитивном и приоритетном значении духовного начала, нравственной мотивации в жизни личности. Отметим ряд немаловажных результатов этой доминирующей личностной установки наших религиозных романтиков, почти всецело определяющей характер их жизни и взаимоотношений с окружающими.

Прежде всего обратим внимание на особую дисциплину их индивидуального быта и всей Личной жизни. Ранее мы делали акцент исключительно на негативных моментах — встречающихся у богоискателей жестких, аскетических ограничениях и сектантской регламентации в потреблении материальных благ, во всем, что выходит за рамки их

религиозных интересов. Да, это у них присутствует, но в целом глубоко осмысленный и дисциплинированный подход к личной жизни и индивидуальному развитию человека, основанный на самоконтроле, продуманный и целенаправленный, заслуживает одобрения. Стоит сознаться в том, что в погоне за прочностью мировоззренческих убеждений и идеологических позиций наша воспитательная работа почти не уделяла внимания этим задачам и оказалась безрезультатной именно в их решении. К великому стыду, у нас нет, по существу, ценных традиций и правил личного быта, направленных на развитие и обогащение человека, гармонизацию его отношений с окружающими и средой существования, служащих укреплению его здоровья, повышению эмоционально-психологического и интеллектуального потенциала.

У нас было принято всячески приветствовать новаторство на производстве, а в быту мы постоянно культивировали пассивность и унылое однообразие, а теперь еще и показную роскошь, «гламур» в среде обогатившейся элиты. В этом одна из причин бытового пьянства и хулиганства, особенно среди молодежи, не умеющей наполнить достойным содержанием и смыслом свое свободное время.

Древние традиции Востока, в центре которых стоит гармоничное развитие, физическое и духовное совершенствование человека, свободны от названных недостатков современной бытовой культуры. Не абсолютизируя ценности этих традиций по примеру богоискателей, признаем целесообразность их освоения. Разумность норм древневосточной культуры тела и души начинает и у нас находить понимание. Именно с этим связано увлечение различными видами восточных гимнастик и единоборств. Многие из-за недостатка квалифицированных специалистов обращаются ко всякого рода самозванным наставникам — в группы йоги, к тому же Гринблату, либо к инструкторам группы «Коммунистического самопрограммирования». Туда обращались не одни очарованные мистикой люди, но также те, кто желал хотя бы в какой-то форме приобщиться к системе постоянных оздоровительных занятий физкультурой, к психотренингу, постичь азбуку диетического питания, научиться правильно чередовать труд и отдых.

Мы редко задумываемся, насколько трудно человеку осуществлять самоконтроль, особенно в современных условиях постоянных психологических и нервных перегрузок, дефицита свободного времени. Он забывает об элементарных правилах, позволяющих держаться в форме, быть бодрым и энергичным, уравновешенным и жизнерадостным. Регулярная физзарядка, душ, прогулка или пробежка — все это прочно забыто. Зато налицо мелкие и большие бытовые пороки: объедание на ночь, недосыпание, уход на работу без завтрака, нерегулярное питание, а по крупному счету — злоупотребление курением, алкоголем.

Нормальный режим жизни стал редкостью, поскольку требует от нынешнего «разрегулированного» человека чуть ли не героических усилий. По этому поводу один остро слов как-то заметил: «Вы спрашиваете, есть ли

место подвигу в нашей повседневной жизни? Разумеется. Я, например, каждый день совершаю подвиг, когда встаю к 9 часам на работу».

Как же каждому из нас подняться до этого «подвига» нормальной, здоровой жизни? Как сломать кажущиеся неборимыми стереотипы рутинной повседневности, находящиеся в прямом противоречии с требованиями гигиены, медицины и психологии? У религиозных романтиков есть для сего случая своего рода «волшебный ключик» — они превращают выбранный ими образ жизни в священный ритуал, приписывают ему сакральный смысл, наделяют его сверхценностной значимостью, благодаря чему не только «упиваются религиозными иллюзиями», но попутно добиваются вполне реального контроля над своим повседневным бытом. Они не только не пьют и не курят, но свободны и от пристрастия к наркотикам (за исключением случаев их использования в качестве средств достижения религиозного транса).

Неординарная целеустремленность религиозных романтиков, накладывающая столь зримый отпечаток на весь уклад их повседневной жизни, имеет еще одно следствие. Это феноменальное упорство, мужество и смелость в отстаивании своих убеждений. Известно, что многие из них готовы идти до конца в защите дорогих им идей, не боясь никого и ничего. В запальчивости воинственной критики у нас подчас называли это слепым фанатизмом и безрассудством. Сегодня, когда мы учимся уважать верующих, следует признать красоту и величие их духа, способного отстаивать свою свободу от внешних воздействий и принуждения.

Поэтому в диалоге с ними непозволительно рассматривать их лишь как неких марионеток, находящихся под воздействием злых чар мистицизма, нужно признать в них лиц, твердо убежденных в величии и правоте своих воззрений.

Наконец, отметим последнюю особенность современных богоискателей, имеющую исторические истоки в давних культурных традициях и связанную также с самой спецификой религиозного мистицизма. Это типичная для их среды тесная связь духовного наставника и ученика. Оставим сейчас в стороне критический анализ такой связи, о чем много говорилось выше, при ее характеристике как главного канала формирования сектантских религиозно-мистических убеждений, самой личности и всего образа жизни богоискателя. Посмотрим на упомянутое объединение учителя и ученика с точки зрения эффективности реализации задач и целей воспитательного процесса. Кстати, на лекциях по критике нетрадиционных религиозных культов наши слушатели часто задают вопрос: нельзя ли использовать подобный «опыт» в позитивных целях, то есть применительно к формированию наших ценностных ориентаций и идеалов?

Выработанный в далеком прошлом механизм психологического репродуцирования сектантов под влиянием личного воздействия опытного наставника — гуру, конечно, не подходит для формирования вполне суверенной в своих воззрениях, критически мыслящей личности, свободной от шор религиозной догматики и канонических ритуалов поведения. Чуждо

нашей идеологии и демократизму то «промывание мозгов», или массированное манипулирование сознанием человека, которое широко используется в обителях и пропагандистских центрах современных «живых богов».

Отвергая эти черты духовного и социального порабощения человека в сектантских коммунах, мы отмечаем позитивный характер тесного личного общения духовного наставника и ученика. Оно как нельзя лучше и полнее отвечает нашему требованию осуществлять воспитание в индивидуальной форме на основе доверительного межличностного общения воспитателя и воспитанника, а также согласуется с нашей критикой казенно-административной организации воспитательного процесса.

Значат ли все сказанные добрые слова о наших религиозных романтиках, что их следует идеализировать и считать чуть ли не музейными образцами совершенного человека, которые всем прочим надо принять в качестве эталонов? Сами они придерживаются именно такой точки зрения и тем оправдывают свои призывы присоединиться к ним. Но если оставить в стороне свойственное верующим представление о своей избранности и превосходстве над инакомыслящими, то объективные оценки их «достижений» будут существенно иными.

Подробно разобранные привлекательные черты богоискателей — это, в сущности, их потенциальные возможности, которые еще не дают реального, общественно полезного результата. Их многочисленные достоинства фактически выступают как символы великих идеалов и ценностей человеческого прогресса, но не как плоды воплощения их в действительность. В этом смысле можно сказать, что позитивные устремления религиозного романтизма остаются имманентными, как бы внутриутробными, поскольку пребывают в плену иллюзорного сознания и социально-утопических установок.

Поэтому я совершенно не согласен с раздающимися порой среди наших ученых почти восторженными голосами в адрес, например, кришнаитов. Логика их рассуждений примерно такова: мы с большой тревогой наблюдаем развитие негативных тенденций в молодежной среде. Это нравственное оскудение, культ духовно невзыскательного потребительства и вещизма, социальная апатия либо жестокая агрессивность, преступность, наркомания, проституция. А кришнаиты? Они не пьют и не курят, да и наркоманов, как говорят, избавляют от их роковой одержимости. К тому же не являются религиозными экстремистами, политически лояльны. Чего же вы еще от них хотите?

Все верно, но достаточный ли это повод для восторгов? Очень сомнительна была бы радость, скажем, преподавателя высшей школы, если бы его бывшие студенты отказались работать по полученной специальности и пополнили ряды сектантских активистов. Стоило ли затрачивать немалые силы и средства на их учебу и профессиональную подготовку, чтобы в итоге наблюдать, как они часами горланят мантры, «ловят» экстаз, а в перерывах

приторговывают по спекулятивным ценам религиозными изданиями и атрибутикой ритуальной обрядности? Разве перевешивают эту социальную ограниченность наших богоискателей и свойственные им значительные изъяды в их общественно полезной деятельности тривиальные позитивы: «не пьют, не курят, не дерутся»? Нельзя не учитывать в общем балансе их положительных и негативных черт, что присущие им позитивные качества носят сугубо индивидуалистический и чисто пассивный характер.

Однако по справедливости надо признать, что сколь ни далеки от общественно-эффективного приложения их достоинства, они очень отчетливо выделялись на общем социально неблагоприятном фоне застойных лет. Кришнаиты и прочие наши религиозные романтики рассматривали свое вступление в секты, по существу, как альтернативу многообразию горьких плодов застойного периода — его духовной пустоте, лицемерному расхождению слова и дела, нравственной деградации на всех ступенях командно-административной системы, настроениям социальной апатии вкупе с растущим стяжательством, карьеризмом, преступностью.

Но эта альтернатива неблагополучию общества и личности была иллюзорной, ибо подлинное их очищение и социальное возрождение началось лишь с перестройки (насколько она оказалась удачной в достижении провозглашенных ее идеологами целей — вопрос другой). Однако лишь в тот момент появилась возможность увидеть и оценить богоискательство в его подлинном виде, что едва ли было достижимо в сумрачной атмосфере застоя, когда богоискатели, с одной стороны, совершенно необоснованно стремились представить себя истинными реформаторами и спасителями, а с другой — часто становились жертвой необоснованных уголовных обвинений. В свете революционного обновления нашего общества стало возможным применять четкие объективные критерии для оценки проявлений религиозного мистицизма в стране. Теперь, избавившись от извращенного сознания прошлых лет, мы видим, что богоискательская активность носит характер, типичный для деятельности мистических культов и религиозных сект. В сопоставлении с приоритетными направлениями общественного развития в условиях перестройки социальные утопии богоискателей по праву выглядят архаичными и крайне примитивными.

Все так, но здесь надо иметь в виду и другое: не нужно акцентировать внимание только на этом. Подобно тому, как в области межнациональных отношений недопустимы попытки изолировать один народ от другого, замкнуть их границами «национальных квартир», в сфере отношений по поводу религии неправомерны любые попытки разобщения людей по религиозному признаку, любые действия, ведущие к росту отчужденности между верующими и атеистами. Чтобы избежать разделения общества по признаку религиозной принадлежности, необходимо развивать начавшийся содержательный диалог с представителями различных мировоззренческих ориентаций. Его смысл и функциональное назначение — социальное единство и плодотворное сотрудничество верующих и неверующих по

многим вопросам, затрагивающим их общие гражданские и общечеловеческие интересы.

Эта проблема может рассматриваться и несколько иначе, под другим углом зрения — как вопрос о месте того или иного религиозного объединения в нашем обществе. Известно, какой широкий резонанс и признание во всем мире получило выдвинутое в канун празднования 1000-летия введения христианства на Руси положение о том, что Русская православная цер

ковь нашла свое место в советском обществе. Было бы неверно сужать и ограничивать по содержанию большой социально-политический и культурно-исторический смысл данного положения. Безусловно, он не сводится к чисто внутрицерковной деятельности, поскольку это исключало бы общность интересов верующих данной конфессии с остальным населением страны. В таком случае церковь выделяла бы себя из сообщества граждан, замыкалась в кругу собственных проблем, не стремясь к широкому сотрудничеству с представителями иного мировоззрения.

Но это положение нельзя понимать и как установку на растворение религиозного объединения в «светских интересах» и «мирских делах». Вовсе нет: верующие и их объединения сохраняют свои мировоззренческие ориентации и свою специфику религиозно мотивированных субъектов гражданского общества. И в данном случае религиозные ориентации не разобщают их с согражданами, а наоборот — удовлетворение их религиозных потребностей предполагает так называемое общественное служение, то есть разнообразную помощь отдельным людям и человеческому сообществу в решении его нелегких задач. В результате религиозные институты, служащие удовлетворению духовных потребностей верующих, получают возможность опосредовать в специфической форме их общественно полезную активность. Тем самым религиозные институты вместо конфронтации с социальной системой или отстранения от нее находят в ней свое место — место активного сотрудничества в интересах самих верующих и всех граждан страны. В конечном счете приоритет общечеловеческих интересов и является фундаментальной основой для сотрудничества приверженцев различных конфессий и атеистов.

Попытаемся наметить некоторые направления общественного служения, в котором могли бы принять участие наши религиозные романтики. Кое-где потенциальные возможности сотрудничества уже реализуются на практике. В частности, получила признание и одобрение специалистов древнекитайская гимнастика (конечно, при условии квалифицированного руководства и врачебного контроля), многие виды упражнений йоги, служащие теперь лечебным и оздоровительным целям, а не мистицизму.

Но существуют и нереализованные пока возможности. Например, вызывает интерес у наших современников художественное творчество древней секты дзэн — живопись, графика, скульптура, поэзия, а также особые его жанры — искусство икебаны, чайной церемонии, каменных садов

и другие. Причем мистическое учение секты дзэн не мешает нашему эстетическому восприятию древних произведений, не «темнит» их, а, напротив, позволяет полнее и глубже понять духовный мир их создателей, своеобразии древней культуры.

Нельзя нам обойтись и без знакомства с содержанием религиозных учений и практикуемой на его основе обрядностью, ибо невозможно понять, какие идеи и представления выражены языком искусства, исторически связанным с определенной религиозной традицией. Справедливость данной мысли впервые была широко осознана у нас в связи с признанием художественного значения и эстетической ценности иконописи и храмовой архитектуры. Сейчас мы пошли дальше: широкая общественность активно выступает за изучение христианской мифологии, в частности библейских сюжетов, преданий, без чего немыслимо постижение образной стороны многовекового мирового искусства.

Как же можно воспринимать художественные творения далеких от нас культурно-исторических традиций, если мы не имеем представления ни об их мировоззренческо-эстетической основе, ни о сюжетном содержании? Достаточно указать на примеры дзэнской поэтической символики или загадочное медитативное значение японских каменных садов.

Вряд ли целесообразно механически перечислять все «точки соприкосновения» интересов верующих и неверующих. Нам понятно, о чем идет речь в принципе. Подытоживая сказанное, отметим лишь, что область плодотворного сотрудничества атеистов с представителями различных религиозных культур безгранична как по многообразию направлений, так и по широте хронологического диапазона — от древнейшей истории до актуальных проблем современности, включая их футурологическое осмысление.

### ***Приложение 1***

#### **Современный кришнаизм западного мира**

Широко известный в странах Запада кришнаизм (вайшнавизм — его самоназвание) принадлежит к одной из главных ветвей индуизма — вишнуизму, к почитателям бога Вишну, которого кришнаиты олицетворяют в образе бога Кришны. Чтобы понять причины распространения кришнаизма в условиях иной, христианской цивилизации, необходимо кратко отметить особенности его индуистской основы, вызвавшей большой интерес в западных странах, прежде всего среди так называемых религиозных нонконформистов, диссидентов традиционного христианства, искателей «древней религиозной мудрости Востока».

#### **1. Чем индуизм привлек к себе западных богоискателей?**

Исследователи этого беспрецедентного в европейской истории феномена согласны между собой в том, что распространение индуизма объясняется целым рядом причин. Во-первых, индуистские верования воспринимаются западными богоискателями как альтернатива исчерпанному

себя и уже почти безжизненному, с их точки зрения, христианскому вероучению.

Во-вторых, организационная структура индуистских объединений совершенно иная. Здесь нет традиционного для православного и католического христианства церковного института, нет и протестантских деноминаций, или малых церквей, как их иногда называют. Западные богоискатели вовлекаются в иные религиозные институты, окутанные экзотической мифологической аурой, насыщенные мистицизмом и обладающие в организационном плане жесткой иерархической структурой. Такими специфическими религиозными институтами являются секты и культы. Сектантские религиозные институты объединяют адептов с высоким сакральным статусом, считающих себя избранными, не от мира сего, эзотериками, обладающими заповедным знанием и приобщенными к миру сверхъестественного. Культистские институты представляют собой организации интенсивных психосоматических практик, предназначенных для трансформации обыденного индивида в сверхчеловека, наделенного божественной природой.

В-третьих, возникший в добуржуазную эпоху индуизм, представляется западным богоискателям идеологией более «здорового» общественного строя, чем современный капитализм с характерными для него государственно-монополистическими формами эксплуатации и угнетения, империалистической политикой, негативными последствиями научно-технического прогресса, индустриализации и урбанизации, разрушением окружающей среды, деградацией духовной культуры и угрозой полного уничтожения человечества в ядерной катастрофе.

В-четвертых, западные богоискатели видят в социальном учении неоиндуизма оптимистическое и жизнеутверждающее мироощущение, «рациональный» смысл жизни, социально и личностно значимые духовные ценности, целостную и гуманную систему морали, более здоровый и естественный образ жизни, чем тот, который присущ буржуазной действительности.

В-пятых, индуизм, провозглашающий учение о существовании скрытого божественного начала в человеке и предлагающий ритуальный культ пробуждения в индивиде этого высшего начала, воспринимается западными богоискателями как залог возрождения индивидуализма и ценностей личной жизни. Древнее религиозное учение при этом переосмысливается в соответствии с модернистскими установками, требующими отказа от христианских догматов о греховности и виновности человека. В целом в индуизме его западные неопиты видят силу, способную противостоять усилившемуся обезличивающему воздействию бюрократической государственной машины и монополистического капитализма на производство и быт, политику и культуру

Среди неоиндуистских течений кришнаиты, или вайшнавы, как они себя называют, одни из первых заставили обратить на себя внимание

специалистов по современным религиозным культам и широкую общественность, прежде всего, размахом своей пропагандистско-издательской деятельности, активной вербовкой молодежи и открытой демонстрацией экзотических ритуальных обрядов. Среди заполонивших капиталистический Запад нетрадиционных религиозных организаций сравнительно небольшая кришнаитская секта выделялась не только своей крупномасштабной и бурной деятельностью, но также разработанностью вероучения, культа и организационной структуры, строгой регламентацией повседневного образа жизни сектантов. Движение Харе Кришна сформировалось и институализировалось раньше всех прочих современных нетрадиционных религий Запада и поэтому может рассматриваться как своего рода классический их представитель, изучая который можно понять специфику всего западного религиозного неоориентализма и особенности нетрадиционных религий в целом. Изучение различных сторон деятельности этого нового религиозного объединения позволяет полнее выявить его специфические особенности, понять общие тенденции воздействия современных нетрадиционных религий на молодежь Запада.

## **2. Как кришнаизм появился в западных странах**

Первоначально кришнаиты появились в США, что мало чем отличалось от множества подобных событий в истории неоиндуизма и само по себе прошло почти незамеченным (и вряд ли знаменовало бы быстрый рост влияния новой секты, если бы не охватившая в эти годы западный мир широкая волна религиозно-мистических исканий). Необычен был разве что возраст обладателя высшего монашеского титула «свами», взявшегося экспортировать из Индии очередную разновидность индуистских воззрений и культа. А. Ш. Бхактиведанта Свами Прабхупада достиг почти семидесятилетнего возраста, когда в 1965 г. отправился из Индии в США на грузовом пароходе (из-за ограниченности денежных средств) и только с легким саквояжем, в котором лежал его собственный перевод первых трех книг Шримад—Бхагаватам, «священного писания» кришнаитов. Это был давно отработанный индуистами сценарий: приезд миссионера в далекую и совершенно чужую страну на свой страх и риск, в одиночку, без денег, но воодушевленного религиозным энтузиазмом, — так или почти так появлялись в Америке многие свами, жаждущие приобщить население индустриально высокоразвитых капиталистических стран к «подлинной религиозности», почерпнутой из древних верований Востока. Были у него и другие атрибуты классического восточного мессии, прибывшего спасти «погрязший в материализме и неверии» Запад, прежде всего долготелая и основательная религиозная подготовка. Бывший торговый служащий А.Ш.Де, принявший впоследствии монашеское имя Бхактиведанты, три десятилетия своей жизни посвятил изучению кришнаитского вероучения и культа. От своего религиозного учителя он принял священный завет — приступить к их пропаганде и распространению «по всему миру» — и стал первым, кто принес на Запад теистический индуизм — вайшнавизм. До этого

здесь была известна от американских трансценденталистов, прежде всего Р. У. Эмерсона и Г. Торо, а затем от индийского общественного и религиозного деятеля Вивекананды лишь ведантическая пантеистическая интерпретация индуизма.

Кришнаитские лидеры давно стремились к миссионерской экспансии в страны Запада. Еще предшественник Бхактиведанты — свами Бхактивинода Тхакура предпринял неудачную попытку пропагандировать кришнаизм в Канаде. С этой целью он послал в один из университетов этой страны религиозную брошюру о культе Кришны. Это произошло в том же 1896 г., когда Вивекананда основал общество ведантистов в США. Действительно, канун XX в. был периодом широкого экспорта индуизма в западный мир. И позднее, в 30-е годы, один из кришнаитских лидеров приезжал в США и выступал перед университетскими кругами, пытаясь распространить нетрадиционное для Запада вероучение и культ. Однако тогда это начинание не имело значительных последствий: кришнаизм не заинтересовал широкую американскую публику.

К концу 60-х годов американская молодежь, осознавшая бесперспективность нигилистического отрицания буржуазной культуры и попыток найти решение социальных проблем на пути «наркотической революции», обращается к богоискательству. В этих условиях предпринимчивый монах быстро собирает вокруг себя в Нью-Йорке небольшую группу неприкаянных юнцов, понадеявшихся, что он поможет им обрести почву под ногами, выйти из духовного и жизненного кризиса, в котором они оказались в силу различных обстоятельств. Первоначально местом их пребывания служила заброшенная торговая лавка, единственным достоинством которой была большая витрина, пригодная для рекламы зародившейся секты.

Известность пришла к старому свами совершенно неожиданно после его участия в шоу-фестивале, на который съехались представители различных течений американской молодежной контркультуры. Его пригласили лидеры «психоделической революции» — Кен Кейси, Тимоти Лири, Аллен Гинсберг, хотя, казалось, они должны были бы быть его непримиримыми противниками, ведь аскетизм и ригористическая сектантская мораль свами-кришнаита не совмещались с культом наркотиков и секса, которому платила щедрую дань молодежная контркультура. Тем не менее эта встреча не была случайной, поскольку за ней стояла давно наметившаяся тяга этих молодежных лидеров к восточному мистицизму, к тибетским и индийским религиозным ритуалам (А. Гинсберг и Т. Лири даже побывали в этой связи в Индии). Все это они попытались найти в малодоступной для них литературе или почерпнуть с помощью личных наблюдений, чтобы потом продемонстрировать своим приверженцам дилетантски упрощенный вариант некоего восточного культа. Не удивительно, что настоящий индуист и дипломированный свами заинтересовал их. Бхактиведанта, приглашенный на фестиваль, всю ночь распевал в кругу хиппи знаменитую махамантру «Харе

Кришна» и без устали танцевал санкиртану, прославляя в этом кришнаитском ритуале верховное божество своей секты. В конце концов, ему стало плохо, и несколько недель ушло на то, чтобы оправиться от сердечного приступа. Но главное было сделано: широкая группа антиконформистской молодежи узнала о новом мессии, приехавшем из далекой Индии, и к нему потянулись богоискатели.

Следует подчеркнуть, что идеология кришнаитской секты получила признание среди западных богоискателей прежде всего благодаря созвучию их собственным идейным поискам неких альтернатив буржуазным социальным теориям и официальным религиозным учениям. Буржуазные круги США проявили большую заинтересованность в росте популярности новой секты, стремившейся утвердить свое влияние прежде всего в среде молодежной контркультуры, «отпавшей» от официальной идеологии и добропорядочного образа жизни капиталистического общества. Средства массовой информации поддержали кришнаитскую секту в момент ее зарождения, посыпались пожертвования и другие виды финансовой и материальной поддержки, которые составили основные средства существования вновь созданной организации. Бхактиведанта быстро создал эффективный пропагандистский аппарат, что закрепило успех его миссионерской кампании на Западе. Если за 30 лет религиозной деятельности в Индии ему удалось издать лишь три книги, то после 12 лет пропагандистской деятельности на Западе его печатная продукция насчитывала уже 94 тома. Названный его именем международный издательский трест и после его смерти продолжает выпускать многомиллионными тиражами эту религиозную литературу. Секта, опираясь на мощный аппарат буржуазной пропаганды, идеологически обрабатывает широкие массы населения в десятках капиталистических стран, рассылает издаваемый на языках многих народов мира свой пропагандистский журнал, множество магнитофонных записей кришнаитского культа, рекламные киноленты.

Направляет миссионерскую деятельность кришнаитов на Западе «Международное общество кришнаитского сознания» (МОКС), созданное Бхактиведантой через год после его приезда в США, а ныне объединяющее и координирующее деятельность около 100 центров «кришнаитского сознания», подавляющее большинство которых находится в США. Кроме центров, выполняющих также роль кришнаитских храмов и монастырей — мест расквартирования сектантских коммун, — при МОКСе создано несколько сельскохозяйственных ферм и открыты вегетарианские рестораны, также используемые для пропаганды религиозного культа бога Кришны. Функционирует почти полтора десятка монастырских школ для детей сектантов. В крупнейшем нью-йоркском храме проживало до 100 кришнаитов, но по воскресеньям, которые являются днями открытых дверей, собиралось до 500 человек. Они принимали прасад — ритуальное угощение, наблюдали или сами участвовали в санкиртане — основном культовом обряде секты, рассчитанном на приобщение верующих к божеству.

МОКС регулярно устраивает в различных городах шумные и широко рекламируемые фестивали, которые собирают большое количество народа: только в одном нью-йоркском центре во время такого фестиваля собиралось более 1500 человек. Кроме того, сектанты почти ежедневно обязаны совершать религиозные шествия по многолюдным улицам городов.

Среди нетрадиционных религиозных организаций МОКС является одной из самых богатых, получая десятки миллионов долларов прибыли в год за счет издательской деятельности, парфюмерного производства, продажи предметов культа и других видов коммерческой деятельности. Главная статья ее доходов — это интенсивная эксплуатация неоплачиваемого труда рядовых сектантов, которые работают без выходных и отпусков и не пользуются правом на социальное страхование, а получают лишь скудное пропитание и поношенную монашескую одежду. Важное место среди основных статей дохода секты занимает и финансовая поддержка со стороны представителей господствующего класса, заинтересованных в пропаганде умиротворенных религиозно-мистических настроений среди бунтующего молодого поколения. Случается, что богатые пожертвования поступают и от богоискателей, таких, как Харрисон — участник популярного ансамбля «Битлз», который известен также своими симпатиями к различным проявлениям религиозного мистицизма. Харрисон подарил кришнаитам свое поместье близ Лондона, а позднее внес 100 тыс. долларов на сооружение дворца в США. Некий меценат дал даже целый миллион на строительство роскошного пропагандистского центра в Индии. Тем не менее кришнаиты не брезгают выпрашивать деньги у прохожих на улицах, даже у детей. К этому побуждают рядовых сектантов деспотические распоряжения их наставников, а также материальная нужда, в которой они постоянно находятся, поскольку все заработанные и собранные деньги принуждены сдавать в центральную кассу, находящуюся в распоряжении всевластных руководителей секты.

Сознавая, что прочность и жизненность секты во многом зависят от ее структуры, Бхактиведанта уделил большое внимание формированию организационного единства и централизованного управления движением Харе Кришны. Прежде всего он обосновал и закрепил свое положение в секте как ее божественного руководителя, наделенного свыше абсолютной властью и непререкаемым авторитетом. С этой целью он включил себя в парампару (список следующих друг за другом духовных учителей), возглавляемую самим богом Кришной. Тем самым провозглашалось в качестве одного из важнейших догматов секты, что Бхактиведанта является преемником Кришны и обладает божественным статусом. На этом основании сектанты стали называть престарелого монаха «его божественная милость» и оказывать исключительные торжественные почести как живому богу (простирались перед ним ниц, чрезвычайно пышно украшали его трон и покои, с благоговением после его смерти чтут его память, сохраняя его высказывания и книги). Свидетельство тому — часто воспроизводимая фотография всевластного правителя кришнаитской секты, на которой он

изображен восседающим в ярких красочных одеяниях в окружении свиты слуг с опахалами в руках и почтительно склонившихся приближенных. У ног этого святоши, тщеславно копирующего великолепие индийского раджи, раболепно простерся молодой сектант, лобызая стопы своего идола.

Возвышение Бхактиведанты вовсе не проходило так гладко, как это изображают его биографы. История многих сект свидетельствует, что их основателям часто приходилось в упорной борьбе отстаивать свое верховное положение. С этой проблемой столкнулся и Бхактиведанта, когда в 1970 г. приехавшие из Индии четыре санньясина (монахи-отшельники, формально не зависящие от сектантской организации и пользующиеся авторитетом у рядовых верующих) поставили под сомнение божественные полномочия руководителя МОКСа. Это угрожало

не только целостности международной кришнаитской организации, но и самому ее существованию. Момент был чрезвычайно критический. Однако сектантский лидер ловко справился с угрожающим положением и сумел сохранить свою власть: опираясь на поддержку президентов кришнаитских центров, он добился изгнания мятежных санньясинов из секты.

Бхактиведанте удалось обеспечить и преемственность в руководстве МОКСа, в противном случае существование этой организации находилось бы в последующем под угрозой ввиду его весьма преклонного возраста. Он учредил административный совет из 11 гуру, которые после его смерти стали осуществлять совместное руководство сектой, закрепив за каждым членом совета отдельные регионы мира. Примечательно, что среди них нет ни одного уроженца Индии, все они американцы или европейцы. Ближайшим доверенным лицом у Бхактиведанты стал уроженец Нью-Йорка, индус по национальности, бывший журналист военно-морских сил США. Он был личным секретарем престарелого свами, возглавлял кришнаитскую среднюю школу в Далласе (Техас), а впоследствии создал многотомную официальную биографию своего наставника. Эти факты говорят о том, что дань индуистским традициям кришнаитской секты сводится в основном к формальной стороне и служит своего рода антуражем прозападной ориентации МОКСа.

### **3. Древние истоки современного кришнаизма — бенгальские вайшнавизм и «господь» Чайтанья**

Идеологи современного кришнаизма часто апеллируют к своему историческому прошлому — религиозно-философской традиции вишнуизма, идущей от Рамануджи (XII в.), и реформаторской деятельности Чайтаньи (XVI в.). Однако эти ссылки являются лишь формальной данью религиозной традиции, ибо по существу движение Харе Кришна представляет собой одно из проявлений неоориенталистского богоискательства под воздействием кризисных явлений западных стран и поэтому не имеет ничего общего с демократической, социально-освободительной идеологией передового (для средневековой Индии) религиозно-реформаторского движения «бхакти».

Принципиально расходясь с традиционным индуизмом (брахманизмом),

движение бхакти (дословно «любовь», «почитание») выражало антифеодалные устремления широких народных масс XV-XVI вв., которые ряд исследователей называют периодом индийского (прежде всего бенгальского) Возрождения и Реформации. Борьба развернулась между господствующим классом (представленным брахманским жречеством) и противостоящими ему городскими торгово-ремесленными слоями и крестьянством<sup>4</sup>. Движение бхакти провозглашало религиозное объединение всех индийцев (т. е. индусов и мусульман), равенство их перед богом, борьбу против кастовых институтов и принцип личного, а не сословно-кастового взаимоотношения каждого человека с божеством. Интересно отметить глубокое замечание прогрессивного индийского ученого Д. Чаттопадхья об идеологии движения бхакти. «При анализе великих народных движений, связанных с именами Чайтанья, Кабира и Нанак... выявляется, что они содержат важные элементы „революционной оппозиции феодализму“, точно так же, как их содержало связанное с именем Томаса Мюнцера движение в Германии»<sup>5</sup>.

Вместе с тем нельзя не видеть ограниченности и непоследовательности религиозно-реформаторского движения бхакти, социальные устремления которого были облечены в форму мистического культа и фанатического сектантства. И все же, как справедливо отмечает Е. В. Паевская, исследовательница бенгальской литературы, «историческую прогрессивность движения бхакти не следует отождествлять с мистико-религиозной формой, в которой идеи этого учения облеклись в сознании его непосредственных участников»<sup>6</sup>.

Чайтанья (бенгалец-брахман Нимаи, принявший имя Чайтанья, 1486-1533) был одной из самых ярких фигур среди проповедников идей бхакти, его выступление было подхвачено широкими народными массами не только в Бенгалии, но и в других частях Индии. Сущность его социальных идей состояла в провозглашении равенства людей перед богом и в служении человеку. В условиях феодальной Бенгалии Чайтанья первым поднял голос за раскрепощение человека, стараясь вырвать его из-под влияния жречества<sup>7</sup>. Он заявлял, что «чандал (один из самых презираемых представителей низших каст неприкасаемых, „пожирателей нечистот“. — **К Б.**) выше всех брахманов, если он преисполнен веры и предан богу». Ярко выразив средневековые передовые идеалы и представления о гуманности, свободе и равенстве людей, Чайтанья способствовал также развитию вишнуитской поэзии, пропагандировавшей идеологию бхакти в литературно-художественной форме среди различных слоев населения.

Как лидера бенгальских монахов-вайшнавов Чайтанью отличала религиозно-мистическая экзальтированность, стремление выдвинуть экстатический культ на передний план. В этой связи он любил повторять, что

---

<sup>4</sup> См.: История Индии в средние века. М., 1968. С. 651.

<sup>5</sup> Чаттопадхья Д. История индийской философии. М., 1966. С. 30-31.

<sup>6</sup> Паевская Е.В. Развитие бенгальской литературы XII-XIX вв. С. 87.

<sup>7</sup> Новикова В. А. Очерки истории бенгальской литературы X-XVIII вв. Л., 1965. С. 86.

не следует попусту тратить время на обсуждение схоластической премудрости религиозно-философского учения веданты, а надо просто неустанно повторять мантру Харе Кришна. Чайтанья установил обязательность коллективного распевания этой мантры, сделал обряд санкирты центральным и тем самым сформировал и канонизировал кришнаитский культ. На этом основании окружавшие Чайтанью теологи (их стали называть «шесть госвами») объявили его воплощением Кришны, ссылаясь на то, что пураны предсказывали появление бога в виде аватары, занятого ревностным исполнением кришнаитской обрядности.

В действительности же канонизация Чайтаньи объясняется его выдающейся ролью в создании кришнаитской секты и ее потребностью в престижном самоутверждении. Несомненно, что для провозглашения Чайтаньи аватарой сектантская амбиция имела решающее значение, поскольку было необходимо закрепить в каноническом вероучении возникшей секты ее исключительное право на «вечный» образ Кришны, пользующийся в Индии чрезвычайной популярностью, в том числе в народномифологической и светской интерпретации.

Идеологи современного кришнаизма используют авторитет крупных мыслителей раннего вишнуизма, таких, как Рамануджа, популярность народных движений бхакти и имени Чайтаньи лишь для прикрытия своего эпигонства. Фактически они примыкают лишь к традиции богословской схоластики, развитой усилиями «шести госвами» при разработке ими кришнаитского вероучения. Их произведения используются и поныне в пропаганде кришнаизма. Бхактиведанта перевел и издал, снабдив подробными комментариями, одну из книг Руны Госвами, содержащую изощренную схоластическую детализацию 64 принципов преданного служения богу Кришне. Мистицизм, богословская схоластика, приверженность к экстатической обрядности — вот все, что сохранили, стараясь углубить и усилить, современные идеологи кришнаизма из наследия своих средневековых предшественников.

В противоположность своим средневековым предшественникам современное движение Харе Кришна появилось на Западе в условиях существования зрелых форм политической борьбы за социальную справедливость. Религиозный радикализм современных кришнаитов служит обновлению и углублению религиозности, а не действительной борьбе с официальной буржуазной идеологией. Таков реальный социальный смысл этого движения сегодня в западном мире. Его финансовое процветание и поддержка со стороны власти имущих подтверждает этот вывод, свидетельствуя об апологетической роли данного движения в системе идеологических институтов капитализма.

В чем же сущность учения современной кришнаитской секты? Ее популярное название «движение Харе Кришна» указывает скорее на внешнюю сторону дела: на ритуальную декламацию мантры соответствующего названия, которому сектанты отводят очень много времени. Есть и другое, официальное название этого религиозного движения

— «Сознание Кришны».

Как расшифровать специфический для вероучения секты термин «сознание Кришны» или «кришнаитское сознание»? Это обозначение особого религиозно-мистического представления и философско-идеалистического понятия, которые не только противоположны по своему содержанию категории «сознание»

в гносеологии и в научной психологии, но во многом даже и несопоставимы с данной категорией. Речь идет о «духе», сверхъестественном феномене, который в то же время представляет собой субъект, божественную личность — Кришну. Перед сектантом ставится задача приобщиться к этому нематериальному, потустороннему, трансцендентному бытию. Для этого надо отказаться от реалистического взгляда на мир и обратиться к иллюзорно-мифологическому мировоззрению кришнаитской секты, проникнуться свойственной ей фанатичной набожностью (стать «бхакти», преданным послушником своего кумира — бога Кришны) и в результате достичь полной отстраненности от реальной Действительности/Совокупность этих идеологических и нравственно-психологических элементов и составляет феномен «кришнаитского сознания», в котором сектант должен растворить свою человеческую индивидуальность и самобытную личность. Рассмотрим основные элементы «кришнаитского сознания».

#### **4. Мировоззрение и идеология кришнаитской секты**

Каноном секты, установленным еще Чайтаньей в качестве «священного писания», обязательного для изучения всеми кришнаитами, объявлены два произведения, посвященные Кришне, — «Песнь бога» (Бхагавадгита) и «безупречная пурана» Шримад-Бхагаватам (Бхагават-пурана). Древняя индуистская традиция приписывает их авторство одному человеку — древнему мудрецу Вьясе. В действительности же появление одного произведения отделяют от появления другого почти 1,5 тысячелетия. Возникновение Бхагавадгиты относят к IV—II вв. до н. э., а поздняя, восемнадцатая пурана Шримад-Бхагаватам была создана около X в. н. э.

Разумеется, что историческое значение этих произведений, а также предшествующих древнейших сказаний (вед) и философских комментариев к ним (упанишад) вовсе не определяется связью с идеологией кришнаитской секты. Хотя кришнаитские лидеры, стремясь поднять престиж своего вероучения, всячески подчеркивают, что они опираются на древнейшие памятники

индийской духовной культуры, фактически они весьма произвольно используют их при разработке своих религиозных доктрин, существенно отступая от подлинного содержания. Поэтому следует несколько подробнее сказать о Бхагавадгите.

Бхагавадгита (которую часто называют просто Штой — «Песней») является одной из частей шестой книги грандиозного эпоса Махабхарата и по

праву считается одним из наиболее авторитетных литературных памятников древнеиндийской идеологии, значение которого не утрачено и по сей день. Известный индийский ученый и общественный деятель С. Радхакришнан назвал *Титу* «наиболее популярной религиозной поэмой во всей санскритской литературе». Он писал: «Если судить о значении книги по тому влиянию, которое она оказывает на человеческие умы, то Шта будет самым значительным произведением в истории развития индийской мысли»<sup>8</sup>. Эта пользующаяся широким признанием объективная научная оценка исторического значения *Ти* ты совершенно несовместима с сектантскими амбициями кришнаитов, которые постоянно заявляют, что будто бы они являются единственными законными наследниками ее идейного содержания. На самом же деле Ште совершенно чужд сектантский сепаратизм и пафос религиозной исключительности. Она является философской основой чрезвычайно пестрого по своему религиозно-философскому содержанию индуизма. Более того, предмет развернутой в ней дискуссии не ограничивается религиозными воззрениями, а далеко выходит за их рамки в область социально-философских и нравственно-психологических проблем, чем и объясняется широкий интерес к этому произведению и его непреходящее для истории мировой культуры значение.

Содержанием *Гиты* является беседа перед битвой воина (кшатрия) Арджуны с возничим его боевой колесницы Кришной, который выступает здесь в роли его божественного наставника (гуру). Дело в том, что вся воинственность Арджуны пропадает, когда он видит в рядах противника многих своих близких и родственников. Он опускает оружие и отказывается участвовать в братоубийственной резне. Кришна внушает ему, что не следует думать о последствиях выполнения воинского долга, надо отбросить в сторону личные сомнения и хладнокровно выполнять свой долг воина и полководца, вершить «божью волю».

Философская основа Шты, как отмечает С. Радхакришнан, взята из упанишад, которые являются религиозно-философским истолкованием вед. В двухтомном труде по истории индийской философии он иллюстрирует традиционное представление о связи Шты с упанишадами древним изречением, согласно которому упанишады подобны коровам, Кришна — человеку, доящему их, Арджуна — теленку, пользующемуся результатами его усилий, а Шта — это замечательное молоко, нектар мудрости. «Автор Шты, — пишет С. Радхакришнан, — основываясь на упанишадах, извлекает их религиозную основу и превращает ее в живую систему путем объединения с народной мифологией и фантазией»<sup>9</sup>.

В Ште столь широко и разносторонне трактуются многие важные социально-философские и нравственно-психологические проблемы человеческого поведения, что это великое произведение на протяжении долгой истории своего существования привлекает к себе пристальное внимание самых различных мыслителей, стоящих подчас на

---

<sup>8</sup> Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1. М., 1956. С. 89.  
<sup>9</sup> Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1. С. 91.

противоположных идеологических и мировоззренческих позициях. Как отмечает один из исследователей Шты М. М. Малышев, к ней «обращаются революционно настроенные умы в поисках нравственного обоснования своей деятельности, направленной на преобразование окружающего мира; но в ней же ищут для себя идейного подкрепления представители реакционных философских течений, знаменующих разложение буржуазной культуры Запада». Таковыми были А. Безант — глава английских теософов и немецкий философ Э. Гартман, искавший в ней параллели учениям мистиков средневековой Европы.

«Несомненно, возможность столь полярных подходов к Бхагавадгите, — продолжает М. М. Малышев, — заключается объективно в ее содержании. Если пафос духовного обновления и бескорыстного подвига во имя будущего привлекает к древней поэме прогрессивных деятелей нового времени, то религиозная проповедь самоотречения в любви к богу дает основания для использования ее в целях пропаганды всякого рода мистических доктрин»<sup>10</sup>. Идеологи кришнаитской секты принадлежат именно ко второму лагерю, представители которого стремятся подкрепить авторитетом Гиты свои религиозно-мистические доктрины. При этом современное кришнаитское вероучение по-своему интерпретирует Гиту, значительно модернизируя и искажая в своих целях первоначальное содержание этого произведения.

Кришнаитская секта возникла в русле вишнуитской традиции и значительно удалилась от брахманизма, существенно перестроив свойственный ему пантеон верховных богов. На место троицы (Брахма—Вишну—Шива) встал Кришна, в собирательном образе которого слилось несколько божеств: Вишну, Бхагаван, Нараяна и пастуший бог Кришна. Это верховное, персонифицированное божество, которое управляет всем существующим, является причиной всех причин. Брахма и Шива были низведены кришнаитами до уровня полубогов, хотя и высшего ранга. Ранее Кришна рассматривался как одно из воплощений, девятое по счету, бога Вишну.

В сектантской модернизации древнего учения Вишну сам превратился в воплощение Кришны, объявляется носителем космического начала.

«Кришнаитское сознание» — центральный догмат секты — трактуется как высшая духовная реальность, трансцендентное бытие, представляющее собой «сокровенное чистое знание», выходящее за пределы этого мира и именуемое «царем знания». Под таким названием Бхактиведанта выпустил одну из своих книг о вероучении и культе возглавляемой им секты. Это знание вечно, оно «полно счастья» и постигается с радостью. За всеми этими определениями термина «кришнаитское сознание» нетрудно увидеть стремление поставить Кришну на место Брахмана ведантийской системы объективного идеализма Шанкары, которая отвергается как ошибочная «имперсоналистская (т. е. безличная) философия», не приемлющая

---

<sup>10</sup> Малышев М. М. К вопросу о месте «Бхагавадгиты» в литературно-философской традиции Англии и США // Литература и культура древней и средневековой Индии. М., 1979. С. 56.

представление о верховном божестве-личности. Теперь согласно сектантскому учению Кришна является Парабрахманом (т. е. высшим Брахманом) и представляет собой верховную личность божества, которая считается выше традиционного Брахмана — безличного божества.

При толковании «кришнаитского сознания» идеологи секты стремятся подчеркнуть мистический характер этого понятия. Оно, по их мнению, должно убеждать верующего, что человек является «частью и искрой бога», и поэтому он должен стремиться к тому, чтобы связать все свои помыслы с «высшим сознанием» в образе божественной личности Кришны.

Напротив, земное существование человека кришнаитские идеологи пытаются с не меньшим пропагандистским пылом дискредитировать. Материальный мир они изображают в качестве прямой противоположности «высшего сознания» и приписывают ему лишь негативные характеристики. Это место проклятья живых существ, которые находятся под бременем майи (иллюзий и заблуждений), приносящей им различные виды несчастий и страданий. «Жизнь в этом материальном мире, — проповедует Бхактиведанта, — по существу, неблагочестива и несчастна». Поэтому главная цель человека должна состоять в том, чтобы «ускользнуть» от материального мира. Он настойчиво подчеркивает, что проблемы человеческого существования состоят вовсе не в том, чтобы улучшить наше положение в материальном мире, а в том, чтобы избежать материального существования вообще. Различные условия существования людей, зависящие от их сословно-классового положения, по существу, не меняют дела. «В материальном мире, — рассуждает основоположник секты, — некоторые из нас являются узниками тюрьмы первого класса, некоторые — второго и третьего, но в любом случае они узники».

Проблема человека трактуется как проблема его освобождения от уз материального мира и спасения от неизбежных страданий. «Приход» Кришны и должен служить разрешению этой проблемы освобождения от всего живущего в данный момент человечества. Цель его прихода тройственная — защитить преданных ему, т. е. сектантов-кришнаитов, уничтожить демонов (в данном случае атеистов), и установить «подлинную» религию. Обоснование этих положений кришнаиты черпают из Бхагавадгиты, в которой от имени Кришны говорится: «Когда бы и где бы ни были нарушения религиозных принципов и где бы ни появлялось преобладание безрелигиозности, в это время я нисхожу сам». Поскольку мир, оставленный без «божественного присмотра», неизбежно деградирует-де под воздействием материального субстрата, бог вынужден снова и снова появляться на Земле: «Для того, чтобы освободить благочестивых и уничтожить мошенников, а также для того, чтобы восстановить религиозные принципы, Я прихожу Сам тысячелетие за тысячелетием».

Движение Харе Кришна порождено в конечном итоге социально-экономическими и политическими причинами, в первую очередь противоречиями капиталистического общества и утратой рядом социальных групп надежды на возможность позитивного решения социальных проблем в

рамках данного социального строя. Идеологи кришнаизма совершенно игнорируют это научное объяснение, поскольку подходят к трактовке общественных явлений с религиозно-идеалистических и вульгарно-социологических позиций. В их представлении социальная жизнь сводится к совокупности природных, биологических явлений и в результате острейшие социальные проблемы современности, сводятся к естественным проявлениям человеческой природы. Это характерно для многих религиозно-философских и идеалистических систем Востока и Запада, в которых такие острейшие социальные проблемы и противоречия, как угнетение и эксплуатация, нищета и культурная отсталость, низкий уровень социально-экономического развития ряда развивающихся стран, обусловленный их колониальным и полуколониальным прошлым, подменяются природно-биологическими проблемами существования человеческого индивида — «проблемами» рождения, болезней, старости и смерти. При этом естественные потребности человеческого организма объявляются сами по себе главными причинами его социального неблагополучия. К тому же сама биологическая природа человека трактуется кришнаитами мифологически в соответствии с древнеиндийскими религиозными представлениями о возможности перевоплощения человека (переселения его бессмертной души в новое тело после смерти старого) и предопределения «плохих» и «хороших» воплощений в будущей жизни (карма). Таким образом, религиозно-мифологически интерпретированная биологическая сторона жизни человека объявляется определяющей основой неблагополучия человека в обществе социальной несправедливости. В свою очередь, реальные социальные проблемы, побуждающие людей возлагать надежды на божественного спасителя, объявляются плодом заблуждений, иллюзий обманчивого материального мира и несовершенства чувств и разума человека.

В отличие от многих других индуистских религиозных учений, которые провозглашают веротерпимость, современные кришнаиты ревностно пропагандируют сектантскую исключительность. Они любят ссылаться на Бхагавадгиту, где приводится высказывание Кришны: «Оставьте все религии и предайтесь мне». Дискредитируя иноверцев, сектанты с еще большей враждебностью относятся к атеистам. Руководители секты в многочисленных своих выступлениях яростно обрушиваются на противников культа Кришны, а на атеистов в особенности. При этом они часто прибегают к грубости и оскорблениям, предпочитая их логическим доводам в защиту своих религиозных представлений. Они называют атеистов «глупцами», «низшими из людей, которые ниже животных». В кришнаитской «критике» атеизма и научного мировоззрения доминируют, таким образом, худшие проявления религиозно-сектантской нетерпимости и догматические утверждения, навязываемые без всяких доказательств.

Не признавая современной естественнонаучной картины мира, сектанты придерживаются космологических представлений, заимствованных из древнеиндийских вед. Подчас это приводит к курьезам: после полетов

космических аппаратов к Луне официальный орган секты журнал «Назад к Божеству», провозгласил, что, исходя из ведической картины мира, эти полеты не могли состояться и сенсационные сообщения о них — сплошная выдумка. Доводы журнала кришнаитов были следующие: веды говорят, что Луна расположена от нас дальше, чем Солнце, и космические аппараты никак не могли достичь ее и вернуться обратно за те несколько суток, как о том сообщалось, поскольку в противном случае их скорость должна была превысить миллион километров в час, что немыслимо.

В целом кришнаиты и их идеологи занимают откровенно обскурантистские позиции. В наиболее рекламируемом произведении Бхактиведанты «От жизни к жизни» содержатся крайне оскорбительные высказывания об образованных людях, сравниваемых с собаками. Бхактиведанта ожесточенно нападал на современные естественнонаучные теории о возникновении жизни на Земле и особенно на эволюционное учение Ч. Дарвина о происхождении человека, которые не оставляют места религиозным представлениям о бессмертной душе, о Боге — творце и управителе земной жизнью. Вместе с тем произведения идеологов современного кришнаизма полны архаических представлений, несовместимых с данными естествознания, вроде того что в прошлом жизнь человека длилась 100 тыс. лет, а человечество состоит из 400 тыс. различных биологических видов.

Не только естественные, но и общественные науки отвергаются кришнаитскими идеологами, которые утверждают, что обществоведение в принципе не нужно, что все книги по экономике, философии и другим наукам — это-де «ненужное и вредное накопительство», которое противоречит «божественной науке» Кришны и, кроме того, привязывает людей к материальному миру.

Обскурантизм кришнаитской идеологии обуславливает изоляционизм сектантов, отгораживающихся от всего остального мира и особенно от тех, кто не приемлет кришнаитскую веру. На этот счет есть соответствующее положение в инструкции МОКСа: «Нужно строго избегать общения с людьми, которые не интересуются сознанием Кришны». Прежде всего этот остракизм распространяется на атеистов. Сектантам рекомендуется не приглашать атеистов к себе, не принимать от них приглашения, не вступать с ними в доверительные беседы и т. п. Подобные запреты свидетельствуют о том, что секта явно опасается за изменение убеждений верующих под влиянием контактов с образованными людьми и с атеистами. Более того, правилами МОКСа сектантам запрещается вести любые беседы на социально-политические темы и даже слушать разговоры посторонних о «мирских вещах».

Секта настраивает верующих против всех, кто скептически отзывается об их религиозном культе. К такому человеку, учат наставники сектантов, надо отнестись непременно как к обидчику и оскорбителю и обрушить на него весь свой «гнев», помня, что тем самым защитник секты «служит господу». Подобными рекомендациями разжигается фанатичная религиозная

непримиримость; сектанты натравливаются на любого, кто «косо посмотрит» на их обскурантистскую, реакционную организацию.

Сектанты критикуют и решительно отвергают любую социальную политику светской или иноверческой ориентации, поскольку сфера этой политики якобы ограничивается материальным миром и сводится к материальной деятельности. При этом они ссылаются на поучения Бхактиведанты, который говорил: «Мы должны понять, что чего бы мы ни предпринимали в материальном мире, все это потерпит крах под воздействием материальной природы. Преуспеем ли мы в экономических устремлениях или нет, но к определенному возрасту наша жизнь будет закончена, и мы поневоле оставим все, как и оставим свое тело». Нетрудно видеть, что идеологи кришнаитской секты своими толкованиями социальной практики существенно ограничивают содержание материально-практической деятельности человека, вульгарно низводят мотивы его социальной активности до узкоутилитарных, эгоистических целей. Вульгарное понимание социальной деятельности человека закрепляется кришнаитским представлением о типе грубого деятельного материалиста. Это «карми» — тот, кто добивается плодотворных результатов своего труда (в отличие от «акарми», кришнаита, который действует в материальном мире во имя божества, не преследуя никаких земных целей). Труд «карми», как утверждает сектантское вероучение, очень тяжел, не приносит ему радости и подлинного наслаждения, а лишь одно разочарование. Для кришнаитов «карми» — не только стяжатель-собственник, но и любой политический лидер и общественный деятель, преследующий реальные земные цели. Сектанты уповают лишь на «помощь» бога Кришны, способного спасти современное человечество, и решительно отвергают любые формы социально-политической борьбы, программы, направленные на решение современных общественных проблем (если не считать благотворительные акции раздачи прасада — «Пища для жизни»).

Кришнаиты дискредитируют любую практическую деятельность, утверждая, что «из-за ее принадлежности к материальной сфере» она неизбежно временна, преходяща и не достигает поставленных целей. Лишь духовная, трансцендентальная деятельность (проявляющаяся в прославлении Кришны) вечна и непреходяща по своему значению. Сектанты отрицают необходимость экономического прогресса, особенно остро ощущаемую в развивающихся странах, в том числе и в Индии, и провозглашают, что «настоящая религия допускает экономический рост лишь в пределах минимума, обеспечивающего материальное существование», поскольку подлинной целью жизни является постижение «абсолютной истины», т. е. Бога. Программным требованием секты является, с одной стороны, фанатичная набожность, удушающая в сектанте живую человеческую личность, с другой стороны, аскетическое отношение к удовлетворению элементарных потребностей человеческого существования. Объективно проповедь такого идеала направлена на примирение с технико-

экономической отсталостью развивающихся стран, с обездоленностью и страданиями эксплуатируемых трудящихся масс.

Идеологи современной кришнаитской секты пытаются сформировать у своих последователей представление о том, что только в русле кришнаитской идеологии возможно позитивное решение актуальных экономических и социально-политических проблем нашей эпохи. Для этих целей они используют один из вариантов ставшей модной на Западе в 60-70-е годы прошлого века теории нулевого экономического роста как «естественного принципа», оправдавшего себя якобы в мире животных, где «живые существа не едят и не собирают больше, чем необходимо», и где «нет экономических проблем или недостатка в чем-либо».

Человеку, свободному от сектантских предрассудков, трудно сдержать улыбку, когда он слышит уверения кришнаитов, что люди смогут решить экономические проблемы лишь при одном условии: если каждый будет иметь собственный участок земли и молочную корову. Все рассуждения сектантских идеологов об идеале примитивного хозяйства, о непревзойденных достоинствах «естественного» состояния в животном мире обнаруживают полное невежество кришнаитов, не знающих ни закономерностей общественного развития, ни законов существования животного и растительного мира.

Сектанты игнорируют основы экономической науки, давно установившей непреложную истину, что даже для простого воспроизводства, не говоря уже о расширенном, необходим существенный излишек произведенной продукции сверх того, что пойдет на удовлетворение потребностей самих производителей материальных благ. Кришнаиты также совершенно искажают картину внутри — и межвидовых отношений в природе, говоря о царящей там «идеальной гармонии». Но, как свидетельствуют научные данные, естественный отбор — главный механизм эволюции в природе — строится на антагонистических отношениях между видами, вымирании одних и распространении других. В природном мире широко известны также такие явления, как нарушение равновесия взаимоотношений того или иного вида с условиями его существования, что подчас приводит к массовой гибели живых существ, к экологическим кризисам. Только глубоко изучая законы природы и общественные закономерности, человек может научиться управлять общественными и природными процессами.

Кришнаиты, огульно дискредитируя общественный прогресс, демонстрируют исторический пессимизм и непонимание законов общественного и природного развития. Свою сектантскую религиозно-мистическую позицию они провозглашают стоящей выше капиталистического и социалистического общественного устройства, поскольку оба-де базируются на материальных отношениях собственности. Для кришнаитов общенародная собственность ничуть не лучше частной, поэтому идеологи движения Харе Кришна объявляют себя приверженцами «духовного коммунизма». Под «духовным коммунизмом» сектанты

понимают «наилучшую жизнь, достижимую через духовность» (т. е. через религиозно-мистическую набожность), райское блаженство душ, порвавших связь с земным существованием, в трансцендентном мире бога Кришны. Хорошо известно, что подобные религиозные иллюзии призывают массы не к социальной активности, не к реальному решению исторических задач, а к социальной пассивности и смирению, к иллюзорной религиозной активности.

В своей широковещательной пропагандистской деятельности кришнаитские идеологи не могут обойти молчанием и проблему предотвращения войны и укрепления мира между народами. И в этом случае вместо реальной борьбы за сохранение мира они призывают к всеобщему единению в любви к богу Кришне. Ссылаясь на Шримад-Бхагаватам, сектанты проповедуют, что люди смогут достичь мира и покоя, установить дружественные отношения внутри страны и между народами, только если они примут религию кришнаитского сознания. Реакционность подобных лицемерно-успокоительных проповедей особенно очевидна при обсуждении вопроса об угрозе атомной войны, предотвращение которой приобрело особую необходимость в условиях расширения численности государств, обладающих атомным оружием, и продолжающейся гонки вооружения.

Однако кришнаитские идеологи не только не разделяют опасений всех людей доброй воли перед возможностью атомной катастрофы, но пропагандируют настроения благодушного спокойствия, опасные для дела сохранения мира на Земле. Уповая в своих проповедях на мистику и суеверия, они стремятся завуалировать опасность атомной войны, утверждая, что она не может привести к всеобщему уничтожению, поскольку-де «душа не может быть убита атомной бомбой». На столь нелепые попытки скрыть от людей весь невообразимый ужас атомной катастрофы не осмеливаются даже самые оголтелые милитаристы.

Наряду с этим сектанты апеллируют к идеально-умозрительной модели архаического быта, построенной на принципе уравнительного распределения. В ней они видят залог всеобщего мира, но не хотят понять, что исторический прогресс нельзя повернуть назад и возвратит индустриально развитые страны к архаической системе натурального хозяйства далекого прошлого.

Все эти составные части кришнаитской идеологии образуют религиозное, социально-утопическое мировоззрение, которое объявляется идеологами кришнаизма единственно истинным знанием, высшей наукой.

В книге с характерным названием «Царь знания» Бхакти-веданта, всесторонне освещая идеологию современной кришнаитской секты, торжественно провозгласил, что «даже самый большой грешник, получив спасительную лодку науки о Кришне, сможет очень просто пересечь океан рождений и смерти», т. е. материальный мир извечных и непрекращающихся страданий.

Однако нетрудно убедиться в ложности пафоса этих рассуждений о непревзойденном значении «науки» о Кришне, «знаний» бога и т. п. для

спасения страждущих. Подобное восхваление «науки о Кришне» — лишь отголосок ведической традиции, служащий данью формального уважения к древнему сакральному учению вед и упанишад. Фактически кришнаиты отдают предпочтение фанатичной набожности, а не религиозной схоластике. Идеология кришнаизма служит для «теоретического», а вернее, догматического обоснования культовой практики сектантов, поэтому именно культ и обряд, а не идеология, мировоззрение, знание догм объявляются идеологами кришнаизма главными средствами индивидуального и социального спасения.

В формировании религиозности кришнаитская секта отодвигает на второй план знание вероучения. В полном соответствии с общей иррациональной установкой передача вероучения определяется принципом «шриванам киртанам» (т. е. «слушай и повторяй»), который считается главным для рядовых сектантов. Кришнаиты проповедуют, что традиционные обряды жертвоприношения, философские рассуждения, йога в современных условиях утратили свое значение, и поэтому нет иного пути, кроме «смирненного слушания». Канонизированное «священное писание», его изложение и комментирование «духовными учителями» объявляются единственным источником данного вероучения.

Здесь мы встречаемся с вариантом индуистского фундаментализма — требованием буквального, без всякого критического осмысления восприятия священных текстов. По мнению традиционалистов, единственно правильным путем понимания религиозно-философского канона является вера, которую надо формировать и укреплять. Идеологи кришнаитов неустанно повторяют, что только одного понимания религиозного учения недостаточно, веру надо поддерживать «духовными занятиями», «служением» Кришне, т. е. интенсивным отпращиванием культа. Продвинувшийся в религиозном знании сектант становится «джнани», и это означает, что он уже выше совершенно невежественного в этом отношении карми (человека, погрязшего в интересах материального мира), однако и на ступени джнани верующий еще невежествен, обладает «нечистым» знанием, пока не достигает преданного служения Богу.

Речь идет о формировании психологической доминанты в сознании верующего, которая ориентирует все его мысли, чувства и дела на служение сверхъестественному началу — богу Кришне. Эта религиозная доминанта, или господствующие в сознании верующего религиозные чувства и представления, трактуется идеологами секты как «высшее совершенство знания».

Таким образом, кришнаиты модернизируют традиционную терминологию индуизма, приспособляют ее к условиям современного общества, используя в своей пропаганде такие престижные для современного человека понятия, как «знание», «наука», «сознание». По сути же, фанатичная набожность, которую руководители кришнаитов стремятся сформировать у верующих и которая именуется «преданным служением» Богу, вовсе не связана с расширением и углублением знания, даже если речь

идет о религиозном знании, о вопросах вероучения или  
отеологическом обосновании обрядов.

Следует подчеркнуть, что формирование сектантского мировоззрения ведет к чрезвычайному сужению знаний человека об окружающей действительности. Это неизбежный результат строгих предписаний секты о прекращении общения с иноверцами и особенно с атеистами, об отказе от всех источников светской информации. Вследствие этого у верующих формируется состояние отстраненности от среды, в которой до сих пор реализовалась их общественная активность. Развитие и углубление религиозности попавшего в секту человека также не является процессом познания (наращивания знаний, приобретения новой информации об объективной действительности). Ведь неисчерпаема в познании лишь реальность, которая служит источником обогащения наших знаний, а не фикция, или иллюзорная умозрительная конструкция, коей являются идеи и представления о божестве.

Формирование набожности достигается не в процессе усвоения вероучения индуизма, а в процессе интенсификации религиозных чувств, углубления соответствующих переживаний, вплоть до появления галлюцинаций и состояния экстаза. Так укрепляется религиозная доминанта в психологии верующего, не только охватывающая сферу его сознания, но и проникаю

щая в подсознание, что еще больше усиливает чувство «присутствия» божества в жизни человека, утратившего реалистическое представление об окружающем.

## **5. Культурная практика кришнаитов**

Это основа их мистической религиозности и главное средство приобщения к организации и укладу их жизнедеятельности. Кришнаитские обряды формируют и поддерживают в сектантах экзальтированную набожность, закрепляя тем самым их религиозный фанатизм. Кришнаитский культ сводится к бхакти-йоге, объявляемой «спасительным» путем к божеству, достигаемому через беспредельную любовь к нему и преданное служение. Настойчивая пропаганда бхакти-йоги как единственно аффективного в современную эпоху пути религиозного спасения была постоянной темой выступлений Бхактиведанты. При этом он обосновывал бхакти-йогу тем, что «бог не может быть осязателен материальными чувствами, поэтому процесс бхакти-йоги помогает нам представить себе бога». Иными словами, сверхъестественное начало, божество не может быть предметом рационального познания. Лишь подготовив свои чувства в процессе формирования фанатичной набожности, освоив приемы религиозной экзальтации, верующий может «постичь» бога.

Бхакти-йога состоит в поклонении богу Кришне прежде всего в форме постоянного распевания махамантры Харе Кришна. Сектантские идеологи много пишут о ее сакральном смысле и чудодейственности. При этом,

увлеченные догматической риторикой, они не замечают явной нелогичности и бессмысленности своих высказываний, например, порочного круга в рассуждении о том, что мантра Кришны, служащая его прославлению, принесена опять же Кришной в образе его аватары Чайтаны. Выходит, что бог создал божественную мантру для своего собственного прославления и сам же ее «принес». Бессмыслица этого рассуждения несколько не беспокоит кришнаитов, привыкших к бездумному восприятию догматов секты.

По существу, монотонно повторяемые слова «Харе Кришна, Харе Рама» лишены реального смыслового значения<sup>11</sup>. Отыскивать же первоначальный смысл мантр — занятие очень трудное и часто безнадежное из-за глубокой древности их происхождения. Придумывать для них новое содержание, как это делают кришнаиты, — значит заниматься теологическими спекуляциями. Но для своего существования и функционирования мантры не нуждаются ни в том, ни в другом. Они используются в религиозном культе как главное средство достижения «высшего совершенства в жизни и духовного экстаза». Приписывая распеванию мантры чудодейственное значение, Бхактиведанта утверждал, что этот процесс испепеляет все кармические последствия наших прошлых греховных жизней. При этом «спасительному» действию мантры приписывается автоматический характер (хотя и с оговоркой о необходимости «веры и преданного служения» Кришне). Декламация мантры становится поэтому не прославлением бога и взыванием к его помощи, а своеобразным заклинанием. Этим мантра-йога отличается от молитвы, представляя собой, в сущности, более древний магический обряд.

Наиболее широко в индуистско-буддийской традиции распространено представление о мантре как о проявлении или «реализации» божества (космической божественной энергии) в форме элементов санскритского языка. Слова, отдельные слоги и даже буквы этого священного, по древним поверьям, языка и составляют речевую или письменную формулу мантры. При этом акустическая вибрация, вызванная произнесением мантры, считается пробуждением разлитой в космосе божественной энергии, поэтому мантра и не нуждается, по мнению идеологов кришнаизма, в смысле: она-де непосредственно связана с трансцендентной реальностью, с богом. «Имя бога и сам бог — это одно и то же, — любят повторять идеологи кришнаизма. — Поэтому декламировать имя бога означает устанавливать прямую связь с ним». Помимо немногих «универсальных» мантр, таких, как слог «ом» (читается — аум) — символ космической энергии в целом, — громадному их разнообразию, достигающему до 700 тыс., приписывается узкоспециализированное назначение (к примеру, целительное воздействие при определенных недугах, благодатное влияние на развитие определенных способностей человека и т. д.). Это древние магические формулы

---

<sup>11</sup>Хари (звательное — Харе) — «уносящий», «светло-желтый», «буланый» (конь); мужское имя — эпитет, общий для Вишну, Нараяны и Кришны, связанный с древним олицетворением божества в образе коня, в чем виден пережиток родоплеменного тотемизма. Кришна — «черный» — свидетельство дравидского происхождения этого племенного бога, вошедшего в вишнуитскую традицию. Рама — «отрадный» — один из эпитетов бога созидания Вишну и одно из его воплощений. Таким образом, мантра Харе Кришна представляет собой набор появившихся в разное время эпитетов и имен-воплощений божества вишнуизма.

колдовского заклинания.

Для кришнаитской секты специфична мантра Харе Кришна, которая истолковывается как «спиритуальный призыв к богу и его энергии». Однако и эта мантра имеет, в сущности, безличный характер и символизирует собой чувство наслаждения и экстаза от слияния с богом. Такая трактовка махамантры Харе Кришна вполне отвечает ее ритуально-культовому назначению как средства достижения верующим экстатического состояния в процессе исполнения обрядов киртаны и санкиртаны.

Центральное место мантра-йоги в кришнаитском культе свидетельствует о его связи через древние религиозные традиции Индии с первобытной магией. Тем самым обнаруживается существенное противоречие в современной кришнаитской идеологии: культ персонифицированного бога Кришны сочетается с пантеистическим истолкованием мантры как средства привлечения безличной божественной силы, или энергии космоса. Такая непоследовательность характерна для вероучения и культа кришнаитской секты в целом: монотеистические и пантеистические мотивы постоянно сталкиваются и образуют неразрешимый клубок противоречий.

На примере многих неоориенталистских культов («Трансцендентальной медитации», «Миссии божественного света» Ма- харая Джи и других) видно стремление их организаторов к возможно большему упрощению ритуальной практики. Эта тенденция наблюдается и в кришнаитской секте, хотя и в более ограниченной степени. Преподношение ритуальной пищи (праса- да) фигуркам Кришны и Радхи, их украшение и восхваление являются достаточно сложной церемонией, которая сохраняется в своем традиционно разработанном виде и в современных богослужениях кришнаитов. Напротив, главное культовое действие кришнаитской секты — распевание мантры — рекламируется как очень простое по выполнению, но чрезвычайно могущественное по результатам ритуальное действие. Впрочем, это обещание рассчитано на легковерного неопита. Фактически же секта превращает повторение мантры в тяжелейшее бремя многочасовой непрекращающейся декламации, начинающейся с 3-4 часов утра и продолжающейся до позднего вечера (и это помимо многих других обременительных религиозных занятий и трудовой деятельности, необходимой для пополнения сектантской кассы, находящейся в ведении верховных гуру). Обязательный минимум декламации — 1728 повторений священной большой мантры, подсчитываемых с помощью индивидуальных ритуальных четок. На четках 108 зерен, и за день их надо перебрать 16 раз<sup>12</sup>.

Однако эта почти астрономическая величина ритуальных повторений мантры Харе Кришна — далеко не предел. Сектанты распевают мантру еще и в коллективных процессиях на улицах городов, совершая так называемую

---

<sup>12</sup> Обряд ритуального повторения мантр, или мантра-йога, сохраняет многие черты древних верований не только в трактовке сакрального значения мантры, но и в самом количестве его повторений. Согласно тайным, эзотерическим учениям Индии число 108 считается магическим, поскольку его множители составляют так называемый магический треугольник:  $108 = 1 \times 2 \times 2 \times 3 \times 3 \times 3$ . Число 16 также наделялось волшебной символикой, поскольку и его множители образуют своеобразный цифровой квадрат  $16 = 2 \times 2 \times 2 \times 2$ . Следовательно, число 1728 ( $108 \times 16$ ) возникло из древних учений о мистике чисел.

санкиртану — изнурительное многочасовое шествие. Но и этого кажется мало фанатичным руководителям секты, они вспоминают указание Бхактивиноды Тхакуры (который еще в конце прошлого века пытался пропагандировать на Западе учение секты) о том, что следует 100 тыс. раз повторить имя божества, чтобы перестать считаться «падшим».

Очевидно, что ритуалы кришнаитской секты плохо соответствуют современной потребности западных богоискателей в простом и необременительном религиозном культе. Поэтому руководители секты пытаются компенсировать этот недостаток подчеркиванием эмоционально-приподнятого и даже развлекательного характера религиозных ритуалов секты. Называют религиозную деятельность кришнаитов «очень радостной», поскольку она складывается из пения и танцев, принятия прасада (освященной вегетарианской пищи) и обсуждения Шты. Подчеркивая и расхваливая эту мнимую легкость и непринужденность кришнаитского культа, сектантские проповедники отмечают, что в нем нет каких-нибудь жестких правил и ограничений, как, например, сидения в течение долгого времени с выпрямленной спиной (в позе «лотоса», в которой изображается Будда), упражнений по контролю дыхания, сложных гимнастических упражнений хатха-йоги. Кришнаитская секта для «освобождения» верующего предлагает, как мы видели, бхакти-йогу. Но почему манипуляции бхакти-йоги с человеческой психикой «лучше», «проще» и «радостнее», чем манипуляции хатха-йоги с человеческим телом? Психическая организация личности обычно является более тонкой и хрупкой, легче ранимой, чем телесная организация человека. Поэтому противоестественная манипуляция чувствами и настроением верующего, к которой прибегают приверженцы религиозного мистицизма и сектантского фанатизма, вызывает, как правило, более тяжелые неблагоприятные последствия, чем воздействие в аналогичных целях на человеческое тело. Все это неоспоримо доказывает, что восхваление мнимых достоинств бхакти-йоги лишено оснований. К тому же кришнаитские проповедники постоянно подчеркивают, что бхакти-йога обеспечивает более глубокую, подлинно фанатичную религиозность. Разве это не является свидетельством того, что она наносит личности более тяжелую морально-психическую травму?

Однако кришнаитские гуру, акцентируя свое внимание на бхакти-йоге как главном средстве формирования религиозной набожности, не забывают и о методах физиологического воздействия на верующего в целях более успешного формирования глубокого религиозного фанатизма. Жесткие аскетические ограничения в питании, продолжительности сна и отдыха, многочасовые приплясывания и ритмичное декламирование мантры — все это влияет на психику человека, чтобы ослабить его сопротивление нравственно-психологическому давлению сектантских идеологов, затруднить критическое восприятие вероучения.

## **6. Авторитарность — главный организационный принцип секты кришнаитов**

Догматизм и иррационализм кришнаитской идеологии определяет основной организационный принцип сектантской жизни, которая зиждется не на разумной дисциплине или рационально обоснованных правилах, а на отношениях авторитарного и строго иерархического, слепого и бездумного подчинения младших сектантов старшим. Последние обладают статусом духовных учителей, и их суждения непререкаемы и неоспоримы, так же как весь их образ жизни и поведения. Современные руководители секты настоятельно подчеркивают недопустимость любых проявлений непочтения к старшим сектантам. Так, в одной из инструкций указывается, что рядовые члены секты должны быть осторожными и не поддаваться чувству зависти по отношению к могущественному вайшнав. Считается оскорбительной попытка дать ему совет или поправить его. «Продвинутый» вайшнав всегда выступает в роли духовного учителя, а неофит — в роли ученика.

Бхактиведанта всячески подчеркивал необходимость связи неофита с «подлинным спиритуальным мастером». Это гуру, духовный наставник, который уже «не заинтересован в материальных вещах», т. е. отстранился от реальной действительности, поскольку его сознание целиком перестроено в соответствии с религиозными идеями, а поведение всецело определяется соответствующими сектантскими предписаниями. У современных кришнаитов гуру — центральная фигура в секте; именно гуру воспитывает послушников в духе религиозного фанатизма и слепого сектантского послушания.

Вместе с тем очевидна и несостоятельность мнения, распространенного среди тех, кто совершенно не знаком с вероучением и повседневным бытом кришнаитов, согласно которому гуру якобы является чуть ли не мудрецом, способным дать полезный совет в их жизни. Это опасное заблуждение. По традиции гуру избегает «мирской суеты». Он не должен, да и не в состоянии быть советчиком в житейских делах. А вот методами формирования религиозного фанатизма, сектантской нетерпимости у своих учеников, раболепного смирения он должен владеть в совершенстве.

Три градации монахов-послушников не исчерпывают всех ступеней жесткой иерархии, установленной в секте. Очень высоким статусом пользуются президенты кришнаитских храмов. Они самовластно, решают все вопросы религиозной службы, труда и быта сектантов в подведомственных им коммунах. Еще выше власть верховных гуру, входящих в административное правление МОКСа, они ведают отдельными регионами мира, включающими в себя несколько крупных стран. Особое положение в секте занимают ачарьи, служащие личным примером для верующих. Это монахи, ведущие независимый отшельнический образ жизни. Вершину этой длинной иерархической лестницы сектантской субординации в недавнем прошлом увенчивал шрила (форма уважительного обращения) Прабхупада, известный для непосвященных как свами Бхактиведанта, постоянно

фигурирующий под высшим титулом «его божественной милости». Все это говорит о том, что демократизм немыслим для кришнаитской секты; в ней царят отношения господства и подчинения, оформленные в систему строго иерархической сектантской организации. При этом безгласным и бесправным рядовым сектантам противостоят их всевластные руководители — облаченные авторитетом, богоподобные, непогрешимые гуру, которые после смерти Бхактиведанты унаследовали принадлежавший ему высший титул «божественной милости».

Таким образом, секта кришнаитов представляет собой пример организации, построенной на слепом подчинении воли и действий верующего своим руководителям. Он должен выполнять распоряжения «божественных» наставников совершенно бесстрастно, механически, не придавая никакого значения результатам действий, какие бы они ни были. Так создается механизм, который позволяет руководителям секты заставлять сектантов совершать любые несправедливости, насилия, даже преступления. Примером может служить трагедия в Джонстауне — коллективное самоубийство более чем 900 членов секты «Народный храм», подчинившихся садистскому приказу «живого бога» из США Джима Джонса.

Авторитарный характер руководства в новых сектах — по сути, диктаторский — скрывает за собой серьезную опасность использования религиозного фанатизма верующих в политических экстремистских целях. Это можно видеть на примере индуистской секты Ананда Марга, ставшей на путь политического терроризма и подготовки государственных переворотов в Индии с целью проложить путь к власти ультраправым группировкам, пользующимся поддержкой США.

Хотя кришнаиты декларируют свою отстраненность от политики как преследующей сугубо земные интересы людей и фактически аполитичны, в принципе религиозный экстремизм, используемый для неблагоприятных политических целей, вероятен для секты, поскольку она проповедует, что единственное значение в жизни имеют религиозные мотивы действий и поведения людей, ценность которых столь велика, что затмевает любую их практическую значимость, даже негативного характера. Будут ли это серьезные проступки или даже преступления — они не должны осуждаться сектой и иметь неблагоприятных последствий для верующего, если только он руководствовался религиозными мотивами. Сектантские идеологи по этому поводу пишут: «Любое действие, санкционированное Кришной, независимо от того, каково его ценностное содержание и практические результаты, не имеет никакой кармической реакции», т. е. не отражается якобы на земных судьбах человека. Поступки, санкционированные сектой, объявляются вне «суда земного», их не следует расценивать как хорошие или плохие, как полезные или бесполезные, как подвиги или преступления,

Сектантский отказ от реальных общественных критериев в оценке намерений и поступков человека, критериев, опирающихся на историческую практику, является антиобщественной, реакционной позицией в вопросах

морали и права. Это отчетливо проявлялось в осуждении бывшим кришнаитским лидером общественно полезной деятельности, имеющей гуманный, прогрессивный характер. С циничной откровенностью Бхактиведанта заявлял, что даже очень гуманная деятельность должна рассматриваться сектантами, исходя из того, насколько она привязывает людей к материальной действительности, и, следовательно, находится в прямом противоречии с трансцендентной целью, к которой они должны стремиться. Единственной

ценностью сектанты объявляют религиозную сторону жизни, фанатическую набожность и отстраненность от действительности. Это гарантирует верующему, по уверению идеологов секты, скорейшее «спасение», трактуемое как освобождение от земных заблуждений, тягот и страданий. Как же на деле реализуется этот идеал «спасения»?

## **7. Мертвые при жизни: кришнаитская отстраненность от реального мира**

Американский антрополог Ф. Дейнер около полутора лет провела в религиозных коммунах, расквартированных при крупнейших храмах кришнаитской секты в Бостоне и Нью-Йорке. Она сумела снискать к себе доверие сектантов, поскольку поначалу разделяла их социальные иллюзии. Это позволило ей подробно ознакомиться с внутренней жизнью секты, которая и была показана с достаточной объективностью в книге «Американские кришнаиты». Если бы не почти документальная точность, с которой молодой антрополог отобразила будни кришнаитской секты, трудно было бы поверить, что на долю американских богоискателей могла выпасть такая чудовищная мера духовного порабощения, угнетения и жестокой эксплуатации.

«Оставь все!» — это неумолимое требование, с которым миссионеры новых сект обращаются к неофитам, характерно и для проповедников движения Харе Кришна. Если молодые люди переступают порог храма не как гости, которых развлекают демонстрацией ритуальных жертвоприношений перед фигурками богов, угощают прасадом и вовлекают в коллективную декламацию мантры, если они уже прошли эту стадию заманивания и вербовки и захотели остаться, то от них требуется в первую очередь выполнение неумолимой заповеди оставить все, чем они раньше интересовались и жили. Личная собственность и имущество молодых людей, будь то деньги, магнитофоны, радиоприемники и телевизоры и многое другое, в том числе и автомобили, — все это становится собственностью секты, а точнее, безвозмездно присваивается МОКСом. Поступления «пожертвований» новообращенных в казну этой международной организации составляют весьма доходную статью обогащения ее руководства. Нередко состоятельный неофит приносит с собой сумму в несколько десятков тысяч долларов, на возвращение которых он уже не может рассчитывать. Даже будущее родительское наследство сектанта

юридически переходит в руки заправил кришнаитской организации. После такого основательного «очищения карманов» неопфита меняется до неузнаваемости и его внешний облик.

Бритоголовые, с размалеванными мистической символикой лицами, в цветастом монашеском одеянии бывшие американские и западноевропейские студенты резко контрастируют со своим прежним окружением. Это не просто требование подчиниться сектантским условностям и не только символ того, что неопфит отрекся от прежних привязанностей и порвал с прошлым, а одно из главных средств давления на психику завербованных молодых людей, получившее название «промывания мозгов». Придавая внешности сектантов экзотический облик монахов-кришнаитов, их лидеры стремятся тем самым внушить им мысль об их «исключительности», отстранить от окружающей действительности и возвести трудно преодолимый барьер для общения с прежней средой. Завершается процесс ухода нового сектанта от мира отказом от прежних имени и фамилии, которые при ритуале посвящения заменяются новыми, монашескими. Как и руководители других новых сект, кришнаитские гуру ограничивают общение молодежи с родительскими семьями. Часто родители не знают, где находятся их завербованные в секту дети, поскольку переписка, телефонные разговоры с семьей и оставшимися «в миру» знакомыми запрещены.

Это вызвало в ряде западных стран бурные протесты со стороны родителей, чей семейный мир был нарушен вторжением сектантских вербовщиков. Однако родительские надежды на вмешательство официальных властей оказались тщетными. Выступления родительских комитетов в США, Великобритании, Франции, ФРГ, Бельгии и в других странах с требованием законодательного запрещения деятельности новых сект оказались голосом в пустыне. В результате затянувшийся на несколько лет конфликт родителей с руководителями кришнаитов решается подчас по сюжету детективных историй. Родители завербованных в секту молодых людей нанимают частных сыщиков, те начинают розыски пропавших, в конце концов, находят и насильственно похищают. После этого представители новой профессии — «депрограмматоры» на протяжении многих месяцев стараются исправить то деструктивное нравственно-психологическое воздействие, которое секта оказала на попавшего в ее сети молодого человека, и пытаются вернуть его к прежним занятиям и образу жизни.

В свою очередь, сектантские организации, располагающие значительным влиянием и большими финансовыми возможностями, не остаются пассивными наблюдателями подобного «родительского самоуправства» и энергично апеллируют к судебным инстанциям. Примером может служить иск на сумму

1 млн долларов, предъявленный сектой семье, похитившей у нее своего сына. Далеко не всем удастся освободиться из сектантских сетей и с помощью ловких детективов. Кстати сказать, оплата их услуг обходится родственникам в несколько тысяч долларов, и не всем эти расходы по

карману. Бывает и так, что молодой человек, несмотря на все усилия родных и приставленных к нему депрограмматоров, снова возвращается в секту. Ведь капиталистический строй заставляет многих настойчиво искать выхода из тупиков жестокой действительности, и порой богоискательство кажется единственно приемлемой альтернативой ненавистной повседневности. Таким образом, усилия секты по вербовке своего пополнения получают сильнейшую поддержку со стороны самой капиталистической действительности.

Нельзя не принимать во внимание и разработанный до мелочей и проверенный веками механизм манипуляции сознанием прозелитов, который умело используется сектантскими вербовщиками. Уже сам распорядок жизни и занятий в сектантской коммуне призван внести глубокие изменения в мироощущения человека и послужить основой для перестройки его отношения к окружающей действительности и к самому себе. Главная роль в этом процессе принадлежит воздействию на личность постоянной религиозной пропаганды и интенсивной культовой практики.

Распорядок дня сектантской коммуны распisan строго по часам и минутам, исключений не бывает никогда: ни выходных дней, ни каникул или отпусков в секте нет. Ее внутренняя жизнь протекает как бы под монотонный и непрерывный стук часового механизма, управляющего всеми движениями сектантов с раннего утра до позднего вечера. Встают в 3.30, ложатся спать в 22.00 — таков неестественно длительный, выматывающий все физические и духовные силы сектантов их «рабочий день».

В этом очень плотном распорядке весьма продолжительного «дня» не найти и минуты ни для общепольных занятий, ни для себя лично. Все время, все силы человека принадлежат исключительно сектантской организации. Бюджет времени сектанта построен так, что человек полностью изолируется от сферы внесектантской жизни и от своих собственных индивидуальных забот и интересов. Секта всесторонне и полностью «опекает» его, не позволяя ни на минуту вырваться из системы жестко зафиксированных ролей.

Среди нескольких строго определенных занятий, которые предписаны сектантами, особо педантично контролируется их религиозная деятельность — отправление обрядов и постижение религиозно-мифологического учения. Но в широком смысле слова вся жизнедеятельность верующего в секте является религиозной, само его существование переосмысливается в соответствии с догматами кришнаитской веры. Храм, где он проживает и совершает службы, расположен согласно мистическому учению секты не в Бостоне или в Нью-Йорке, а в трансцендентном мире, на спиритуальной планете Вайкунтха, да и сам сектант — не американец, а вселенский космополит, преданно служащий у ног божества и его всевластных представителей.

В кришнаитской секте ежегодно совершается несколько обрядов религиозного поклонения. На первом месте стоит поклонение божествам

Джаганнагха, а затем поклонение супружеской паре — Кришне и Радхе. Утром и вечером в секте совершается специальная церемония поклонения священному растению «туласи деви» («туласи» — санскритское название полукустарника базилика, некоторые виды которого выращивают для получения эфирных масел и пряностей). Сектанты считают его слугой Кришны, живущим в телесной форме растения. Это отголосок древнего культа растений, который распространен и в современной Индии. Американские кришнаиты ревностно сохраняют данные суеверия, полагая, что тот, кто поест, коснется листьев священного куста или только увидит их, освободится от всех несчастий и болезней. В каждом кришнаитском храме для этого священного растения отведена специальная комната с люминесцентным освещением и увлажнителями воздуха. Это один из характерных примеров парадоксальности современной буржуазной цивилизации и культуры: суеверные ритуалы, сохранившиеся со времен первобытности, совершаются при посредстве достижений научно-технического прогресса.

Большинство религиозных обрядов кришнаитской секты совершается публично. Их открыто демонстрационный характер используется в целях рекламы и агитации, служит подготовительным этапом для вербовки в секту заинтересовавшихся молодых людей. С той же целью проводятся коллективные трапезы приглашенных. Заканчиваются они, как правило, ритуальным распеванием мантры всеми собравшимися. При этом некоторые впадают в экстаз, закатывают глаза, двигаются, как в эпилептическом припадке.

Еще более шумны праздничные фестивали, на которые собираются тысячи любопытных. В Сан-Франциско и в Лондоне, например, регулярно устраиваются процессии. На всех этих религиозных праздниках бывает довольно многолюдно, поскольку секта не скупится на рекламу, используя радио, телевидение, газеты, специальные красочные афиши. Президент бостонского храма достаточно откровенно прокомментировал эту сторону деятельности секты: «Мы используем все, чтобы хитростью заставить людей участвовать в нашей сектантской организации кришнаитского сознания».

Раза три в день сектанты собираются, чтобы слушать отрывки из Бхагавадгиты, Шримад-Бхагаватам или произведений основателя секты. Всякая иная литература, будь то религиозная или светская, запрещена. Вообще все источники информации об окружающей жизни закрыты для сектантов, даже разговоры на посторонние, далекие от сектантской жизни темы преследуются.

О том, что сектанты получают религиозное образование на этих «занятиях», серьезно говорить не приходится. Достаточно сослаться на Бхактиведанту, который, не смущаясь, расхваливает современный кришнаитский культ, не позволяющий рядовым сектантам даже в малой степени приобщиться к достаточно сложному индуистскому вероучению. Поэтому исповедуемое ими древнее религиозно-философское учение, преподносимое в сильно вульгаризированной форме, остается для них

тайной, скрытой за семью печатями. Идеологи секты намеренно поддерживают невежество рядовых кришнаитов, их неспособность разобраться в проповедуемом вероучении, которое во многом остается далеким и чуждым для них по своей национально-исторической специфике, по характеру используемых в нем религиозно-философских понятий и представлений, по языку, на котором излагается вероучение кришнаизма и исполняются основные мантры. Ф.Дейнер сообщает такой красноречивый факт. Она спросила одного из сектантов о смысле произнесенной им санскритской фразы. Ничуть не смутившись, тот ответил: «Я не знаю, что это означает, но я прочел это в священной книге». Этот прием бессмысленного повторения услышанного кришнаиты возвели в один из догматических принципов своей веры: «Слушай и повторяй!» О каком же приобщении к «высшей мудрости» кришнаитского сознания может при этом идти речь?

Большое место в жизни кришнаитской секты занимает трудовая деятельность. Она — одна из самых продолжительных в суточном бюджете времени и самая весомая по своим результатам в финансовом бюджете секты.

Источником материального существования секты и довольно быстрого и значительного роста ее доходов является неоплачиваемый труд сектантов в сфере производства и торговли. В бостонской кришнаитской коммуне, например, налажено издательское дело, сектанты по 8 часов в день на протяжении всей семидневной недели (без выходных дней и отпусков) трудятся за типографским станком. Поскольку их труд не оплачивается (и нет социального страхования и социального обеспечения), себестоимость продукции почти в два раза ниже обычной. Стержнем экономики МОКСа является производство и торговля благовониями, приносящими миллионные прибыли. На предприятиях МОКСа производятся также мыло, шампунь, ароматические масла.

Беззастенчивая и жестокая эксплуатация получила в секте религиозное обоснование. Бхактиведанта много сделал для пропаганды религиозных мотивов экономической деятельности сектантов. Оправдывая эту систему, он писал, что их труд идет «на пользу Кришне» и представляет собой «спиритуальную активность». Так духовное порабощение и эксплуатация верующих в кришнаитской секте прикрываются и оправдываются вполне традиционным религиозным лицемерием.

Особенности сектантского быта и характер межличностных отношений в кришнаитской коммуне разоблачают утверждения о якобы «альтернативной» направленности этой социальной ячейки по отношению к западному потребительскому обществу. Сектантские коммуны неспособны устранить антагонизм и острые социальные проблемы, органически свойственные этому обществу и особенно обнажившиеся в современную эпоху. Более того, созданные кришнаитами по рецептам предельно наивного социального утопизма общины и коммуны оказались средоточием многих неприглядных сторон современной буржуазной действительности. В них

сектанты столкнулись все с теми же проблемами, от которых они бежали по оказавшейся для многих роковой дорожке богоискательства. Проблемы духовного обнищания, социального отчуждения, угнетения и эксплуатации, бесперспективности существования, утраты подлинного, социально значимого смысла жизни, возможности жить полнокровно, творчески, на благо общества и реализовать способности своей личности — все эти проблемы, неразрешимость которых в условиях монополистического общества заставляет человека подчас искать утешение в религии, сконцентрировались в узком мирке кришнаитской секты. Знакомясь с описаниями сектантских коммун бывших американских кришнаитов, нетрудно увидеть противоречия их жизни, хотя для самих сектантов они скрыты за непроницаемой завесой религиозного ослепления. Когда же наваждение спадало с глаз легковверных и они старались покинуть секту, на них обрушивались запугивания и репрессии, дополняющие в этих случаях обычную идеологическую и психологическую обработку верующих.

Одна из старательно утаиваемых неприглядных сторон сектантской жизни — удручающая нищета существования рядовых сектантов. Несомненно, что многие лишения, выпадающие на их долю, они выдерживают лишь благодаря своей молодости и здоровью, а также под воздействием религиозного фанатизма, заставляющего смиряться с невыносимой в обычных условиях жизнью.

По свидетельству Ф. Дейнер, в некоторых кришнаитских коммунах наблюдается из-за скудности выделяемых МОКСом финансовых средств «аскетизм чрезвычайный». В Бостоне на протяжении шести зимних месяцев сектанты жили без отопления, а ведь они спят на полу на простых тюфяках, и в помещении не должны носить обуви — разрешается ходить босиком или в крайнем случае в носках. Примиряясь с отсутствием элементарных бытовых удобств, с нездоровыми ограничениями в питании, с изнурительными условиями труда в секте, кришнаиты становятся жертвами фанатичной религиозности и слепого подчинения своим «божественным» гуру.

Такие условия (без воды и отопления) были в «Новом Врин-даване» — первой кришнаитской сельскохозяйственной ферме, построенной в США в штате Западная Вирджиния. Это не помешало рекламной киноленте МОКСа, разосланной по всему миру, изобразить кришнаитскую ферму в виде райской обители. Несмотря на все усилия приукрасить положение дел в этой «образцовой» сектантской коммуне, все же не удалось скрыть, что сельскохозяйственное производство находится в ней на очень низком уровне (пашут на коровах, кукурузные зерна зарывают в землю руками, обмолот ведут с помощью примитивного ручного приспособления и т.д.).

Бытовые помещения, в которых живут рядовые сектанты, обставлены очень скудно и аскетично. Едят и спят на полу все вместе (разделены лишь женщины и мужчины), понятия индивидуального быта для них не существует, полностью исключена интимность личной жизни, человек находится под строжайшим и неусыпным контролем секты. Ни на минуту он не должен оставаться один, чтобы не иметь и малейшей возможности

задуматься и критически оценить свое окружение. Личная свобода сектанта-кришнаита, по существу, упразднена. Нельзя самостоятельно выбирать себе занятия, а следует делать то, что повелит президент храма. Нельзя без разрешения отлучаться из монастырского помещения, а женщинам вообще не позволено в одиночку выходить за пределы сектантской коммуны. Президент храма самоуправно решает все личные вопросы сектантов. Заключение брака, супружеские взаимоотношения, воспитание детей — все эти вопросы личной жизни верующих решаются по воле сектантских руководителей. И в довершение всем тяготам сектантской жизни кришнаитам предписывается... постоянно быть довольными и счастливыми. Лицемерная маска веселого настроения, доброты и кротости — такая же обязательная деталь внешнего вида кришнаитов, как их желтые и оранжевые одеяния.

Индивидуальные помещения находятся в пользовании лишь высших сектантских иерархов, ведущих жизнь совершенно непохожую на жизнь рядовых сектантов. Это президенты кришнаитских монастырей, в первую очередь верховные гуру — носители «божественного» титула преемников Бхактиведанты, которые стремятся сохранить за собой богатство, пышность и блеск его самодержавного правления. Во всех кришнаитских центрах-монастырях, разбросанных по многим странам мира, обязательно есть парадные комнаты, предназначенные для расквартирования наезжающих сюда сектантских владык, и пышно украшенный трон, утверждающий их величие. Этот трон сам по себе является объектом фетишистского поклонения раболепных рядовых сектантов.

Их внешний облик и одеяние — прямая противоположность блеску и богатству их руководителей. По свидетельству Ф.Дейнер, большинство предметов одежды и другого имущества членов общины стары и ветхи от продолжительного использования. К тому же они почти совершенно лишены личной собственности. В их индивидуальном пользовании лишь несколько сектантских книг, пара туфель, четки, спальный мешок, мелкие украшения. Одежда находится в общем употреблении: нижнее белье, рубашка, штаны и т.д. — все это принадлежит Кришне, а не тому или другому сектанту. Один новичок решил оставить в своем личном пользовании будильник, принесенный из дому, однако и его вскоре экспроприировали по формуле: «Отдай все!» Не имея своих личных вещей и карманных денег, сектанты становятся полностью зависимыми от храма в удовлетворении элементарных потребностей своего существования. Подчас они вынуждены выпрашивать деньги на улицах у прохожих.

Повседневная жизнь сектантов всецело определяется детально разработанной системой аскетических запретов, жестко-ригористичный характер которых в рекламно-пропагандистских целях маскируется названием «регулирующие правила».

Основу этого обширного комплекса запрещений составляют: жесткие ограничения на потребление продуктов питания и полный отказ от всей

духовной пищи современного цивилизованного человека, запрет на медикаменты, а также подчинение брачно-семейных отношений сектантов нормам патриархальной религиозной морали.

Отказывая себе в самых необходимых для человеческого организма продуктах питания, сектанты испытывают острую нехватку белков и жиров животного происхождения, витаминов, страдают от низкой калорийности пищи. Кришнаитская вегетарианская кухня крайне обеднена питательными веществами, сектанты обрекают себя на изнурительную, вредную для здоровья диету. К тому же аскетические ограничения вовсе не единственные в их питании, а усугубляются еще и строгими ритуальными правилами. Поэтому далеко не всякая вегетарианская пища разрешается к употреблению: есть можно только прасадпродукты, подвергнутые ритуалу символического жертвоприношения на кришнаитском алтаре. Из-за этого продолжительные отлучки из монастырей (например, в поездках) всегда крайне тяжелы для сектантов. Они не имеют право зайти в кафе или ресторан и вынуждены обходиться фруктами, молоком, пресным печеньем. В добавление к строго ограниченному выбору продуктов питания скудность кришнаитского стола усугубляется тем, что аскетические правила не позволяют им есть прасад в большом количестве и делать его вкусным.

Стремясь отвлечь внимание общественности от вредоносного характера пропагандируемого сектой сурового аскетического образа жизни, кришнаитские идеологи пытаются изобразить себя в качестве успешных врачей наркомании. С этой целью секта усиленно распространяет ложные утверждения, что ей якобы удается побороть тягу наркоманов к марихуане, ЛСД и другим аналогичным препаратам, которые стали подлинным кошмаром для современного капиталистического общества. В действительности миф о «достижениях» современных религиозно-мистических культов и сект в борьбе с наркоманией полностью несостоятелен.

Во-первых, религиозный фанатизм оказывается всего лишь иной разновидностью наркотика — духовным опиумом, который отравляет душу более глубоко, чем марихуана или ЛСД.

Об этом с циничной откровенностью заявляют сами поборники духовного опьянения. Например, в листовках, которые распространяли среди злоупотреблявших наркотиками хиппи приверженцы культа Мехер Баба, говорилось примерно следующее «Брось наркотик! Религиозное опьянение действует сильнее, и оно не краткосрочно, к тому же сохранишь здоровье и не истратишь деньги на дорогие дозы допинга». Почти в тех же словах обещали свою благодетельную помощь любителям наркотического транса лидеры трансцендентальной медитации и движения Харе Кришна.

Во-вторых, многолетние исследования зарубежных врачей не оставляют сомнения в том, что религиозно-мистические культы не могут рассматриваться в качестве эффективного средства борьбы с наркоманией. Религиозной проповедью и даже сектантским образом жизни наркомана не отучишь от пагубной привычки. Но ведь в сектах нет наркоманов?

Оказывается, их просто выгоняют, если потребление наркотика стало у человека устойчивой привычкой. Религиозно-мистические секты лишь прикрывают свой прозелитизм борьбой с наркоманией. Более того, как стало известно из расследования деятельности «Нового Вриндавана», секта не брезговала и торговлей наркотиками — для иноверцев, пусть-де им будет хуже. Таково лживое, лицемерное и ханжеское лицо секты в «борьбе» с наркоманией.

Аскетические запреты распространяются кришнаитами и на использование лекарств и обращение к врачебной помощи. Один из активистов МОКСа, свами Васудева, получивший образование в университетах США, не скрывает своего суеверного отвращения к медицине. «Мы не верим врачам Запада или Востока, — заявляет он, — мы верим лишь в бога Кришну». Фактически сектанты все же бывают вынуждены при необходимости прибегать к медицинской помощи, но делают это лишь в крайних случаях, при абсолютной неизбежности и тем, несомненно, затрудняют лечение и подвергают больных большому риску. В целом же чтение мантры Харе Кришна считается лучшим средством от телесных недугов. Последние рассматриваются как «милость Кришны», служащая-де напоминанием, что сектанты «не от мира сего». Эта изуверская проповедь убедительно свидетельствует об атмосфере религиозного обскурантизма и сектантского фанатизма, нередкого в среде кришнаитов.

Один из специфических запретов кришнаитской секты направлен против так называемых «азартных игр». Под ними понимаются занятия спортом и вообще все развлечения, и любые формы общения между людьми, не связанные со «служением Кришне».

Следует отметить и то лицемерие и ханжество, с которым сектантские проповедники устанавливают строгое запрещение незаконного — добрачного и внебрачного секса для верующего и одновременно рассуждают о нескончаемых брачных развлечениях Кришны в райской обители, давая понять, что праведник сможет в посмертном существовании присоединиться к сонму проказливых красавиц-пастушек, резвящихся на берегах священного озера Радха Кунда. Кришна развлекается одновременно с 16 108 пастушками, все они его жены (хотя Радха — главная). Это наивное религиозное представление, являющееся отзвуком полигамных связей первобытной эпохи, используется как утешение для верующего, который сектантским образом жизни лишен нормальных супружеских и семейных отношений. Для сектантов непозволительны свидания и ухаживания, супружеские отношения разрешены лишь тем, брачный союз которых освящен специальным ритуалом, но и в этом случае для кришнаитов брак и семья не являются личной жизнью, а предназначены для религиозной деятельности — служения и поклонения Кришне. Поэтому супружеское сожителство разрешается лишь с целью рождения будущих «слуг Кришны» и допускается только раз в месяц, в день, наиболее благоприятный для зачатия, по специальному разрешению руководителя сектантской коммуны. Кроме того, супругам

полагается совершить ритуальное очищение в искупление их естественной близости — прочесть 50 тыс. раз мантру Харе Кришна.

Эти жесткие правила, регулирующие супружеские отношения в среде кришнаитов, как и весь аскетический образ жизни сектантов, служат все той же главной цели — отстранению от реальной действительности. С их помощью руководители секты вытравливают из жизни верующих, из их сознания самые яркие и прекрасные чувства, саму потребность в любви, в семейном счастье, супружеских и родительских отношениях. Все ханжеские рассуждения кришнаитских идеологов о «любов- ном служении Кришне» не в состоянии возместить эту утрату сектантами реальной человеческой любви.

Естественным результатом антигуманного вмешательства секты в личную жизнь верующих, жесткого контроля над брачными и семейными отношениями, регламентации самых интимных сторон супружеских взаимоотношений явилось почти полное распадение браков в среде кришнаитов. «Большинство браков, которые я наблюдала, — пишет Ф. Дейнер, — были мучительны». Взаимоотношения супругов, по ее наблюдениям, становились столь тяжелыми и непереносимыми для обеих сторон, что не только делали невозможным их сохранение (насколько это вообще позволяла вся обстановка сектантской коммуны), но и начинали угрожать нормальному функционированию храма. По этой причине многие супруги поселяются в разных монастырях (обычно они расположены очень далеко друг от друга, чаще всего в разных городах).

Неизбежность распада брачно-семейных отношений под воздействием кришнаитской идеологии и культовой практики объясняется не только самим фактом вмешательства в личную жизнь верующих, но прежде, всего характером и направленностью этого вмешательства. Кришнаитское вероучение, исходя из древнейшей ведической традиции, рассматривает женщину как существо неполноправное, которое должно полностью находиться под властью и опекой мужчины — отца, мужа или даже своего взрослого сына, если ее супруг оставит семью и станет монахом-отшельником. Эти архаические обычаи далекого прошлого кришнаиты сохраняют в своем сектантском быту, хотя они мало согласуются с психологией и моралью современной женщины. В кришнаитских коммунах женщины находятся под опекой мужчин и в еще большей зависимости — от закабляющих личность правил и ограничений сектантской жизни. Замужняя женщина должна не только неотступно руководствоваться общими предписаниями, но и дополнительно спрашивать обо всем разрешения у мужа. Социологические материалы Ф. Дейнер показывают, что для американок древневосточные ведические нормы поведения женщины в семейном быту оказались совершенно неприемлемыми, и в этом заключается постоянный источник трений между супругами-кришнаитами.

Секта в значительной мере ограничивает родительские права кришнаитов, посягает на их материнские и отцовские чувства, заставляя помещать детей с пятилетнего возраста в Гу- рукулу — кришнаитскую школу-интернат в Далласе, который представляет собой ту же монашескую

коммуны, только предназначенную для детей разного возраста.

Секта не только «регулирует и контролирует» брачные отношения, но и прямо исключает супружество из жизни некоторых категорий верующих. Отказ от брачной жизни предписывается прежде всего брахмачариям — довольно многочисленной категории молодых послушников мужского и женского пола, во-вторых, монахам-саньясином, ведущим отшельнический образ жизни, и, в-третьих, лицам, стоящим на высшей ступени сектантской иерархии — свами. Присвоение, этого почетного титула предполагает, что кришнаит навсегда «отстранился» от семейной жизни, покинул жену, детей и близких родственников и впредь уже не поддерживает с ними никаких отношений.

Разлагающее воздействие кришнаитской секты на институт брака, ориентация на отстранение от интересов семьи, возвеличивание монашеского безбрачия и отшельничества — все это еще одно убедительное свидетельство антиобщественных и антигуманных установок движения Харе Кришна.

Бесчеловечные условия жизни в секте кришнаитов, эксплуатация и угнетение сектантов приводят к распространению среди них различных болезней, физических и психических расстройств и даже самоубийств. Социологи, психологи и психиатры, исследующие за рубежом эти новоявленные сектантские организации, справедливо называют их «деструктивными», поскольку они разрушают и социальные связи, и саму личность, которая выводится за рамки естественной для нее социальной среды.

Кришнаитская секта отказывает своим приверженцам в классовой, национальной и государственной принадлежности под предлогом их служения богу Кришне. На деле это оборачивается космополитическим характером «Международного общества сознания Кришны», которое, маскируясь рассуждениями о «служении всему человечеству», проводит миссионерскую деятельность в широком международном масштабе.

Религиозная активность кришнаитской секты весьма велика, особенно когда служит пропагандистским целям. Это шумные карнавалы шествия по городским улицам, многолюдные монастырские приемы и религиозные фестивали, прибыльная издательская и торговая деятельность, непрерывные поездки руководителей секты в самые, различные регионы мира для проведения непрекращающейся идеологической экспансии кришнаизма. Вся эта активность носит превратный характер. Сектантские организации разрушают социальные связи личности, а активность сектантов, поскольку она направлена на «освобождение» верующих от «мира сего», от трудовой и социально- политической деятельности, совершается, по существу, во имя... бездеятельности, утраты созидательного творчества, обладающего реальной (а не мнимой) культурной ценностью. Секта проповедует, что бегство от мира является смыслом и целью существования человека, ставшего на путь «спасения».

Для кришнаитов реальный, материальный мир — воплощение людских

несчастий и страданий. По словам Бхактиведан- ты, этот мир «подобен большому лесному пожару и поэтому ни при каких условиях не может восприниматься как благо, как справедливый и полный радости». Призывая приобщиться к трансцендентному богу Кришне и потустороннему миру, он предлагает верующему своеобразное бегство от реального мира. Кришнаиту, чтобы приобщиться к Богу, следует погрузиться в состояние духовного бесчувствия — полного подавления всѐх своих жизненных интересов и устремлений. Для окружающего мира он должен стать слепым, глухим и немым, т. е. фактически мертвым. Религиозная отстраненность от мира, к которому кришнаиты стремятся с фанатичным рвением, оборачивается для них своего рода смертью при жизни. В трансцендентном состоянии, утверждают их идеологи, человек никогда не страдает и ничего не желает. Он может быть самым бедным человеком в мире, но никогда от этого не страдает и не считает себя бедным. Он вообще не видит разницы между богатством и бедностью, образованностью и необразованностью, красотой и уродством и т. д. И вот это состояние полного бесчувствия, отрешенности от мира, смерти при жизни идеологи кришнаитов называют высшим благом. Но такой отказ от активной, сознательной, плодотворной жизнедеятельности, от реализации своих способностей, удовлетворения интересов и устремлений и есть наибольшая трагедия, ничем не восполнимая утрата для человека, отказавшегося от самого себя. Именно на это обрекает верующих антигуманная кришнаитская доктрина отстранения от мирских интересов, реальной общественной деятельности, борьбы за счастье и социальную справедливость.

Что же заставляет верующих принимать эти совершенно чуждые здравому смыслу и естественным стремлениям человека требования сектантской пропаганды? Чтобы ответить на этот вопрос, следует выяснить, насколько окружающий человека социальный мир открывает ему дорогу к счастью и насколько сам человек может и хочет бороться за свое счастье, насколько он верит в свои силы.

Западные страны, обремененные культом безудержного потребительства, наживы, бессилия простых граждан перед всевластием государственной бюрократической машины и монополистического капитала, стали, как уже говорилось, питательной почвой для восприятия неоориенталистских учений, в том числе и кришнаизма. Богоискательство возникло в обществе, которое воздвигает перед человеком трудно преодолимые препятствия к достижению благополучия и счастья, часто лишает его надежды на возможность осуществления своих чаяний. Религиозная иллюзия отрешенности от мира должна утешить человека, отчаявшегося обрести гармонию в современном обществе, неспособном устранить социальную рознь, национальную и расовую несправедливость.

С этой целью ему и внушают: не обращай внимания на свои проблемы и трудности, вся земная жизнь несовершенна и несчастна, и только отказ от нее и обращение к Богу спасет тебя от невзгод. Кредо сектантской отрешенности от мира гласит: «Когда человек превращается в слугу Кришны, он теряет

интерес ко всему, за исключением Кришны».

Следует отметить, что религиозно-мистический культ бхакти-йоги, этические принципы кришнаизма и весь уклад сектантской жизни подвергаются резкой критике в Индии, и не только со стороны атеистов, но и со стороны представителей индуизма. Примером последнего может служить книга об индуизме профессора Д. С. Сармы. Он пишет: «Печально видеть низкий интеллектуальный уровень некоторых религиозных групп, которые принадлежат к школам бхакти. Эти группы вызывают презрение у всех здоровых людей и скоро станут предметом осмеяния во всем мире. Увы, есть такие приверженцы школ бхакти, которые с помощью ритуальных песнопений и танцев вызывают у себя такой угрожающий наплыв чувств, что пренебрегают своим долгом повседневной жизни и становятся предметом раздражения для других».

Как мы видим, реакционность данной религиозной доктрины очевидна для реалистически мыслящего и далекого от сектантского фанатизма религиозного деятеля. И только исторической бесперспективностью и бездуховностью посткапиталистического общества, разочарованностью широких слоев населения в идеалах западного образа жизни можно объяснить интерес некоторых социальных групп этого общества как к доктринам, подобным кришнаизму, так и к другим направлениям новых, нетрадиционных религий.

## **8. Международная миссионерская деятельность кришнаитов**

Идеологи кришнаитской секты стремятся распространить свое религиозно-мистическое учение по всему миру. При этом они считают, что их сектантское вероучение имеет всемирное значение и заслуживает глобального распространения. Обосновывая свою идеологическую экспансию, руководители секты заявляют, что кришнаитской веры якобы недостает всем народам земли и поэтому сейчас наблюдается огромная необходимость в ней. При этом утверждается, что не следует считать Кришну региональным богом только потому, что он родился в Индии.

Каков же социальный смысл «вселенской проповеди» кришнаитской секты, какова ее реальная идеологическая направленность? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо учитывать исторические особенности отдельных эпох и специфику национальных и сословно-классовых условий многовекового существования и развития кришнаизма. В начальный период своего развития в средневековой феодальной Индии своеобразный религиозный универсализм секты выражал недовольство неимущих, бесправных слоев населения сословнокастовыми перегородками, их чаяния и идеалы справедливого социального устройства. В условиях антиколониального, национально-освободительного движения религиозная идеология кришнаитской секты отображала в своеобразной форме призыв к национальному единству, к преодолению социальной раздробленности феодального прошлого и религиозного размежевания. В этот исторический

период проповедь всемирно-исторической миссии кришнаитской секты (как единственного истинного вероучения, обещающего подлинное освобождение всему человечеству) была своеобразной формой борьбы с колониалистской доктриной о фатальной социально-культурной отсталости Индии, с идеологией европоцентризма, средством пробуждения национального самосознания.

Иное значение идеология кришнаитской секты имеет в наши дни в индустриально-развитых странах Запада. У богоискателей этих стран она означает их отказ от реальных политических, экономических и социальных путей национального и классового освобождения народов от гнета неокOLONIALИЗМА и монополистического капитализма.

Не случайно развитие современной Индии по пути индустриализации и прогрессивных экономических и социальных преобразований встретило решительное осуждение Бхактиведанты и его учеников из западных стран. Если в молодости он симпатизировал лидеру национально-освободительного движения Махатме Ганди, то в условиях, когда Индия добилась независимости и решительно стала на путь экономического и социального развития, главный идеолог кришнаитской секты выступил с осуждением прогрессивных социальных идей великого сына Индии. Бхактиведанта желал сохранения экономической отсталости страны как наиболее подходящего условия для процветания религиозного фанатизма и сектантского обскурантизма. Именно такая Индия рисовалась ему в качестве «религиозного маяка» для всего современного мира.

В самой Индии эти обскурантистские идеи не нашли поддержки. Западные фанатики-кришнаиты, приехавшие сюда вместе с Бхактиведантой, были встречены недоверчиво. Религиозные и политические деятели Индии охарактеризовали как лицемерие кришнаитскую проповедь аскетизма в условиях, когда миллионы индусов все еще умирают от голода. Вспоминая слова великого религиозного и общественно-политического деятеля Индии Вивекананды, прогрессивные журналисты писали, что стране нужен хлеб, машины, а не религиозный мистицизм.

Указывая на многочисленные факты пагубного влияния на молодых людей пребывания их в кришнаитской секте, широкая общественность крупнейших стран западного мира на протяжении уже нескольких лет настойчиво требует ее запрещения. При этом ссылаются на то, что секта явно злоупотребляет доверием вербуемых ею молодых людей, преступно манипулирует их сознанием, что кришнаитские группы в западных странах неоднократно уличались в финансовых махинациях (неуплате налогов, спекуляции валютой, вымогательстве) и других нарушениях законов, вплоть до подпольной торговли наркотиками.

Эти заявления широкой общественности западных стран поддержали и прогрессивные юристы, пришедшие к выводу, что кришнаитская секта грубо нарушает законодательство этих стран о религиозных организациях. Признание весьма красноречивое. Деятельность кришнаитской секты имеет столь явный антиобщественный характер, что юристы вынуждены выступать

с ее осуждением.

## ***Приложение 2***

### **Функциональные и смысловые типологии религий (применительно к исследованию новых религиозных движений)**

Имя дело с почти необозримыми множествами представителей природного мира, естествоиспытатели очень давно осознали необходимость их классификации в качестве условия и средства изучения как отдельных объектов живой и мертвой природы, так и их многочисленных сообществ.

Разнообразие множества религиозных объединений, получивших название сект или школ, также достаточно давно стало предметом специального изучения и систематизации. Однако только с распространением по всему миру в последней трети 20 века нескольких тысяч новых религиозных объединений стала очевидна вся сложность решения этой задачи. Долгие годы религиоведы не могли найти точных определений для появившихся в западных странах религиозных новаций и характеризовали их очень неопределенно как «калейдоскоп» неизвестных ранее «странных культов» или даже как невиданный прежде «рынок спиритуальных товаров» (Э. Тоффлер). Между тем в интересах повседневной жизни настоятельно требовалось определить их отличие от традиционных религий и друг от друга — в первую очередь по такому существенному признаку как лояльное либо нелояльное отношение к существующему общественному строю и традиционной культуре. Предложенные систематизации религий неудовлетворительны в том отношении, что смешивают разные критерии: особенности вероучительских парадигм, религиозных ин-

статутов, социальных ролей религиозных объединений. Эти аспекты религии не выделяются в качестве критериев для построения самостоятельных систематизаций существующего многообразия религий. Иначе говоря, смешиваются структуры, смыслы и внешние функции религии, что не позволяет оценить рассматриваемое религиозное объединение по этим параметрам в отдельности.

Существенным недостатком систематизации религиозных объединений является абсолютно дихотомическое разделение традиционных и нетрадиционных религий по принципу полярной противоположности, тогда как в действительности им свойственны некоторые изоморфизмы. В этом вопросе проявляется давно известная религиозная нетерпимость к иноверцам и апология «истинной» религии в форме жестко догматической конфессиональной индоктринации. Эта позиция свойственна так называемым «сектологам» и «специалистам по культам», работы которых носят преимущественно обличительный и миссионерско-прозелитический характер.

Для систематизации многообразия религий исследователи могут воспользоваться двумя методами — **классификации** и **типологизации**, однако

терминологически их часто отождествляют, не усматривая между ними существенного различия. Между тем это две разные логические схемы — разноплановые и разных значений.

Классификация имеет дело с *объектами*, рассматриваемыми на эмпирическом уровне, с реальными религиозными объединениями. Типология имеет дело с *предметами* аналитического исследования, которые представляют собой идеальные, т. е. абстрактные, теоретические модели, в которых фиксируются определенные смысловые (т. е. феноменологические) либо структурно-функциональные (т. е. морфологические) особенности религиозных систем.

Классификации религий, построенные чаще всего по вероучительскому и организационному критериям, носят описательный характер и являются предварительной ступенью в разработке типологических моделей религий.

Следует подчеркнуть, что при аналитическом изучении религий принципиально невозможно ограничиться одной единственной типологией. Рассматривая религии в качестве систем духовно-практической деятельности, мы видим сложное, многоплановое их строение, многообразие структур и функций. Сложность строения религиозных систем дополняется их чрезвычайным разнообразием, поэтому типологизация религий неизбежно приводит к множественному результату. Практически каждый существенный элемент религиозной системы может стать основой для построения самостоятельной типологии, раскрывающей определенный аспект, смыслового и функционального своеобразия этого целостного феномена.

Для типологической характеристики НРД целесообразно рассмотреть общую типологию религий и религиозных объединений, поскольку НРД отличаются от традиционных религий не однозначно, не по одному единственному критерию, а по целому множеству. Различия между НРД и традиционными религиями можно проследить во всей полноте, только при сопоставлении их друг с другом на основе всех типологий религии. Рассмотрим теперь в логической последовательности основные типологии религий, прежде всего те, что позволяют пролить свет на специфические особенности НРД.

### • 1. Типология основных разновидностей, или модусов веры.

Для построения этой типологии следует отказаться от издавна сложившегося представления о принципиальном различии, например, религии и магии. На важность решения этой проблемы указывал еще в начале прошлого века Марсель Мосс в своем «Наброске общей теории магии», когда писал, что надеется «в скором времени разрешить противоречивый вопрос отношения магии и религии»

Решение этого вопроса возможно только в рамках единой, объединительной теории. Предметом ее явится сакральная вера в многообразии отдельных своих проявлений — *модусов*. Их следует характеризовать в качестве *элементарных типов веры*, или способов духовно-практического освоения действительности, имеющих сакральную

модальность.

Трудность построения типологии элементарных типов веры заключается в произвольной широте и неопределенности содержания соответствующих терминов и понятий, заимство-

^ **Мосс М. Социальные функции священного. СПб. 2000. С. 231.**

ванных религиоведением из традиционного их употребления. Можно привести множество примеров, когда при описании архаических культов термины «магия», «ведовство», «жречество», «мистика» используются как взаимозаменяемые, что отчасти объяснимо как генетической близостью этих феноменов, так и полифункциональностью сложных языческих обрядов. В шаманском камлании, например, есть элементы магии, жреческого поклонения, знахарства и прорицания, помимо определяющей мистической связи и взаимодействия с духами. Такая совместимость на практике разных типов сакральной деятельности, весьма несхожих по своему содержанию и первичным задачам, конечно, вовсе не оправдывает их отождествление и неизбежное при этом игнорирование свойственных им функциональных и смысловых различий. Последние служат критериями, позволяющими выделить 9 элементарных типов веры, соответствующих особым сакрально-функциональным системам и смысловым паттернам. Кратко перечислим эти модусы веры.

1) Сакрально-нормативное *регулирование* человеческой жизнедеятельности, зародившееся в форме табуирования на заре человеческой истории и трансформировавшееся позднее в системы религиозных морально-правовых норм и установлений.

2) *Магия* — сакральное воздействие, очень широкое по своей направленности: не только на реальные объекты повседневной жизни, но и на духов и богов.

3) *Мантика* — обретение особого, заповедного или откровеннического знания, сакрального по своему источнику или средствам его получения (ведовство, знахарство, гадание, пророчество).

4) Важнейшим модусом сакральной веры является *религия*, функционирующая в форме почитания, поклонения и моления, обращенных к могущественным сакральным фигурам.

*Религия* как определенный тип элементарной сакральной деятельности, о котором здесь идет речь, отличается от обычных более широких по содержанию представлений, ориентированных на развитые исторические религии. Они имеют сложное системное строение и включают в себя, как мы видим на примере современных мировых религий, фактически все модусы веры, осмысленные в духе определенной конфессиональной парадигмы.

5) *Мистика* — представление о непосредственной связи с высшим сакральным началом, один из важнейших модусов веры.

6) Онтологическая, и вместе с тем духовная, нравственная *трансформация* человека (перевоплощение, преобразование) посредством

обрядов очищения, ритуалов сакрального посвящения, крещения, освобождающего человека от первородного греха, и т. п. Языческим поверьям свойственно представление о возможности колдовской силой превратить человека в волка. На волне современных мистических настроений вновь возрождаются подобные мифологемы, в чем убеждает нас Виктор Пелевин своей «Священной книгой оборотня», повествующей о похождениях китайской лисы-перевертыши и ее любовной интрижке с генералом КГБ, периодически превращающегося в волка.

В новых религиозных объединениях получила распространение психоделическая практика измененных состояний сознания. Благодаря этому архетип перевоплощения, сохранявшийся веками только в древних легендах, сказках и суевериях вновь реально востребован в среде маргинальных групп. Популярным клише стали психоделические экстазы ученика мексиканского мага, красноречиво описанные Кастанедой.

7) Начиная с глубокой древности в различных религиозных традициях важное значение придается пути сакрального **совершенствования**. Классическими примерами являются шаманские инициации, даосская алхимия («выращивание внутреннего зародыша»), многоступенчатая «лестница» монашеского духовного роста, суфийские пути духовного продвижения.

Совершенствование и трансформация не идентичны, несмотря на сходство их исходных и конечных моментов. Им свойственны разные способы изменений человеческой природы: трансформация — это смена состояний, совершенствование — формирование нового состояния. Различие между этими процессами не количественное и зависит не от временной продолжительности изменения человека, а определяется способом изменения, перестройки духовного мира личности. Трансформация осуществляется непреднамеренно под воздействием внешней или внутренней силы (обращение Савла, Франциска Ассизского, Порфирия Иванова), тогда как совершенствование имеет преднамеренный характер, планируется, является результатом целенаправленного устремления человека и предполагает его активное участие в определенных практиках (даосских, йогических, христианского подвижничества и др.) под руководством наставника.

Нередко сакральное совершенствование носит внезапный, взрывной характер, как, например, просветление Будды под деревом Бодхи, переживание последователем дзэн-буддизма сатори после продолжительных и упорных усилий (разгадывания коана или «сидячей медитации» дзадзэн). Шаманская инициация, его «второе рождение» также является целенаправленной деятельностью и управляемым процессом сакрального совершенствования человека. Преобладает все же постепенное, часто поэтапное движение в направлении конечного идеального, сакрального состояния (буддийский восьмеричный путь совершенствования, йогические методы, даосская «внутренняя» алхимия, суфийский путь).

8) **Референтность** — разнообразные ориентации субъектов веры. В

языческих верованиях — на жизненные блага, в том числе на силу, богатство и власть; в «религиях освобождения» (индуизм, буддизм, даосизм) — на сакральное совершенство; в трансцендентальных религиях — на спасение в Царстве Божиим.

9) Представление о высшем эталоне человека, общества или мира в целом и целенаправленное стремление к его реализации часто в форме возвращения к «золотому веку». В плане структурно-функционального анализа этот феномен соответствует понятию *матрицы*, или сакральной *модели* онтологического и метафизического значения. Историческом плане этот феномен широко известен на примерах мессианских и милленаристских движений. Аналогией

являются поиски Шамбалы, Беловодья. Современные новые религиозные движения провозглашают наступление «Нового Века» — эпохи всемирной гармонии.

В индивидуально-личностном плане архетип сакральной матрицы издревле представлен фигурой *мудреца*, а в когнитивном плане — феноменом *мудрости*. Тем самым выявляется часто игнорируемое типологическое различие между *знающим* (ведьмой, знахарем) *имудрецам*, объективирующим собой сакральную модель индивидуального существования человека.

• 2. Для понимания особенностей религии второе по значению имеет типология концептуальных религиозных идей, определяющих ее основное смысловое содержание. Это идеи извечного существования мира, либо его божественного творения, либо эманации из некоего начала. Это представление о существовании у человека души и тела и о властвовании в мире духов, различных богов либо всемогущественного Бога. Это и манихейская идея дуализма добра и зла, и неоплатоническая концепция возвращения к единству с высшим сакральным началом. Это представление о цикличном изменении миропорядка и, напротив, о восходящей к высшему совершенству эволюции всего сущего.

Новые религиозные движения опираются на те концептуальные идеи, которые либо несовместимы с христианством, либо для него не актуальны и давно отошли на задний план. Последнее относится к мессианским, эсхатологическим и милленаристским идеям, к новым пророчествам и новому божественному откровению. В традиционных религиях эти идеи и настроения давно стали достоянием истории, тогда как религиозные новаторы, лидеры новых религиозных объединений превращают их в лозунги сегодняшнего дня.

о 3. Важнейшее значение имеет генетическая типология религий, или типология религий, учитывающая их принадлежность к разным ступеням исторической эволюции религиозного сознания. Имеется в виду разделение религий на такие основные типы: языческие религии, религии освобождения (классическим представителем этого типа является буддизм) и религии спасения, называемые также верой в существование потустороннего мира, или трансцендентальными религиями (иудаизм, христианство, ислам). Этот

типологический ряд завершают так называемые «светские религии», называемые также «квазирелигиями». К их числу относят и «религию советизма», или «вождизма», по словам Александра Меня.

Необходимо отметить, что новые религиозные движения современной эпохи в своем противостоянии традиционным религиям используют преимущественно религиозность противоположного им типа. Поскольку традиционные религии принадлежат к трансцендентальному типу, или религиям откровения, то новые религиозные объединения опираются преимущественно на неоориентализм, т. е. примыкают к религиям освобождения, либо адаптируют к современным умонастроениям язычество.

#### • 4. Типология, отражающая разные уровни функционирования религий.

Религии могут функционировать на трех разных уровнях (хотя не всегда одновременно на всех). Первичный уровень строения и функционирования религии — это так называемая личная вера, субъективный мир религиозных чувств и представлений человека (назовем его религиозной *микросистемой*). На втором уровне религии функционирует в форме сакрализованных объединений разного назначения. Этот уровень можно назвать религиозной *макросистемой*. Здесь мы находим такие религиозные институты как церковь, монашеская община, религиозные ордена, секты и культы. Третий уровень функционирования религии (*мегасистему*) составляют религиозно осмысленные и санкционированные общественно-политические программы и их реализация в определенных мегапроектах культурно-образовательного, партийно-политического и даже государственного содержания и масштаба. Это часто критикуемый феномен клерикализма и теократические формы государственно-властных структур.

Такова последовательность и иерархия структурно-функционального строения религии, если рассматривать ее, так сказать, изнутри. Если же посмотреть на религию извне, в масштабе общества и культуры в целом, составляющих почву ее произрастания и поле ее ролевой деятельности, то придется ввести еще и понятие *протосистемы*, идентичной в совокупности культуре и обществу. Здесь религия (в форме определенных объединений, движений и течений, конфессионально окрашенной политической идеологии) выступает в качестве особой функциональной составляющей и субкультуры общественно-исторического развития человечества.

Далеко не всегда религия существует в полноте всех своих трех уровней, не редкий случай, когда религиозность отдельных лиц или даже широкий слой общества носит конформистский характер, т. е. лишена «личной веры» — религиозных убеждений и поэтому ограничивается формальным соблюдением обязательных ритуалов и традиций. В этих случаях религиозная активность ограничивается двумя верхними уровнями функционирования (институциональным и общественно-политическим), в других — ограничивается только исходным уровнем «личной веры». Важно отметить, что последнее свойственно большинству *новых религиозных движений* в начальной стадии их развития, поэтому не случайно в литературе

70-х годов прошлого века они получили название «безхрамовых религий» (Religionen ohne Kirche).

Как мы видим, разработка проблемы функционирования религии на разных уровнях имеет принципиальное значение в религиоведении, поскольку отражает представление о системном строении и функционировании религии, о ее связи с различными уровнями организации общественного организма. Это определяет и актуальность данной проблемы, позволяющей увидеть системное единство и взаимозависимость различных составляющих и проявлений религиозной активности и избежать распространенного редукционизма, упрощающего и уплощающего ее строение.

© 5- Говоря о функционировании религии, следует отдельно рассмотреть типологию религиозных институтов. Вообще говоря, понятие религиозный (точнее, сакрализованный) институт различается в трех значениях: 1) общности единоверцев, 2) инициированных исполнителей обрядности, 3) объединения, обладающее сакральным значением и функциональным назначением. Рассмотрим два последних значения понятия религиозный институт, поскольку именно с ними связаны типологические различия религий.

С древнейших времен религиозная деятельность институализируется на уровне профессиональных исполнителей («функционеров») — магов, жрецов, шаманов, гуру. Эти типичные фигуры играют ведущие роли в новых религиозных движениях, обобщенно их называют харизматическими лидерами. Культ харизматического лидера свойственен в первую очередь неоориентализму, в котором руководители влиятельных объединений почитаются как воплощения и персонификации высших сакральных начал. Таковы культ всемирно-известного харизматика С. М. Муна, называвшего себя то «вторым Христом», то «Все-держателем миропорядка», культ популярного у американских битников Мехер Баба, а также основателя раскинувшей свои сети по всему миру секты «Путь блаженства» (Ананда Марг) индуса Анандамурти и десятков им подобных.

Отмечая типологическое сходство культов харизматического лидера, нельзя упускать из вида разительные порой различия их фигурантов. Достаточно сопоставить очаровавшего многих россиян Порфирия Иванова, мистифицировавшего методы оздоровления природными средствами, и авантюриста Г]рабового, создавшего в стране криминальное агентство по «воскрешению умерших».

Заметное место в типологии религиозных институтов занимают *культистские объединения*, хорошо известные со времен античности, начиная с оргиастического культа древнегреческого Вакха и древнеримского Диониса. Древние мистерии также принадлежат к типично *культистскому институту* (этот термин правомерен по аналогии с выражениями «церковный институт» и «сектантский институт»). К этому же институциональному типу принадлежат даосские, йогические, тантристские

и чань (дзэн)-буддийские практики сакрального совершенствования.

В индуистской традиции широкую известность получил культистский институт, организованный в форме *ашрама*. В современную эпоху большой известностью и влиянием пользуются новые, реформированные ашрамы. Подчас это экзотическое название присваивается международным организациям, насчитывающим сотни центров различного назначения. В нашей стране за последние годы ряд новых религиозных движений открыли свои ашрамы, хотя кроме кришнаитов никто не использует этого названия, предпочитая говорить о центрах обучения, наставничества и ритуальной практики. Хотя центры йоги, дзэн-буддизма, раджнишизма, тантризма, да и получившие скандальную огласку центры АУМ Синрике в Москве — все это по своим функциям религиозные ашрамы, а не секты, как их обычно называют.

Как мы видим, феномен культа изоморфен по своей структурно-функциональной специфике, будь то культ поклонения, культ обрядности или практик совершенствования — нравственного, религиозного, мистического. В любой своей разновидности культ означает целенаправленную устремленность, самоограничение человека и всецелое посвящение себя этой деятельности. Поэтому его часто характеризуют тем, что он поглощает человека и может превратиться в фанатизм.

Важное место в рассматриваемой типологии занимает секта. Само название этого религиозного института указывает на его отделение от официальной организации, на отклонение от ортодоксальной догматики и обрядности. Однако эта диссидентская характеристика секты — чисто внешняя ее особенность, не раскрывающая морфологии и функций этого религиозного института, чем и объясняются ведущиеся по поводу его природы дискуссии.

Однако особенность секты заключается не в ее отделении, или отпадении от церкви, не в еретических (в сравнении с церковной догматикой) настроениях сектантов, а в ее особом значении и высоком сакральном статусе, позволяющем сектантам считать себя избранными, стоящими выше обычных верующих — рядовых мирян. Специфика *секты* заключается в направленности этого религиозного института на реализацию царства божьего «здесь и сейчас» — в условиях земного существования данного религиозного объединения.

Церковный институт можно рассматривать как сложно структурированную систему, вобравшую в себя не только культ богослужебной и мистически прочувствованной обрядности, но также избранничество клира и церковных иерархов, возвышающихся над мирянами. Однако главное, что составляет специфику церковного института, в другом, в выполнении своих собственных функций и назначения. Церковный институт является средством, помогающим человеку идти по стезе праведной жизни и вселяет в него надежду на возможность попасть в царствие небесное.

У руководителей новых религиозных движений *церковный институт* не

удостаивается правильного понимания. Достаточно обратиться к названиям многих крупных сектантских и оккультных организаций, чтобы увидеть на первом месте слово «церковь»: «Церковь сатаны», «Саентологическая церковь», «Церковь Объединения» (секта Муна) и т.д. Эти громкие наименования, не соответствующие характеру перечисленных организаций, объясняются заботой о собственной престиже или наличием разветвленной организационно-управленческой структуры. Церкви и секты различаются между собой не столько внешней организацией, сколько морфологией и функциями, своим положением и ролью в обществе. Для церкви, даже если она отстраненно относится к светской власти или же конфронтирует с ней, не свойственна изоляционистская позиция секты, потому что она «стоит в миру», претендует быть его опорой, руководительницей, просветительницей и спасительницей.

• 6. Религии обладают функциональными значениями разного типа, соответственно этому выстраивается еще одна особая типология. Назовем ее типологией функциональных значений религии. По существу речь идет о позициях, или устремленности религий, а не об их фактическом ролевом значении. Эти позиции вытекают из соответствующего вероучения и поэтому по своему содержанию *субъективны* и не однозначны *объективному* социокультурному значению анализируемого религиозного феномена.

По своей целенаправленности различаются религии трех типов: *интегральные*, *проективные* и *утилитарные*. Их отличает друг от друга масштабность религиозных устремлений, начиная от охвата всех проблем человеческого существования и кончая сосредоточенностью на решении одной достаточно узкой прагматической задачи.

Все исторические религии сформировались и длительное время существовали как религии *интегрального* типа, однако с расширением масштабов секуляризации общественной и частной жизни возник феномен «частичного верующего» — человека, живущего по двойным стандартам, поскольку религия уже утратила для него, как и для современного общества, свое прежнее тотальное значение. По этой причине современное христианство, например, уже не является интегральной религией, хотя и стремится сохранить за собой это значение.

В полной мере к интегральному типу принадлежат сегодня, пожалуй, только так называемые тоталитарные секты, решительно уклоняющиеся от влияния современной, во многом обмирщенной социокультурной системы.

*Проективные религии* (собственно говоря, общественно-политические доктрины, течения и движения) нацелены на решение двуединой задачи: преобразования неприемлемых условий существования и самих субъектов этой социально-религиозной деятельности. Классический пример — социально-религиозная доктрина известного в недавнем прошлом лидера негритянского движения баптистского пресвитера Мартина Лютера Кинга. Возглавляемое им движение было направлено на реализацию определенного социального проекта (устранения расовой сегрегации в США) и на

изменение субъекта этой деятельности. Кинг вполне осознавал необходимость позитивных изменений самих участников негритянского движения в плане религиозно-нравственного совершенствования, пробуждения активности, осознания своей гражданской ответственности.

Характерная «приземленность» инструментальной религии к проблемам реального общественно-политического строя четко очерчивает ее специфику в отличие от общей целевой социологической установки христианства, характеризуемого в этом плане в качестве «универсальной религии». При всей значимости этого типологического различия нельзя забывать, что «земные» проблемы выступают в работах Кинга не в их реальном виде, а отражаются в специфическом истолковании им традиционных теологических проблем.

Лидерами новых религиозных движений также ставится двуединая задача: перевоспитания своих адептов в духе нового религиозно-мистического учения и реализация той или иной социально-религиозной утопии.

*Утилитарные религии* нацелены на решение достаточно узких прагматических задач — одноплановых, а не двуединых в отличие от проективных религий. Такую задачу ставил, например, Карташов, когда писал о «Воссоздания Святой Руси» усилиями религиозных братств. Для решения этой задачи он не предусматривал преобразования (т. е. перевоспитания) субъекта социально-исторического действия, поскольку полагался на достаточную активность уже существовавших объединений верующих. Утилитарная направленность свойственна оздоровительно-врачевательным практикам оккультного характера: *цигуну*, так называемой «*закалке-тренировке*» Порфирия Иванова.

Важно отметить, что инструментальная направленность свойственна не только интересующим нас *нетрадиционным религиям*, но и традиционным историческим религиям, когда в их идеологам приходится решать важные и неотложные идейнополитические задачи. Такова была знаменитая доктрина «Москва — Третий Рим» монаха Филофея и не менее известная идеология Уварова-Победоносцева «Православие — самодержавие — народность». Таким образом интегральные религии в случае необходимости могут порождать типологических «мутантов» — утилитарные религиозные доктрины и идеологии.

•7. Нельзя обойти вниманием еще одну типологию религий. Это типология религиозного синкретизма, который известен на всем протяжении истории и стал отличительной особенностью многих современных новых религиозных движений. К данной типологии относятся религии, гетерогенные по своему смысловому содержанию, обрядности и институтам. Им свойственно соединение в одно целое элементов из разных исторических традиций и различной социокультурной природы. Отметим принадлежащие к этому типологическому ряду основные типы религий.

Наиболее известен вероучительский синкретизм, являющийся следствием эклектического соединения разнородных религиозных

представлений. Классический пример — двоеверие на Руси, возникшее после введения христианства и сохранявшееся на протяжении нескольких столетий. В современную эпоху синкретическое христианство можно встретить у многих народов мира. В нем объединены элементы архаических представлений и обрядов с позднейшими напластованиями христианства и ислама (например, у осетин, как показал в своих исследованиях конца 19 в. Всеволод Миллер). Очень широко распространены синкретические религии в Африке и в Латинской Америке, основанные на соединении автохтонных культов с адаптированным к ним католицизмом или исламом. В России среди новых религиозных движений выделяются своим открыто провозглашаемым синкретизмом Агни Йога и учение Виссариона-Христа (Церковь Последнего Завета).

Многим сектантским объединениям прошлого и настоящего свойственен религиозно-хозяйственный синкретизм, вследствие чего в этих объединениях важную и во многом самостоятельную роль играет хозяйственно-производственная база. В старой России таким синкретизмом отличались объединения духоборов и молокан. В современной — сектантские коммуны таежных жителей — виссарионовцев и анастасьевцев.

Известны религиозные объединения, отличающиеся социокультурным синкретизмом. Их называют еще этноконфессиональными группами, среди которых наибольшую известность получили менониты. К этому же синкретическому типу принадлежали и старообрядцы-некрасовцы, бежавшие за рубеж и сохранявшие три столетия свою этнорелигиозную идентичность.

Возникшее в годы перестройки неоязычество сразу приобрело у ряда малых народов — алтайцев, марийцев, удмуртов, тывинцев ярко выраженный социокультурный синкретизм. Лидеры этих новых религиозных движений заявили, что возрождение этнического язычества является единственным средством сохранения и развития культуры и общественных отношений этих народов. Еще более резкую идеологическую окраску приобрело украинское язычество, претендующее на роль государственной религиозной идеологии в этой стране.

Не менее важную роль намерены играть в общественнокультурной жизни страны религиозные объединения, деятельность которых характеризуется религиозно-образовательным и религиозно-воспитательным синкретизмом. Типичным примером является кришнаитская *гуруйсула* — монастырская школа для детей с раннего возраста и до совершеннолетия. В российских условиях учебный процесс в *гурукуле* имеет синкретическое содержание, поскольку включает в себя программы нашей светской школы, помимо чисто кришнаитских моментов. В некоторых детских учреждениях реализуются воспитательно-образовательные программы *секты* Ананда Марга.

Синкретизмом чреваты и образовательные программы и школьные учебники, разработанные мунитами и широко обсуждавшиеся в жарких дискуссиях несколько лет тому назад. Казалось странным, что они нашли

поддержку у некоторых деятелей образования и культуры. Объясняется это, вероятно, не столько их симпатиями к учению Церкви объединения и лоббированием ее проектов, сколько интересом к содержательной нравственно-воспитательной части программы, выглядевшей совершенно не связанной с религиозной деятельностью секты Муна. Синкретизм часто является проходным баллом для религиозных организаций, вознамерившихся оказать свое духовное влияние на воспитательно-образовательные учреждения.

Встречается, наконец, еще один тип синкретизма в новых религиозных движениях, проявляющийся в заимствовании на эклектической основе некоторых положений современной науки. Это делается как с целью адаптации религиозных воззрений к рационалистическому мировоззрению нашей эпохи, опирающемуся на данные науки, так и в попытке опереться на ее авторитет. Елена Рерих заявляла, что ее учение Агни йога соединяет представления восточных религий и христианства с научными положениями. Сайентологи используют в своих психосоматических практиках мистической направленности научный прибор, измеряющий электрическое сопротивление. Секо Асахара на своих выступлениях в университетах Москвы заявлял, что религиозные истины должны подтверждаться наукой, в том числе и учение созданной им сектантской организации АУМ Синрике. С этой целью российские музыканты, созданного при этой организации симфонического оркестра, подвергались опасным экспериментам с использованием электрического тока и ультразвуковых вибраций.

о 8. Типология социокультурных установок религиозных объединений.

В зависимости от *отношения к обществу* религии (религиозные объединения) разделяются на *статусные религии* (религии статус кво, легитимные религии) и *антистатусные религии*, в той или иной форме и степени отвергающие существующий общественный строй. К последним принадлежат *новые религиозные движения* и *оппозиционные религии*.

### *Приложение 3*

#### **Специфика новых религиозных движений (НРД)**

• Чрезвычайное разнообразие религиозных новаций не позволило на основании их внешних признаков найти адекватные понятия и термины для обозначения общей их совокупности. Общеизвестно, что широко применяемые термины «нетрадиционные религии», «новые религиозные движения», «движения Нового Века (Нью Эйдж)» весьма расплывчаты и противоречивы по своему содержанию, поэтому могут служить лишь в качестве рабочих обозначений, служебных указателей. Эти термины вовсе не выражают сущностных особенностей соответствующих религиозных новаций. Таким образом, если при рассмотрении *нетрадиционных религий* мы не хотим ограничиться указанием на их внешние, весьма относительные по своему значению, признаки, то специфику этих новаций следует определять по характеру их социокультурных позиций.

Поэтому целесообразно предложить новую терминологию, в которой

зафиксировать основные позиции, свойственные рассматриваемой религии (религиозному объединению). Важно отметить, что эти позиции вытекают из соответствующего вероучения и поэтому по своему содержанию *субъективны* и не однозначны *объективному* социокультурному значению анализируемого религиозного феномена.

Специфику НРД выражают две позиции: отношение к существующему строю в форме *социальной альтернативы* и отношение к господствующим конфессиям в форме *религиозного радикализма*. Впервые этот тезис я обосновывал еще в 1986 г. в книге «Критика современных нетрадиционных религий», вышедшей в издательстве МГУ.

Новые религиозные движения по-разному относятся к социальной действительности. Обновленческие движения претендуют на радикальное и скорейшее разрешение социальных проблем современности. Часть из них характеризуется социально-антропологическим перфекционизмом. Другая часть провозглашает необходимость сакрализации действительности для радикального изменения ее к лучшему. Оппозиционные религии характеризуются отчужденным отношением к миру, непримиримым противоборством с ним, либо стремлением подчинить его иным сакральным приоритетам, отказавшись от бого- почитания и установив культ дьявола. В уфологических группах пропагандируют культ космических пришельцев, пилотов летающих тарелок, спешащих на помощь страждущим обитателям Земли. Наиболее радикально настроенные представители оппозиционных религий поклоняются персонифицированному Злу как верховному сакральному началу. Альтернативные религии не допускают никакого компромисса с современным миром, решительно отказываются от существующей общественно-государственной системы и от официальных церквей, поддерживающих ее своим авторитетом.

*Отношение к господствующей религиозной традиции* является, пожалуй, наиболее резко выраженной характеристикой феноменов нетрадиционной религиозности, которая по своему общему содержанию может быть названа «обновленческой», а в своих крайних проявлениях — «религиозным радикализмом». Для выявления ее во всей полноте целесообразно построить подробную классификацию признаков религиозного обновленчества (как основных признаков, так и их разновидностей).

Первоочередным по значимости признаком религиозного обновленчества является отказ от традиционного церковного института и обращение к определенным, весьма разнообразным альтернативам. Таковыми являются: а) религиозные течения и движения, которые обходятся без сакральных институтов, но могут располагать определенной организацией, центрами (старообрядцы-беспоповцы, демохристиане, молодежное «движение Иисуса» 70-х гг., движение «К Богодержавию», фалуныгун); б) культы языческого поклонения, жречество; в) религиозно-мистические культы (психоделия, герметика, тантристские и Логические культы), гуризм; г) сектантство.

Другим важнейшим признаком обновленчества (уже на уровне *религиозного радикализма*) является отказ от монотеистического трансцендентального мировоззрения. Понятие «религиозный радикализм» означает не просто конфессиональное неприятие и конкуренцию, а апелляцию к альтернативному типу религиозности.

В качестве альтернатив пропагандируются: а) оккультное или пантеистическое мировоззрение, на основе которого строится гнозисная парадигма различного содержания — религиозно-философского (фалуньгун), оккультного (герметики, психоделики) или психологического (практики одитинга и вспоминания «прошлых жизней» у сайентологов); б) сближение с наукой в форме заимствования определенных ее концепций (эволюция человеческих рас, связи с инопланетными цивилизациями); в) псевдонаучные космологические схемы (в Белом Братстве ЮСМАЛОС), новые мифологические картины космического мироздания («Роза мира» Данила Андреева; г) космическая эволюция (различные направления космизма как религиозно-философского течения).

Третьим важнейшим признаком религиозного обновленчества является обращение к инокультурным морально-этическим системам взамен традиционной христианской. В качестве таких альтернатив современными «религиозными диссидентами» принимаются: а) кармическая ответственность индуизма; б) релятивистская мораль буддизма; в) субъективистская прагматическая мораль (последователей Алистера Кроули, современных сатанистов).

Четвертым важнейшим признаком религиозного обновления являются новые упования, противопоставляемые принятым в традиционных христианских конфессиях: а) отказ от надежды на получение благ на том свете, а обещание их «здесь и сейчас»; б) мессианизм (движение Иисуса) и эсхатологизм (секта «Дети Бога»); в) миллениаризм (доминирующая позиция виссарионовцев).

Пятым важнейшим признаком религиозного обновления является пропаганда новых религиозных утопий: а) натуралистических антисоциальных утопии (Порфирий Иванов); б) антропологических утопий (в «Обществе трансцендентальной медитации» Махариши Махеш Йоги, в различных концепциях «Нового Века»); в) социально-политические утопии (сословная — построение варнического общества по проекту кришнаитского наставника Свами Харикешы, расистско-националистическая у некоторых неоязыческих объединений, теократическая — ваххабитский халифат).

Стоит заметить, что советская идеология, которую правомерно именуют «религией советизма», не только относилась к особому типу так называемой светской религии, а обладала специфическими чертами НРД. Они хорошо всем известны. Это отказ от религиозных традиций, от «старого строя», настойчивая пропаганда новой, по своему мифологизированной социальной утопии и веры в ее ближайшую реализацию. Напомним слова Сталина: «Коммунизм не за горами». Хрущев еще сильнее актуализировал утопическое видение будущего и повторял, что нынешнее поколение, 80-х

годов вступит в коммунистическое общество.

Мы 70 лет жили в атмосфере псевдорелигиозного утопизма, так что стоит ли удивляться популярности у нас новых религиозных движений?

Разработка идей аналитического религиоведения и типологизация многообразия религиозных новаций поможет глубже уяснить особенности этих феноменов и будет способствовать оптимальной их адаптации в русло религиозного плюрализма, органически присущего современному демократическому обществу.

**Андреев И.Л.** Тайные ритуальные общества Африки: философско-психологические этюды *Психология и психотехника*. 2011. № 3. С. 58.

**См.: Паевская Е.В.** Развитие бенгальской литературы XII-XIX вв. М., 1979. С.92.

### **Евгений Геннадьевич БАЛАГУШКИН**

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии религии Института философии РАН. Специалист в области теоретического религиоведения, исследователь исторической, социологической, культурологической и философской проблематики изучения религии, мистицизма и эзотерики, новых религиозных движений. Автор многих работ религиоведческого и иного гуманитарного профиля: «Современные нетрадиционные религии и их влияние на молодежь Запада», «Проблемы морфологического анализа религий», «Критика современных нетрадиционных религий (истoki, сущность)», «Нетрадиционные религии в современной России», «Идеология и деятельность современного кришнаизма», «Нравственные основы семьи», «Влияние неопрейдизма и теорий сексуальной революции на нравственное сознание молодежи Запада» и др.